Институт социально-политических исследований
Обособленное подразделение
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Федерального научно-исследовательского центра
Российской академии наук
ИСПИ ФНИСЦ РАН

ЛЕОНИД РЫБАКОВСКИЙ

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ.
ОСОБЕННОСТИ. ЛЮДСКИЕ ПОТЕРИ. ФАКТОРЫ ПОБЕДЫ

Издательство «Экон–Информ»
Москва 2020

УДК 355:31
ББК 63.3(2)622:60.7
Р93

Рыбаковский Л.Л.
Р93 Великая Отечественная. Особенности. Людские потери. Факторы победы. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2020. – 251 с.
ISBN 978-5-907233-69-0

Это книга о величайшей драме, которую в середине XX века пережил наш народ. Несмотря на колоссальные людские потери, не говоря уже об уничтоженном материальном богатстве, создававшемся неимоверным трудом тех, кому выпало затем защищать себя, своих близких, свой народ, свою Родину от фашистской чумы, эта чума была повержена советскими воинами, водрузившими над Рейхстагом флаг Победы. Это книга о Великой Отечественной войне, о том, что ее отличает от всех войн, известных человеческой истории, о том, как, потеряв такое огромное количество военнослужащих и еще большее количество гражданского населения, страна смогла выстоять и победить, благодаря каким факторам это произошло.

УДК 355:31
ББК 63.3(2)622:60.7

ISBN 978-5-907233-69-0

© Рыбаковский Л.Л., 2020
© ИСПИ РАН, 2020

Посвящается всем тем, кто погиб, а также вернулся живым, защищая свою Родину и освобождая народы Европы от фашисткой чумы!

Предисловие

В 2001 г. нами была опубликована книга о людских потерях Советского Союза и в т.ч. России в Великой Отечественной войне. В новом столетии, как и в девяностые годы, мы продолжали считать, что наша страна в то трагическое время потеряла 27 млн человек. Эта цифра была получена в конце 80-х гг. XX в. во время нашей работы в межведомственном научном коллективе, который подсчитывал людские потери. В 2010 г. книга была переиздана в сокращенном виде. Собираясь переиздать книгу, нам стало очевидным, что несмотря на то, что оценка людских потерь – это важнейшая часть любого издания на эту тему, тем не менее в книге о людских потерях в Великой Отечественной войне только этим ограничиваться нельзя. Цифра цифрой, но переиздавать книгу не имело смысла, без попытки объяснения того, почему эти потери столь огромны, с чем связано, что они примерно такие же, как и у всех остальных участников Второй мировой войны. Пришлось помимо второго раздела, в котором рассматриваются подходы и оценки людских потерь, все остальное написано заново. Мы особенно рекомендуем тем, кто решится прочитать эту книгу (иллюзий относительно того, что в наше время, помимо писателей, еще сохранились и читатели книг, мы давно уже не питаем), не пропустить три главы: третью – в разделе 1, а также главы 2 и 3 третьего раздела. Они дают ответ на вопрос: почему Советский Союз потеряв такое количество военнослужащих и еще больше гражданского населения (всего 14% довоенного населения страны), смог не только устоять перед гитлеровскими полчищами, безраздельно распоряжавшимися к тому времени всеми людскими и материальными

ресурсами Европы (исключением была лишь Англия), но и разгромить Германию вместе с сателлитами и водрузить Знамя Победы над Рейхстагом в Берлине? Завершая это короткое предисловие, мы хотим сказать, что при написании книги, при оценке тех или иных исторических событий, старались представлять то время таким, каким оно было и не переносили на него наши современные представления о событиях, бывших в начале далеких сороковых годов. Как бы предвидя это, ныне распространенное явление, выдающийся историк академик Е.В. Тарле предупреждал, что существует стремление к модернизации – переносить современные представления к тому, что было в прошлом. Читая эту книгу, не делайте того, о чем предупреждал настоящий академик!

И последнее. В книге встречаются повторения. К сожалению, без них нельзя, т.к. некоторые факты характеризуют разные явления. Например, блокада Ленинграда – это и голод, и героизм. Или результаты внезапности – это и потери, и мобилизация сил и средств на отпор врагу.

Раздел 1

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА: ПРЕДПОСЫЛКИ, СПЕЦИФИКА, ПЕРИОДИЗАЦИЯ

Глава 1

ВОЙНЫ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА И ИХ АПОФЕОЗ – ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Начнем с недоумения. Непонятно, почему бог, создавая такое, казалось бы, разумное существо, как человек, из его характера не устранил звериную жестокость? Этот вопрос наталкивает на мысль, что человек, скорее всего, не божественное создание, а, как считал Чарлз Дарвин, он – результат превращения очень уж похожего на обезьяну человекообразного существа. Длительная эволюция, т.е. превращение этого животного в человека (homo sapiens), насчитывающая, по крайней мере, 40–50 тыс. лет, не устранила животный инстинкт – убивать другие живые существа, в т. ч. и подобные себе, чтобы удовлетворить базовую потребность в пище. Со временем мотивация убийств существенно расширила свои границы. Убийства стали детерминироваться не только жаждой голода, но и другими потребностями и интересами. Собственно этим можно объяснить абсолютное большинство происходивших в прошлом и совершающихся в настоящее время убийств, идет ли речь об одиночных актах или еще в большей мере о массовом уничтожении людей. Первое одиночное убийство, если исходить из христианских догм, относит-

ся ко времени создания человека. Речь идет об убийстве сыночком Адама и Евы своего родного братишки – Авеля. Прошли тысячи лет от этого библейского события и оно, не став еще массовым, тем не менее довольно часто встречается в нашей цивилизованной жизни, не говоря уже об убийствах посторонних людей.

Если для подобных случаев, т.е. для одиночных убийств не требуются особые орудия, то уже для массового истребления себе подобных нужны специальные средства. Потребность в их создании и совершенствовании стала возрастать вместе с ростом численности населения и его расселением по материкам и странам. За прошедшие тысячелетия на смену каменным топорам, дубинам и т.д. пришло оружие из металла, а потом после создания пороха, луки и стрелы, мечи и копья с металлическими наконечниками сменились огнестрельным оружием. Для массовых убийств были созданы соответствующие средства (пулеметы и пушки). Потом наступила эпоха моторов. Убийство людей, распространившись вначале с суши на воду, затем поднялось и в небо. Как бы подытоживая происшедшее, еще в предвоенные годы в Советском Союзе очень популярной была песня со словами: «На земле, в небесах и на море…»

В последние пятьдесят веков известной истории человечества, если поверить на минуточку тому, что пишут на эту тему, случилось примерно 15 тысяч войн [9, с. 16]. Опустив сомнения о том, как они подсчитывались, получится, что в среднем на одно столетие приходится по 300 войн (3 войны в год). В предисловии к тому источнику, откуда взяты эти сведения, сказано, что в XX в. всякого рода войн и вооруженных столкновений было около 500. И это закономерно, т.к. вместе с увеличением численности населения мира возрастало и количество войн, которые оно затевало. Среди этого огромного количества войн к числу наиболее известных можно отнести военные походы Александра Македонского. В IV веке до н.э. войска во главе с ним, двинувшись из Македонии на север, подавили восставших иллирийцев и фракийцев, затем захватили Фивы.

Спустя некоторое время Александр Македонский отправился в многолетний поход: покорил Палестину, Египет, захватил Персию и, наконец, овладел Средней Азией. Поход закончился в Индии. Ныне об этих походах говорят названия ряда созданных им городов, среди них в Египте – Александрия, в Таджикистане – Худжанд, а также частичное изменение облика тех народов, с женщинами которых общались завоеватели. Чуть позже, в середине I столетия до н.э. Юлий Цезарь совершил ряд военных походов, в результате которых разгромил галльские, германские и некоторые другие племена в Центральной Европе. Только в 58–46 гг. до н.э. Цезарь провел 5 победоносных сражений, причем у него всегда войск было меньше, чем у противника. Так, в битве при Вогезах противник имел 5-кратное преимущество, но был разгромлен. К Александру Македонскому и Юлию Цезарю можно добавить еще Ганнибала с его победоносными Пуническими войнами, проходившими в конце III века до н.э., а также некоторые сражения других полководцев античности.

Значимые военные события новой эры, как принято считать с Рождества Христова, начнем с гуннов. В конце IV века гунны совершили набег на Сирию и Каппадокию (название местности на востоке Малой Азии). В том же веке они потеснили к границам Римской империи другие германские племена из районов, примыкающих к Балтийскому и Черному морям. В свою очередь, потесненные гуннами вестготы разграбили Грецию и Рим. На стыке IV и V веков основная часть гуннских племен обосновалась на берегу Дуная (территория нынешних Венгрии и Австрии) и стала совершать оттуда набеги на Восточную Римскую империю. Вместе с гуннами в этих набегах участвуют и смешавшиеся с ними племена булгар, остготов, сарматов и пр. В V веке вождь гуннов Аттила объединил варварские племена от Рейна до Северного Причерноморья и стал совершать набеги на Западную Римскую империю, Северную Италию, Галлию и пр. В той же середине I тысячелетия огромные массы германских племен, обитавших в районах Запад-

ной Европы, стали совершать набеги на северные регионы Римской империи. Эти нападения вкупе с нападениями других племен на ее территорию привели к тому, что в V веке империя полностью была разрушена. Свою лепту внесли и славянские племена. В VI веке славяне пересекли границы Византии и вышли на побережье Адриатического моря. В VII веке Балканский полуостров почти полностью заселяется славянскими племенами, а также кочевыми народами – аварами, выходцами из Средней Азии. В IX веке согласно то ли историческим сведениям, то ли привлекательным легендам, князь Олег, правивший уже в Киеве, названном им матерью городов русских, прибил свой щит на ворота Царьграда. Как говорится, наши исторические предки также не оставались в стороне.

В конце I и начале II тысячелетия н.э. не дремали и завоеватели в других частях света. Наиболее известные из них последователи Мухаммада, Чингисхан и его наследники, а также Тимур (Тамерлан). В начале VII века последователи Мухаммада из районов Медины (часть Саудовской Аравии) завоевывают Сирию, Палестину, Месопотамию, Египет и Персию. Чуть позже, в середине XI в., кочевавшие на юге Средней Азии тюркские племена, вторгшись в Иран, захватили Багдад, проникли в Малую Азию, затем завоевали Сирию, Иерусалим и другие города Палестины. В XII – начале XIII века Чингисхан покоряет Северный Китай, вторгается в Среднюю Азию, на Кавказ и пр. Вслед за этим следует завоевание Батыем Руси, разгром польских и немецких рыцарей, вторжение в Венгрию, набеги на Австрию, Хорватию и т.д. (кем были Чингисхан, Батый и др. монгольские ханы остается на совести классической истории). Наконец, в XIV веке Тамерлан совершил победоносные походы по Средней Азии, затем разгромил персов, Золотую Орду, Османское государство и т.д. Свидетельством этого времени является картина В.В. Верещагина – апофеоз войны (гора черепов, поверженных врагов).

В Европе II тысячелетие также не было мирным. В XI веке Вильгельм Завоеватель (герцог Нормандский) разгромил англосак-

сов и создал единое английское королевство. А спустя тысячу с лишним лет после завоеваний Юлия Цезаря и Александра Македонского, Карл Великий вторгся в Саксонию, Испанию, Италию, Бретань и т.д. XI–XIII века – это время крестоносцев. Западноевропейские феодалы с челядью двигались на Ближний Восток и, прикрываясь благими целями освобождения гроба Господня и Святой земли, грабили все, что попадалось им на пути. В сражениях с мусульманскими государствами (Сирия, Палестина и др.) с обеих сторон участвовали сотни тысяч человек. К этому списку можно добавить многие войны, бывшие в Европе в последние столетия II тысячелетия. Среди них и войны Оливера Кромвеля, и особенно Наполеона Бонапарта, а для нашей страны – изгнание поляков из Москвы в начале XVII века, победоносное вступление российских войск в Париж после бегства Наполеона и многое др. Нет смысла продолжать перечень имен полководцев и их завоеваний. Добавим лишь, что XX век потрясли две мировые войны, радикально изменившие характер и последствия войн, но об этом ниже.

В XXI столетии пока дело до мировых войн не дошло, тем не менее локальных войн – не счесть. До сих пор войны не утихают в Азии, Африке, Латинской Америке и даже в Европе. Особенно их много на африканском континенте. Там насчитывается примерно 15 вооруженных конфликтов (Сомали, Ливия, Чад, Центральноафриканская республика, Мали, Алжир, Либерия, Бурунди и т.д.). То же самое можно сказать об Азии и Ближнем Востоке, где еще недавно произошли и в ряде случаев продолжаются до сих пор гражданские войны (Афганистан, Сирия, Ливия, Непал, Ирак, Шри-Ланка, Йемен и т.д.). На американском континенте с середины 60-х гг., т.е. уже более полувека ведется гражданская война в Колумбии. Подобная война была также в Сальвадоре. Куба смогла устоять против агрессии со стороны США и т.д. [29]. Ныне во многих случаях организаторами вооруженных конфликтов выступают США, считающие себя мировым гегемоном, с теми или иными союзниками по НАТО. Таково вооруженное вторжение в Югославию, Ирак, Ливию, Сирию. Судя

по обилию вооруженных конфликтов и в целом по той политической обстановке, которая наблюдается в мире, в течение всех 75-ти лет после завершения самой кровопролитной войны в человеческой истории, скорее всего, homo sapiens сам не сможет избавиться от такого явления, как война. Если человечеству не удастся исключить из своей истории Третью мировую войну, то произойдет то, что в конце 50-х или начале 60-х гг., точно не помню, но в журнале «Крокодил», в одном из номеров была изображена картина после Третьей мировой войны. На местности возвышалось дерево, а на нем сидели две обезьяны. Глядя на небо, где добивали друг друга два последние американский и советский самолеты, одна обезьяна-самка молвила самцу: «Ну вот, опять придется все начинать сначала».

Итак, что же такое война и почему это явление столь живуче? Начнем с австрийского психолога, основателя психоанализа, который, исходя из своих воззрений на природу человека, полагал, что войны – это неизбежное следствие периодических вспышек человеческой агрессивности. Ее он считал одним из основных инстинктов, определяющих смысл человеческого существования [30]. Зигмунд Фрейд был не одинок. Ряд других психологов полагали, что человеку по его природе свойственна агрессия. Они свое недовольство превращают в предубеждения и ненависть к другим расам, нациям, религиям и идеологиям. В том же XIX веке, но уже не австрийский психолог, а прусский военный теоретик генерал Карл фон Клаузевиц, говорил, что война – это самое страшное состояние человеческого общества, проявляемое им массовое физическое насилие, «война является актом насилия, и применению его нет предела» [9, с. 27]. Между сутью и определением этих явлений у психолога и генерала нет расхождений, первый исходил из своих воззрений на природу отдельного человека, тогда как второй – из природы всего человеческого общества и, естественно, из сущности его организационной формы – государства. Клаузевиц, высказав свое понимание войны, связав его с состоянием общества, да-

лее постулирует, что «война есть не что иное, как *продолжение государственной политики иными средствами*» [9, с. 27]. При этом война представляет собой «акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю» [9, с. 35].

Войны как вооруженные противоборства могут возникнуть внутри страны, между странами или даже между их союзами. Следовательно, войны в первую очередь можно разделить на две категории: внешние (межгосударственные) и внутренние. Войны могут быть мировыми и локальными, захватническими и освободительными и т.д. О характере войн часто говорят их названия. Так, к ним относят подавления восстаний рабов, крестьянские войны, религиозные войны, крестовые походы, династические войны (войны Алой и Белой розы в Англии), колониальные войны, войны за мировое господство, гражданские войны, национально-освободительные войны и т.д. [30]. Нет, да, наверное, и не может быть классификации войн из-за их разнообразия и смысла, который в них вкладывают разные исследователи, исходя из различных представлений о природе войн, их целей, составе участников и т.д. Единственно, что бесспорно, это то, что во всех случаях война – это всегда кровь, боль, жертвы и разруха [29].

Войны – это вооруженные противостояния, происходящие на почве разных политических, экономических, идеологических и других претензий одного (одних) государства к другому (другим). Эти противостояния, по Клаузевицу, выступают как средства достижения определенных целей, природа которых менялась вместе с развитием человеческого общества. Цель войны – это, по сути, и причина ее возникновения. Вместе с тем история войн показывает, что они не возникают из-за одной причины. Экзотическое исключение составляет, пожалуй, лишь Троянская война, описанная Гомером. Эта война была навеяна романтикой любви Париса, сына царя Трои к прекрасной Елене, жене Менелая, владыки Спарты (кстати, как и у Геракла, да и ряда других античных героев, отцом Елены был Зевс. Вот уж, действительно, легко быть Гераклом, ко-

гда у тебя такой папочка!). Целью войны являлось возвращение беглой жены к ее законному мужу. На эту процедуру потребовалось десять лет. Все остальные войны были вызваны, как правило, тем или иным комплексом различных причин, в котором, однако, всегда была доминанта, собственно определяющая цель войны.

Начнем с военных походов германских и других племен (саксы, франки, готы и т.д.). Их цель была в захвате новых территорий, что обусловливалось ухудшением климата в местах обитания этих племен, затоплением побережья Северного моря, перенаселенностью и недостатком продовольственных ресурсов. В условиях ограниченности сельскохозяйственных земель эти племена направлялись на поиски «жизненного пространства» в южные районы, обладающие более мягким климатом и обилием ресурсов. Еще одной причиной была традиция, существовавшая у германских племен, устраивать военные походы для того, чтобы молодежь могла проявить свою доблесть.

Причиной военных походов было порабощение племен, находящихся на более низкой стадии общественного развития, обложение их данью, захват рабов и т.д. Завоевание новых территорий, их ограбление дополнялось также войнами за раздел захваченных земель (таковым был раздел империи Александра Македонского). В более поздние времена захват чужих территорий, либо побежденных государств, либо их колоний, также ставил целью присвоение ресурсов побежденных стран. В числе этих ресурсов были полезные ископаемые, плодородные земли, лесные и рыбные богатства, дешевая рабочая сила. Порой к ним относилось и географическое расположение захваченных территорий. Таков, например, бывший испанский Гибралтар, захваченный в начале XVIII века Великобританией, или турецкий Босфор, пролив, соединяющий Черное море с Мраморным, к которому проявляли вожделенный интерес многие страны, в числе которых, кстати, была и Российская империя. Еще одной из причин войн было получение контрибуции или дани, которую, к примеру, русские княжества платили Золотой (татаро-

монгольской) Орде более двух столетий. Много позже причинами войн стали намерения стран, считающих себя мировыми гегемонами, менять в других странах государственный строй, устранять неугодных, с их точки зрения правителей (в самое последнее время это было основной причиной развала Югославии, Ирака, Ливии и не удавшиеся попытки этого с Сирией и Венесуэлой), уничтожать ресурсы, людской потенциал.

Порой войны выступают в качестве средства отвлечения народа от насущных социальных проблем. Такова была Франко-прусская война (1870–1871 гг.), в которой был кровно заинтересован Наполеон III – французский император, хотевший укрепить свою ослабевшую власть. Это же относится и к Русско-японской войне (1904–1905 гг.). По словам Плеве (министра внутренних дел России в 1902–1904 гг.), России была нужна «маленькая победоносная война», чтобы люди перестали думать о революции [29]. Война как раз и привела к революции 1905 г. Порой войны связаны с амбициями лидеров тех или иных стран, причем большая часть их населения может не разделять воинственные намерения своих лидеров, может относиться к ним нейтрально, а может и почти поголовно поддерживать. В истории было ничтожно мало войн, которые становились результатом всенародного волеизъявления. Чаще всего народ втягивался в войну главами своих государств [30]. Для этого в цивилизованных странах использовались постоянно совершенствовавшиеся пропагандистские инструменты. В значительной мере благодаря этому за несколько лет своего правления Гитлер смог повести за собой почти весь ослепший от идей мирового господства немецкий народ, для которого русские надолго стали его врагами.

Обычно развязывая войны, полководцы, короли, императоры и прочие властители, думали в первую очередь о своей славе, величии, престиже, а не о том, что загубят во имя этих эфемерных представлений тысячи, что там тысячи десятки, сотни тысяч, а позже и многие миллионы человеческих жизней. Напомним, что во

время Крестьянской войны в Германии (это первая треть XVI века) погибло около 100 тыс. человек. Немного больше (около 135 тыс.) было убито в середине XIX столетия в ходе гражданской войны в Америке (выступавшие против рабства штаты Севера боролись с рабовладельческими штатами Юга). Уже в XX веке только в Первой мировой войне было перебито от 9 до 10 миллионов человек. Но, несмотря на гибель сотен тысяч, миллионов людей, тех, кто развязывал войны, завоевателей чужих стран и народов обычно считают великими, причем чем больше они загубили человеческих жизней, тем больше у них «величия». Тут и Александр Македонский, и Наполеон Бонапарт, для которых погубить сотню, тысячу или больше ни в чем не повинных гражданских лиц, включая женщин, стариков и детей, ничего не стоило. Для Наполеона конечной целью баталий было установление политического и экономического господства в Европе, да, видимо, и во всем мире [9, с. 15]. Для достижения этой цели годились любые «военные успехи». Так, во время египетского похода после взятия города Яффа все его население было перебито, включая и сдавшихся в плен под заверение о сохранении им жизни (примерно 4 тыс. солдат). Но кто это помнит и ставит Наполеону в вину? К сожалению, пройдет еще несколько десятков лет и вполне вероятно таким же великим, как Наполеон, будут считать и Гитлера, который, в отличие от Бонапарта, не скрывал своих намерений уничтожить пять десятков миллионов русских и других славянских народов, чтобы очистить жизненное пространство для немцев.

До XIX столетия вооруженные противоборства велись, как правило, немногочисленными профессиональными армиями, тогда как со второй половины того же столетия, особенно в XX веке, войны стали требовать громадного напряжения экономики воюющих сторон и втягивать в длительную борьбу многомиллионные массы народа [30]. С этим можно согласиться, если границу со второй половины XIX века перенести к его началу. Вспомним войны Наполеона Бонапарта. Только в Россию вторглась его шестисоттысячная армия. Более того, в ходе наполеоновских войн поменялись устояв-

шиеся в прежние века нормы и положения военного искусства. Против вымуштрованных рекрутских армий, существовавших в европейских странах, выступали наполеоновские войска, применявшие не только новые способы ведения войн, но и новую стратегию, суть которой состояла в полном разгроме противника [9, с. 15].

Все то, что было еще в XIX веке, это – лишь цветочки. Ягодки явились в XX веке, когда человечество потрясли две войны, получившие название мировых. Одна из их особенностей состоит в том, что в них участвуют многие страны с многомиллионным населением. Уже в Первой мировой войне приняли участие 36 (по другим источникам – 38) стран с населением свыше одного млрд человек. Что уж говорить о Второй мировой войне. Соответственно и масштабы потерь в войнах со временем росли. Если в войнах европейских стран людские потери (убитые, умершие от ран и болезней) в XVII веке составили 3,3 млн человека, в XVIII веке – 5,4 млн, в XIX веке и самом начале XX столетия (до Первой мировой войны) – 5,7 млн, то в Первой мировой войне они превысили 9 млн человек [30]. Согласно другому источнику, людские потери в Первую мировую войну составили примерно 10 млн [10]. В этой войне погибло больше, чем в XVII и XVIII веках вместе взятых или вдвое больше, чем во всех войнах XIX столетия. По другим данным, число погибших оказалось больше, чем за все предшествовавшие войны последних 125 лет, начиная с 1790 г. [7, с. 172]. Говоря о потерях в войнах XVII, XVIII и XIX веков, надо иметь в виду, что это всего лишь примерные оценки, когда бы они не были сделаны, особенно если учесть, что даже людские потери во Второй мировой войне, относящейся к середине XX столетия, до сих пор подвергаются пересчетам и большим сомнениям. Тем не менее, как говорится, «коль нет другой бумаги, то приходится писать на гербовой», т.е. пользоваться этими данными.

Основная черта Первой мировой войны – громадные людские потери. Это связано с тем, что она по численности ее участников, масштабам, применяемых орудий убийства радикально отличалась

от всех предыдущих войн, которые велись со времени появления человека. В этой войне в той или иной мере участвовало, как уже говорилось, 38 стран, расположенных в Европе, Азии, Америке и Африке, а с учетом колониальных владений Великобритании к ним можно прибавить и Австралию. Война велась почти во всех акваториях мирового океана и впервые не только на суше и на море, но и в воздухе. Боевые действия охватили огромные пространства. В этой войне противостояли две коалиции, два блока уже в начале столкновения, выставившие друг против друга свыше 16 млн вооруженных людей. Германия и ее союзники имели 6,1 млн военнослужащих, на стороне Антанты таковых было 10,1 млн.

Обе стороны использовали огромное количество разрушительного оружия, в числе которого впервые появились или стали широко использоваться танки и противотанковые орудия, самолеты и зенитные орудия, подводные лодки, пулеметы, огнеметы и т.д. Обе стороны применяли отравляющие вещества, от которых гибли не только воюющие, но и гражданские лица. Война непрерывно длилась более 4-х лет. За это время в сражениях приняло участие свыше 74 млн человек, причем к 1917 г. в войсках находилось 37 млн. В этой войне не только было убито примерно 10 млн человек, но и еще 20 млн оказались ранеными и искалеченными [7, с. 172]. Приводя эти цифры, т.е. сравнивая людские потери в XX веке с подобными в XVII и XVIII веках и соответственно с численностью населения, проживавшего в те времена, следует усомниться в тезисе, высказанный Клаузевицем о том, что войны цивилизованных народов гораздо менее жестоки и разрушительны, чем войны диких народов [9, с. 37]. Судите сами. Численность населения Земли в середине XX века превышала ту, которая была в 1650 г. в 4,5–5,0 раз, а людские потери в войнах XX века были больше, чем в войнах XVII века в 18–20 раз. Такова «цивилизованность», о которой говорил Клаузевиц!

Первая мировая война не является предметом данной работы, однако без понимания ее результатов и последствий невозможно установить действительные причины возникновения еще более жес-

токой и кровопролитной Второй мировой войны. Последствием Первой мировой войны и ряда, связанных с нею событий, таких, например, как Октябрьская революция 1917 г. в России, явился крах трех империй. Германская империя имела огромные колониальные владения в Африке, Азии и Океании. Будучи побежденной, она, как и ее союзники, потеряла свои колониальные владения. Их поделили Великобритания, Франция, Бельгия, Дания, Италия и другие страны Антанты. В целом происшедший крупномасштабный передел мира породил острые противоречия между побежденными и победителями, что само по себе могло стать причиной последующего вооруженного противостояния между ними. К тому же на обломках развалившихся империй (в первую очередь – Австро-Венгерской) возник ряд новых государств, между которыми сразу же начались межнациональные конфликты и пограничные споры: между Италией и Словенией, Польшей и Германией, Чехословакией и Венгрией, Польшей и Чехословакией.

Хрупкость послевоенного мира и реальные предпосылки возникновения новой войны были обусловлены положением Германии, возникшим по итогам Первой мировой войны. Основной итог состоял в том, что страны-победители – Великобритания и Франция – оказались в наибольшем выигрыше, если не считать США, возросшие экономическая мощь и финансовый капитал которых вывел эту страну в лидеры капиталистического мира. Более того, победители возложили ответственность за развязывание войны на одну Германию, хотя к этому стремились обе стороны, как Тройственный союз, так и Антанта, основными участниками которой были Англия и Франция. Это в последующем стало активно использоваться фашистами в качестве доказательства несправедливости условий «Версальского диктата». К тому же с приходом фашистов к власти не только существенно усилились реваншистские настроения, но и стала реализовываться их навязчивая идея мирового господства. *Как не парадоксально прозвучит, но роль Германии в развязывании Второй мировой войны – вторична, поскольку пер-*

вичные причины лежали на совести ее победителей, которые своими решениями и последующими действиями усилили милитаристские устремления германского народа, что проявилось буквально через несколько лет после прихода Гитлера к власти.

Согласно договору, подписанному в Версале 28 июня 1919 г., положившему конец Первой мировой войне, Германия возвращала Франции Эльзас и Лотарингию, создавала «польский коридор» и вольный город Данциг, передавала Саар под управление Лиги наций, организовывала Рейнскую демилитаризованную зону, лишалась всех колоний. Договор определял порядок проведения серии референдумов о самоопределении в спорных регионах, включая Верхнюю Силезию. Кроме того, договор существенно ограничивал Германию в вооруженных силах и обязывал ее выплачивать огромные репарации победившим странам за ущерб, нанесенный мировой войной.

Эта причина, т.е. возникшее после Первой мировой войны противоречие между странами-победителями и побежденными, рано или поздно, но все равно привела бы к новой войне, независимо от того, были бы другие причины или их не было. Но после окончания Первой мировой войны и ее главного последствия – возникновением первого в мире государства рабочих и крестьян, появилась новая причина, которая, кстати, могла бы сплотить все страны против одной единственной – Советского Союза. Его появление сразу же вызвало *историческую неприязнь, более того, ненависть и притом не только нацизма, но и правящих элит ряда ведущих европейских стран к России.* Заметьте, не к Советскому Союзу, а еще задолго до его возникновения, к России, которую представляли как государство, для народов которого не может быть места в цивилизованной Европе. Эта «варварская» страна, сумела в начале XVII века разгромить поляков, в начале XVIII века – шведов и, наконец, в начале XIX столетия – непобедимого Наполеона, избавив тем самым ту же Англию от континентальной блокады. Россия, к тому же еще и обладала громадной территорией с колоссальными

природными ресурсами, что всегда ставилось ей в вину, в т.ч. и в XXI столетии. Эта ненависть к России многократно возросла после 1917 г. Господствующие элиты основных капиталистических держав изначально возненавидели Советский Союз, ассоциируемый ими с Россией и представлявший для мирового пролетариата пример как надо поступать с эксплуататорскими классами. Не сумев в 1918–1922 гг. уничтожить в зародыше советскую власть, они долгое время ее не признавали. Их ненависть к ней многократно усилилась после того, как там победил социалистический строй. Ненависть к большевизму (в этом английская, немецкая, французская, итальянская, да и польская политическая элита были единодушны) подогревала желание отобрать у России ее жизненные пространства, что, кстати, открыто проявилось в идеологии и политике гитлеризма. Ко всему этому, страна, в которой победили трудящиеся, где создавалось социалистическое общество (справедливое в понимании пролетариата), стала магнитом для рабочего класса ряда развитых стран. В Германии и Венгрии даже произошли, правда, подавленные, пролетарские революции.

Уже изначально правящая элита ряда западных стран пыталась уничтожить Советскую Россию. О том, как союзники должны относиться к Советской России, уже в 1919 г. по военному сформулировал бывший главнокомандующий союзными войсками, французский маршал Фош, по мнению которого союзники проиграют войну, если не решат русской проблемы, ради чего можно пойти и на сотрудничество с Германией [14, с. 33–34]. Эту «русскую проблему» бывшие союзники России по Антанте стали осуществлять по четырем направлениям.

Во-первых, Франция и Англия, а также еще 12 стран, в числе которых США, Канада, Япония и др., стали активно помогать одной из сторон в разгоравшейся Гражданской войне, белогвардейцам, прежде всего, поставками оружия, с тем, чтобы в зародыше задушить нарождавшийся новый общественный строй. Белогвардейцам было поставлено только пулеметов 13,4 тыс. и орудий –

3,1 тыс. Поставки шли из Англии, Франции, Японии и в меньшей мере из США.

Во-вторых, интервенты оккупировали ряд окраинных регионов России. Их войска были на Северо-западе (Архангельск, Мурманск), в Причерноморье (Одесса, Николаев, Херсон, Севастополь), на Дальнем Востоке (Приморье, Приамурье, Северный Сахалин). К тому же в августе 1918 г. англичане захватили Баку, их затем заменили турки, а англичане обустроились в Средней Азии (Закаспийская область).

В-третьих, интервенты активно грабили ресурсы разваливающейся страны. Они вывезли из России несколько млн тонн различных грузов. Вывозили все, что можно было прибрать к рукам: металл и железную руду, лес и нефть, зерно и рогатый скот и т.д. К этому следует добавить, угон кораблей, вагонов и т.д.

В-четвертых, интервенты стали активно разваливать Россию, в первую очередь, содействуя отделению от нее окраинных частей. Это относится к прибалтийским регионам, а также к приграничным с Польшей и Румынией. От территории бывшей Российской империи оторвали также Финляндию (имела особый статус в составе государства). Польша присоединила к своей территории западные районы Беларуси и Украины. В декабре 1917 г. Румыния захватила Бессарабию, часть Молдавии, входившей в состав России. Японцы попытались прибрать к рукам Северный Сахалин, правда, в 1925 г. они вынуждены были убраться оттуда.

Несмотря на все усилия интервентов, «задушить большевизм в колыбели», к чему призывал в 1918 г., в то время военный министр Великобритании, Уинстон Черчилль, не получилось, несмотря на огромный урон, нанесенный России. Но недруги России, несмотря на то, что вынуждены были из нее убраться, правда, не с пустыми руками, не успокоились. В 1919 г. Черчилль говорил Ллойд Джорджу, что политика в отношении Советской России должна быть очень простой: «Следует накормить Германию и заставить ее бороться против большевизма» [24, с. 174]. Через год, в 1920 г., тот же Чер-

чилль антироссийскую политику сформулировал так: «Мир с германским народом, война против большевиков» [24, с. 168]. Большевиков он называл «свирепыми обезьянами-бабуинами» [24, с. 172]. Все эти цитаты приведены только для того, чтобы было понятно, что и *предвоенное отношение к Советскому Союзу основных европейских стран, да и США, и их нынешнее отношение к постсоветской России, это не случайные «выбросы», а последовательная политика этих стран, продолжающаяся уже целое столетие.*

Завершая анализ последствий интервенции, следует отметить исторически повторяющееся обстоятельство. Речь идет о том, что Россия, будучи в составе Антанты и сражаясь на русско-германском фронте почти до конца войны, по ее результатам оказалась в числе побежденных стран. Она в отличие от Франции, Италии, Японии и ряда других стран не увеличила свою территорию, а, наоборот, потеряла многое из того, что ей принадлежало до начала войны. Эти потери произошли на фоне британских приобретений. Численность населения Британской империи до передела мира составляла 400 млн человек, а в 1922 г. оно увеличилось до 458 млн (накануне Второй мировой войны население империи превысило полмиллиарда человек, в 1938 г. – 531 млн). Британии в 1922 г. стало принадлежать четвертая часть всей суши Земли. Эта страна больше всех нагрела руки на итогах Первой мировой войны, подтверждая тем свое старое кредо о том, чтобы другие для нее «таскали каштаны из огня».

Советская страна устояла, но весь период после завершения Гражданской войны (1922 г.), вплоть до начала Второй мировой войны, единственное социалистическое государство, находясь в капиталистическом окружении, вынуждено было лавировать между бывшими победителями и побежденными, использовать противоречия между ними, с тем, чтобы не оказаться жертвой тех и других, в случае их согласия. А согласие вполне могло состояться, о чем свидетельствуют исторические факты. Все двадцатые годы эти страны пытались изолировать Советский Союз. Порой с ним раз-

рывались торговые и дипломатические отношения. Так, в 1927 г. Великобритания прервала дипломатические отношения с Советским Союзом. В мае того же года был произведен полицейский налет на советское торговое представительство Аркос. Европейские страны спокойно относились к осуществлявшемуся террору в отношении советских дипломатических работников и представителей тех или иных совместных комиссий. Таковы убийство в Швейцарии представителя советской делегации на Лозанской конференции В.В. Воровского и ранение двух его помощников (убийцы были оправданы швейцарским судом); убийство в Финляндии членов комиссии по разграничению границы с Советским Союзом и т.д. В то время вводились против Советского Союза различные, назовем современным языком, санкции, что сказывалось на развитии экономики страны.

С приходом Гитлера к власти и превращением Германии в фашистское государство, в так называемый Третий рейх, началось помимо умиротворения агрессора провоцирование осуществления его намерений относительно Советского Союза. Гитлер свои взгляды никогда не скрывал, они были известны бывшим победителям в Первой мировой войне. Более того, они их разделяли, вспомним приводимые раньше высказывания Черчилля. Но Гитлер для осуществления этих планов хотел вначале создать необходимый экономический (в том числе военный) и людской потенциал, для чего нужно было подчинить Германии всю Европу, одни страны сделать союзниками по войне, другие – нейтральными, т.е. лояльными, а стало быть, помогающими Германии, и третьи просто – завоевать. Тогда экономику и военный ресурс всех этих стран в той или иной мере Гитлер мог бы использовать для реализации своих намерений – уничтожить Советский Союз.

Став канцлером, Гитлер приступил к реализации своих планов. Началось это с активного переговорного процесса между набирающей силу фашистской Германией и вчерашними ее победителями, которые пытались безрезультатно умиротворить Гитлера,

делая различные территориальные уступки, направляя его устремления в сторону Советского Союза. В этом у гитлеровской Германии и у вчерашних ее противников не было разночтений. В частности, в широких кругах британской консервативной партии существовало убеждение, что Гитлер может служить буфером против большевизма в Европе [14, с. 606]. Этому убеждению вполне соответствовало то, что предшествующие началу Второй мировой войны 30-е гг. XX века были полны лицемерных договоренностей между европейскими странами, в центре которых находилась гитлеровская Германия. В июле 1933 г. был заключен договор, названный «Пакт четырех», между Италией, Великобританией, Германией и Францией. Договор предполагал политическое сотрудничество между четырьмя державами в Лиге наций с целью устранения угрозы войны в Европе. Из-за разногласий среди участников и недовольства других стран этот пакт не был ратифицирован. В 1934 г. был подписан договор о ненападении между Германией и Польшей. Существует мнение, что кроме Декларации о неприменении силы между Германией и Польшей, были и дополнительные секретные соглашения. Их никто не видел, как и пресловутые протоколы к договору между СССР и Германией. В 1935 г. подписано Морское Англо-Германское соглашение, которым удовлетворялись требования Гитлера о том, чтобы мощь германского флота составляла 35% относительно совокупной мощи Британской империи. Германия стала открыто вооружаться. Оказалось, что уже в 1936 г. у нее было 4,5 тыс. самолетов, 400 аэродромов, произведено 1,5 тыс. танков и т.д. В том же году был заключен Антикоминтерновский пакт между Германией и Японией, оформивший под флагом борьбы против Коминтерна претензии этих стран на мировое господство. К этому пакту в ноябре 1937 г. присоединилась Италия, в феврале 1939 г. – Маньчжоу-го и Венгрия, а в марте 1939 г. – Испания. Фактически пакт был превращен в военный союз. В него вошли чуть позже Румыния, Финляндия, Болгария, а также правительства стран Дании, Хорватии и Словакии.

В 1938 г. состоялся Мюнхенский сговор (Англия, Франция, Германия, Италия). Соглашение касалось передачи Чехословакией Германии Судетской области. В сентябре того же года между Великобританией и Германией была подписана декларация о взаимном ненападении. В этом документе говорилось о стремлении Германии и Великобритании «никогда более не вести войну друг против друга» [2, с. 16]. Это был своего рода пакт о ненападении, оценивая который У. Черчилль сказал, что мы без войны потерпели поражение [24, 271]. Еще одним шагом к сближению этих стран было подписание 15 марта 1939 г. соглашения, оговаривавшего экономический раздел Европы между монополиями Германии и Англии. Аналогичная декларация Германии и Франции была подписана чуть позже. В 1939 г. подписаны Германо-Румынские экономические договоры и соглашения. В марте 1939 г. был заключен договор о ненападении с Литвой. 28 апреля того же года Германия предложила заключить договоры о ненападении с Эстонией, Латвией, Финляндией, Данией, Норвегией и Швецией. Швеция, Норвегия и Финляндия отказались. Подписание затянулось из-за позиции Латвии [32].

В те же 30-е гг. XX века, помимо «эпидемии» заключения, как станет понятным после 1 сентября 1939 г., ничего не стоящих и ни к чему не обязывающих договоров между будущими жертвами и агрессорами, наступила также эпоха локальных войн. Вначале Япония в Азии, а затем Италия и Германия уже в Европе приступили к захвату более слабых государств. В 1931 г. Япония вторглась в Северо-Восточный Китай и уже в 1932 г. оккупировала принадлежавшую Китаю Маньчжурию, установив там марионеточный режим, продержавшийся вплоть до разгрома советскими войсками Квантунской армии. В 1935 г. Италия захватывает Эфиопию, а в 1937 г. наступил конец республиканской Испании. С помощью Германии, Италии и Португалии власть в стране захватили путчисты во главе с будущим генералиссимусом Франко, что также не вызвало отрицательной реакции со стороны Великобритании и Франции, да и Лиги наций. В июле 1937 г. Япония вторглась в Китай, война с которым продол-

жалась до 1945 г. Летом 1938 г. части все той же Квантунской армии перешли дальневосточную границу СССР в районе озера Хасан. Получив отпор от Красной армии, они направили свои силы в Монголию, где в мае 1939 г. у реки Халхин-Гол их «успокоили» объединенные вооруженные силы МНР и СССР. После этого Япония продолжила агрессию в Китае.

Еще раньше, в марте 1938 г., Австрия была включена в состав Германской империи, что, хотя и вызвало некоторое раздражение в парламенте Великобритании, но особых возражений со стороны этой страны, как и Франции, не последовало, и уже в апреле того же года этот акт был признан британским правительством [14. с. 618]. Великобритания признала и захват Италией Эфиопии. Более того, Великобритания и Франция, эти две самые сильные европейские страны, продиктовавшие условия версальского договора, в котором, как уже говорилось, всю вину за начало Первой мировой войны возложили на Германию, согласились с ее домогательствами на часть территории Чехословакии. «Миротворцы» из Великобритании и Франции отдали Чехословакию на растерзание Германии. Французский премьер-министр Даладье назвал этот сговор «актом разума». В октябре 1938 г. в Чехословакию вторглись германские, а вслед за ними венгерские и польские войска. В результате в состав польского государства вошла территория размером 801,5 кв. км, на которой проживало 227 тысяч человек. Кстати, Польша попыталась под шумок захватить также Литву, что было пресечено Советским Союзом. В марте 1939 г. вся Чехословакия уже находилась в руках Германии. На территории Словакии было создано Германией формально независимое от Чехии государство, а над Чехией и Моравией установлен германский протекторат [7, с. 159]. В довершение через неделю Германия захватила город и порт Мемель (Клайпеда), который с 1923 г. принадлежал Литве. Не отставала от Германии и Италия, в апреле 1939 г. ее войска внезапно вторглись в Албанию, оккупировали ее, объявив владением итальянской короны.

Теперь у Гитлера на пути продвижения на восток оставалась только Польша, планов относительно судьбы которой он не скрывал среди своего окружения. На одном из совещаний за четыре месяца до нападения на нее он говорил, что «Польша вряд ли сможет исполнять роль барьера против большевизма. В настоящее время задачей внешней политики Германии является расширение жизненного пространства на Восток, обеспечение гарантированного снабжения продовольствием и устранение угрозы с Востока. Польша должна быть захвачена при первом же удобном случае» [35]. Поэтому Германия, проглотив в Европе все то, что ей безропотно отдали Англия и Франция, и, окрепнув, сочла возможным приступить к захвату Польши, необходимого условия для будущего нападения на Советский Союз. Нападение на Польшу Германия представила как самооборону, поляки якобы напали на радиостанцию в Глайвице. 1 сентября 1939 г. германские войска вторглись в Польшу, которая, кстати, все 20-е и 30-е гг. вызывала недовольство у Германии. В Польше повсеместно ущемлялись права, в том числе и имущественные, живущих там немцев, в отношении которых осуществлялись и прямые акты насилия. Еще в середине 20-х гг. немецкое население Польши вследствие аграрной реформы было лишено почти полностью собственности на землю. На освободившихся угодьях расселялись поляки. К этому добавим ликвидацию немецких школ, убийство германского консула, обстрел немецких пассажирских самолетов, нарушение германской границы польскими военными и т.д. [33].

1 сентября – дата вторжения германских войск в Польшу считается началом Второй мировой войны. Некоторые полагают, что повинными во Второй мировой войне, наряду с Германием, является также Польша и Великобритания. Так, по свидетельству гитлеровского генерала Йодля, разгром Польши в 1939 г. допустили Франция и Англия. Им очень хотелось дать возможность Гитлеру устремиться на Россию [3]. Лишь после нападения Германии на Польшу, ее союзники очнулись, или, говоря по-русски, «очухались», понимая,

что вскоре наступит и их черед. 3 сентября Великобритания и Франция объявили войну Германии. Тем не менее, начав войну с Германией, Великобритания и Франция, почти 8 месяцев забыв о своих обязательствах перед Польшей, не вели никаких боевых действий, надеясь на сговор с Гитлером. Такая возможность могла стать реальностью, учитывая позицию Германии. В октябре 1939 г. Гитлер, произнося в рейхстаге речь, получившую статус мирного предложения, рассказал об усилиях Германии в отношении англо-германской дружбы. Позже в Потсдаме Черчилль скажет, что он в любое время мог заключить с Германией мир [33]. В июле 1940 г. на заседании рейхстага Гитлер официально предложил Англии мир. Об этом событии в том же месяце Гальдер записал в дневнике: «Фюрера больше всего занимает вопрос, почему Англия до сих пор не ищет мира... Он считает, что придется силой принудить Англию к миру. Однако он несколько неохотно идет на это. Причина: если мы разгромим Англию, вся Британская империя распадется. Но Германия ничего от этого не выиграет. Разгром Англии будет достигнут ценой немецкой крови, а пожинать плоды будут Япония, Америка и др.» [41]. Нельзя сказать, что англичане к предложению Гитлера относились негативно. В сентябре 1941 г., уже после нападения Германии на Советский Союз, в Лиссабоне велись англо-германские переговоры о сепаратном мире [28, с. 571]. Кстати, и сражения с немецкими войсками первое время выглядели прямо-таки по-детски. В начавшейся в конце 1939 г. позиционной войне противостояли 115 французских и английских дивизий 23-м немецким. За время этого противостояния французы потеряли 1433 человека, англичане – 3 человека, а немцы – 696 убитыми [7, с. 159]. При такой «поддержке» Польша была разгромлена за три недели (Германия потеряла убитыми 10,6 тыс. человек). Уже в 1940 г. Германия в течение одного дня захватила Данию, а затем за 63 дня – Норвегию.

Советский Союз к подобным захватническим действиям Германии относился не только спокойно, но даже с «пониманием». Так, после нападения Германии в апреле 1940 г. на эти страны, В.М. Моло-

тов (в то время руководитель советского правительства) заявил германскому послу в Москве: «Мы желаем Германии успешного завершения этих оборонительных мероприятий» [28, с. 570]. За этими «оборонительными мероприятиями» наступил разгром в течение 13 дней Бельгии, за которой последовали Нидерланды и Люксембург и в довершение после 44 дней войны пала Франция (в плен сдалось два миллиона французских военнослужащих). Справедливости ради надо сказать, что Великобритания даже после капитуляции Франции на сговор с Гитлером не пошла. Кстати, до сих пор не ясна миссия Гесса, который возможно хотел склонить Англию к миру. Это наша гипотеза, которая не столь уж фантастична. Во всяком случае, Гитлер после этого издал директиву о вторжении на британские острова. Несмотря на массированные бомбежки городов Великобритании, тем не менее вывести ее из войны немцам не удалось [35].

Вторая мировая война началась почти на 22 месяца раньше, чем фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз. Все это время велась вооруженная борьба между двумя блоками, преимущественно европейских государств. В первую коалицию входили: Польша, Франция, Британская империя и ее доминионы: Канада, Индия, Южно-Африканский Союз, Австралия и Новая Зеландия. В сентябре того же года вступили в войну эфиопские войска под командованием правительства Эфиопии в изгнании. К этому блоку присоединились также Дания и Норвегия – с апреля 1940 г., Бельгия, Нидерланды, Люксембург – с мая 1940 г., Греция – с октября 1940 г., Югославия – с апреля 1941 г., после 22 июня 1941 г. – СССР, Тува и Монголия, с декабря 1941 г. – США и Филиппины, с мая 1942 г. – Мексика и с августа 1942 г – Бразилия. С июля 1937 г. Китай (Чан Кайши) уже сражался с Японией. Против стран «оси» формально выступили Панама, Коста-Рика, Доминиканская Республика, Сальвадор, Гаити, Гондурас, Никарагуа, Гватемала, Куба, Непал, Аргентина, Чили, Перу, Колумбия, Иран, Албания, Парагвай, Эквадор, Сан-Марино, Турция, Уругвай, Венесуэла, Ливан, Саудовская Аравия, Либерия и Боливия.

Со стороны германо-итальянского блока в войне участвовали: Германия, Словакия (с сентября 1939 г.), Италия и Албания (с июня 1940 г.), Венгрия (с апреля 1941 г.), Ирак (с мая 1941 г.), Румыния, Хорватия и Финляндия (с июня 1941 г.), Япония, Маньчжоу-Го и Болгария – (с декабря 1941 г.), Таиланд – (с января 1942 г.), Бирма – (с августа 1943 г.) и Филиппины – (с сентября 1944 г.). Китай (Ван Цзинвэй) вошел в эту коалицию с января 1943 г. [35]. Некоторые из стран, входивших в гитлеровский и антигитлеровский блоки, вели активные боевые действия, другие помогали поставками различной продукции, третьи – всего лишь числились в том или ином блоке. Их состав, прежде всего антигитлеровского блока, менялся по мере успехов в войне. Это относится не только к пассивным участникам, но и основным союзникам Германии. Так, в ходе войны к антигитлеровской коалиции присоединились и некоторые государства, входившие до того в нацистский блок: Ирак – в январе 1943 г., Королевство Италия – в октябре 1943 г., Румыния – в августе 1944 г., Болгария и Финляндия – в сентябре 1944 г.

Во Второй мировой войне участвовало, по разным источникам, от 62 до 72 государств, численность их населения достигала 1,7 млрд, что на то время составляло 3/4 всего человечества [2, с. 551]. В Первой мировой войне государств-участников войны было меньше, чем во Второй мировой войне на 24–34, в зависимости от того, какую цифру принимать для сравнений (72 или 62). Но отличие было не только в количестве стран-участников войны, но и в распределении стран по блокам. В Первую мировую войну на стороне Тройственного союза было 4 страны (1915 г.), а остальные 34 – на стороне Антанты. Во Вторую мировую войну в разное время от 3/5 до 3/4 стран, отдельных их частей активно или формально, с первых же дней войны или ближе к ее концу были на стороне антигитлеровской коалиции. Численность населения стран, охваченных Первой и Второй мировой войной, отличалась на 200 млн человек, или на 13–14%. Во Второй мировой войне боевые действия велись в Европе, Азии и Африке, на четырех океанах: Тихом,

Атлантическом, Индийском и Северно-Ледовитом. Представители еще двух материков – Австралии и Америки – принимали участие в войне на европейском и азиатском театрах военных действий. В отличие от Первой мировой войны, которая была, по своей сути, позиционной, Вторая мировая война была маневренной. Обычно окружались населенные пункты, часто достаточно крупные, такие, к примеру, как Харьков, Киев, да и Будапешт и Берлин и, используя артиллерию и авиацию, методично велось уничтожение укреплений противника, жилых строений и т.д. Вместе с военнослужащими гибло и в большом количестве гражданское население.

И подобное длилось не месяцы, а годы. Это требовало мобилизации в воюющих странах огромного количества трудоспособного населения. Если в Первую мировую войну было мобилизовано 70–74 млн человек, то во Вторую – 110 млн. Огромные людские потери во Вторую мировую войну несопоставимы по своим масштабам не только с Первой мировой войной, но даже и с теми, которые были за всю 5-тысячелетнюю историю существования человечества, включая и число убитых в 1914–1918 гг. В настоящее время продолжают существовать различные оценки людских потерь во Вторую мировую войну. Об этом подробно говорится в первой главе третьего раздела, здесь лишь отметим, что если в 1914–1918 гг. в среднем ежегодно погибало менее 2 млн человек, то в 1939–1945 гг. – уже 9–10 млн, или в 5 раз больше.

Глава 2

УКРЕПЛЕНИЕ ОБОРОНОСПОСОБНОСТИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ И НАЧАЛО ВОЙНЫ

К началу 1941 г. сомнений уже не было относительно того, что человечество втягивается в новую мировую войну. Германия завершала захват еще непокоренных ей в Европе стран. В начале апреля немецкие войска вместе с венгерскими вторглись в Югославию. Ее вооруженные силы были расчленены на несколько частей и перестали существовать. В результате – Югославия распалась на части. Германия аннексировала северную Словению, Венгрия – западную Воеводину, Болгария – часть Македонии, Италия – южную Словению, часть побережья Далмации, Черногорию и Косово. Хорватия была объявлена независимым государством под итало-немецким протекторатом, а в Сербии создано коллаборационистское правительство. Одновременно итальянские и германские войска вторгаются в Грецию. Если на разгром Югославии ушло 12 дней, то Греция сопротивлялась 2 месяца. После ее захвата, Болгария аннексировала восточную Македонию и западную Фракию. Остальные части страны были разделены на итальянскую (западную) и германскую (восточную) оккупационные зоны.

После этих двух победоносных войн Германии и ее сателлитам стала принадлежать вся континентальная Европа. Оставалась только на своих островах сопротивлявшаяся Великобритания, войну с которой Германия вела, подвергая ее города бомбардировкам. Англичане успешно сопротивлялись. Так, в 15 сентября 1940 г. во время

налета на британские города было сбито 185 самолетов. Благодаря этому и другим подобным событиям немцы временно отказались от вторжения на британские острова [28, с. 570]. Во многом это было связано с тем, что на востоке Европы оставалась вожделенная и притом основная цель Гитлера – территория с огромными природными ресурсами, рассматриваемая им как «жизненное пространство» для немецкой расы. То, что Гитлер нападет на Советский Союз, ни у кого не было никаких сомнений, ни у руководителей СССР, ни у правительств Великобритании и Франции, и даже у Лиги наций. Да, собственно, Гитлер никогда и не скрывал свою ненависть к большевистскому режиму. Подписывая договоры о ненападении с европейскими странами, Гитлер преследовал единственную цель, которую он высказал еще в августе 1939 г. комиссару Лиги наций Буркхарду: «Все, что я предпринимаю, направлено против русских. Если Запад слишком глуп и слеп, чтобы понять это, тогда *я буду вынужден пойти на соглашение с русскими, побить Запад и затем, после его поражения, снова повернуть против Советского Союза*» (выделено нами) [32]. Здесь важно не только то, что сказал Гитлер, но и то, что ответственный сотрудник Лиги наций спокойно отнесся к этому. Об этом замысле Гитлера говорил и Поль Рейно, в то время премьер-министр Франции. По его словам, после переговоров министров иностранных дел Германии и Франции, Риббентропа и Боннэ, у последнего «сложилось впечатление, что отныне германская политика будет направлена на борьбу с большевизмом. Рейх дал понять о наличии у него стремления к экспансии в восточном направлении…» [9]. Советская страна вызывала ненависть не только у Гитлеровской Германии, ничуть в не меньшей степени подобная неприязнь, причем с еще более ранних времен, откровенно проявлялась и у бывших союзников России в Первой мировой войне. Мы уже упоминали высказывание Фоша. Жаль маршал не дожил до тех времен, когда Франция в 1940 г. подписала акт о капитуляции в том же вагоне в Компьенском лесу (вблизи городка с тем же названием), где подобный акт подписывала в 1918 г.

Германия. Кстати, недалеко от этого вагона возвышается и скульптура того самого маршала.

Высказывания еще одного яростного врага Советского Союза, Черчилля, который в 1918 г. был одним из основных организаторов интервенции в России, подробно описывает его русский биограф [24]. К тому, что говорил Черчилль (приводилось в первой главе), добавим, что спустя 30 лет, в 1950 г. Черчилль с тоской вспоминал, что ему не удалось «задушить большевизм в колыбели» [24]. Приведенные высказывания лидеров Великобритании и Франции во многом объясняют, почему с приходом Гитлера к власти эти страны всеми силами старались направить его планы против Советского Союза. Поэтому они на многие его агрессивные шаги закрывали глаза. В отличие от них Гитлер, будучи тонким политическим психологом, учитывал то, что его западные противники значительно больше ненавидят государство с большевистским режимом, чем нацистскую Германию. Вступление вермахта в демилитаризованную Рейнскую область, создание союза держав «оси», аншлюс Австрии, Мюнхенские соглашения о разделе Чехословакии и т.д. – все это поощрялось с целью направить Гитлера на восток. Да и разгром в 1939 г. Польши, по свидетельству гитлеровского генерала Йодля, допустили Франция и Англия. Им очень хотелось дать возможность Гитлеру устремиться на Россию [3]. Собственно, и США не были в стороне от этого желания Франции и Англии. К примеру, еще в 1940 г. предпринимались попытки представителей британской и американской разведок повлиять на власть США с тем, чтобы она ускорила нападение Германии на СССР, что могло бы снять опасность операции против Великобритании [36].

Итак, после Первой мировой войны в Европе постепенно стали нарастать два политических антагонизма: первый – между странами победительницами – Великобританией и Францией, с одной стороны, и побежденной Германией, с другой стороны; второй – между станами, бывшими союзницами по Антанте – Великобританией и Францией, с одной стороны, и с 1922 г. Советским Союзом, с другой

стороны. В 30-е гг. к этим антагонизмам прибавился еще один – возросшая ненависть Германии, ставшей гитлеровской, к Советскому Союзу. Происходившее все 30-е гг. усиление этого антагонизма было не только внутренним стремлением Гитлера уничтожить СССР, но и следствием того, что Великобритания и Франция, стремясь отвратить от себя возможное нападение Германии, потворствовали ее захватническим действиям, делали все возможное, чтобы направить агрессию на СССР. Правда, к концу тридцатых годов весь этот клубок противоречий стал иным. К моменту нападения гитлеровских войск на СССР, смертельная опасность была уже реальностью для Великобритании. Поэтому самый выдающийся государственный деятель той империи в XX веке и вместе с тем один из самых ярых врагов СССР и инициаторов интервенции против Советской России У. Черчилль вынужден был заявить: «Опасность, угрожающая России, – это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам…» [2, с. 144].

Не надо считать советских руководителей, тем более такого выдающегося государственного деятеля, как Сталин (здесь не то место, где надо говорить о его жестокости, проявляемой к собственному народу), будто они не понимали развития политической ситуации в Европе, отношения ее ведущих стран, прежде всего, Великобритании, Франции, а также Германии к советской стране, где формировался социалистический общественный строй, и откуда, кстати говоря, с помощью Третьего Коммунистического интернационала распространялись идеи ленинизма и достижения СССР во всем мире, в том числе и в Европе. Повторимся, в СССР никогда не было иллюзий относительно намерений западных стран, начиная со времени интервенции вплоть до прихода Гитлера к власти и тем более осуществления им захватнических войн в Европе. Именно поэтому, как только был восстановлен дореволюционный уровень экономики, уже с конца 20-х – начала 30-х гг. страна стала предпринимать всесторонние меры по обеспечению своей безопасности.

К числу таких мер, в первую очередь необходимо отнести усилия государства по преодолению экономической отсталости страны и превращению СССР в индустриальную державу с высокоразвитой, как ныне принято говорить, диверсифицированной промышленностью. Дореволюционная Россия была отсталой страной, а в результате Первой мировой войны, последовавшей за ней Гражданской войны и ряда других, неблагоприятных для нее обстоятельств, экономика была разрушена в конец. Производство многих видов продукции сократилось в десятки раз. Лишь к концу 20-х гг. был восстановлен экономический уровень довоенного 1913 г., с которым в советское время обычно сравнивали достигнутые успехи в последующий период. Восстановленный уровень тем не менее свидетельствовал о промышленной отсталости страны, особенно на фоне того, что другие государства в те же двадцатые годы ушли далеко вперед. Очевидно, что *без преодоления экономической отсталости Советский Союз не смог бы защитить себя от посягательств недоброжелательно относящихся к нему западных стран.*

В самом начале 30-х гг. И.В. Сталин, выступая на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, говорил: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы это сделаем, либо нас сомнут» [22, с. 362]. Национальным проектом, как принято определять намечаемые планы в настоящее время, были предвоенные пятилетки. Осуществляя их все тридцатые годы, Советский Союз, ограничивая внутреннее потребление, напрягал силы, чтобы не оказаться беззащитной жертвой, будь то фашистская Германия или другие капиталистические страны, которые еще 10–15 лет назад в ходе интервенции показали свое отношение к России. Выполнение пятилетних планов, полностью или частично, как бы порой не иронизировали по этому поводу, позволило Советскому Союзу решить в основном, как так же говорили в то время и порой продолжают говорить до сих пор, поставленную задачу.

Ко времени, вскоре за которым началась война, Советский Союз уже занимал первое место в Европе и второе в мире по общему объему промышленного производства. В 1940 г. выработка электроэнергии превышала уровень 1913 г. в 24 раза, добыча нефти – в 3 раза, добыча угля – в 5,7 раза, добыча железной руды – в 3,3 раза, выплавка стали – в 4,3 раза, производство минеральных удобрений – в 40 раз, вывозка древесины – в 3,7 раза и т.д. Добавим, что в годы довоенных пятилеток особенно быстро возрастало производство военной продукции. Так, при среднегодовых темпах прироста промышленной продукции в течение пятилеток, равных 13%, производство оборонной продукции возрастало на 39% [40]. Только за годы двух пятилеток на отечественных судостроительных заводах было построено свыше 500 кораблей различного класса [27]. В те годы в стране стали производиться трактора, комбайны, тепловозы, электровозы, химические волокна и многое другое, т.е. все то, что в России не делалось до революции. Хуже было с производством предметов народного потребления, особенно мясной продукции, но и здесь производство молока, животного масла, сахара-песка и многих других товаров увеличилось на десятки процентов [19]. Важно отметить, что вместе с увеличением выпуска оборонной продукции, существенно выросли виды производства, имеющие двойное назначение. Не случайно во время обороны Сталинграда находящийся там тракторный завод осуществлял выпуск и ремонт танков. Таких примеров масса. Важно отметить, что к сороковым годам на востоке страны производилось уже 20% промышленного производства. До начала Великой Отечественной войны в Западной Сибири, в Кемеровской области возник второй угледобывающий регион, снабжающий коксующими углями черную металлургию страны, в первую очередь Магнитогорский металлургический комбинат (Урал). В Восточной Сибири в тот период бурно развивалась цветная металлургия – в Красноярском крае и топливная промышленность – в Иркутской области. На Дальнем Востоке, в Комсомольске-на-Амуре, было создано сталелитейное производство. После битвы на

Курской дуге туда на переработку для получения стали были завезены подбитые «тигры» и «фердинанды». Поставленные на площадке перед «Амурсталью», они еще дышали гарью сражений (говорю об этом, как очевидец). Не создай подобных производств, тем более в разных районах страны (на Урале, в Сибири, в Поволжье, на Дальнем Востоке и т.д.), трудно сказать, что могло бы случиться с обеспечением Красной армии необходимым вооружением. Об этих успехах, достигнутых СССР в довоенные годы, премьер-министр Индии Дж. Неру позже говорил, что перед нами был пример Советского Союза, который за два десятилетия, несмотря на непреодолимые трудности, достиг колоссальных успехов.

Другой мерой обеспечения безопасности страны, находящейся в условиях враждебного капиталистического окружения, был учет советской властью противоречий, существовавших между странами-победителями и побежденными в Первой мировой войне. Особенно это было необходимо в той недоброжелательной к Советскому Союзу политической ситуации, которая складывалась в Европе в 30-е гг. после прихода Гитлера к власти. Эта ситуация напоминала попытку «футболистов» играть в одни ворота, принадлежащие стране, которой должен был стать Советский Союз. Собственно, этим объясняется то, что после прихода Гитлера к власти политическая ситуация в Европе приняла причудливый характер, страны ринулись заключать между собой договоры о дружбе, ненападении и т.д. Повторимся, договоры, прежде всего, стали заключаться между Германией и теми, кто разделял ее реваншистские планы (таков Антикоминтерновский пакт, заключенный в 1936 г.). Договоры заключались также между бывшими победителями в Первой мировой войне, Великобританией и Францией, а также близкими им по духу странами (прежде всего, с Польшей). Наконец, они заключались между набирающими силу агрессорами и теми, кто хотел бы уберечься от них и подтолкнуть напасть на СССР. Это – «Пакт четырех» – договор между Италией, Великобританией, Германией и Францией от 15 июля 1933 г.; ряд других договоров и венец

всему – Мюнхенский сговор вышеназванных стран, состоявшийся в 1938 г. Цель всех этих и подобных договоров состояла не только в усилении собственной безопасности в союзе с другими странами, но и в попытке направить друг друга против общего для них раздражителя – советской страны. В свете сказанного вступление вермахта в демилитаризованную Рейнскую область, создание союза держав «оси», аншлюс Австрии, захват и раздел Чехословакии – все это не вызывало противодействий со стороны Великобритании, Франции, да и других стран, а, скорее, поощрялось ими с целью направить Гитлера на восток.

Как неоднократно следовало из истории, договоры заключались не для того чтобы их соблюдать, а чтобы решать иные цели, чаще всего скрывать свои агрессивные намерения. Бурная деятельность в области заключения договоров «о вечной дружбе», «ненападении», «о взаимной помощи» и пр., сопровождающаяся тем не менее событиями, о которых сказано выше, не оставляла сомнений в том, что новая мировая война уже неизбежна, и ведущие державы начали искать возможных потенциальных союзников. В этом ключе англо-франко-советские переговоры могли стать реальной помехой для дальнейшей фашистской агрессии. Если раньше западные державы игнорировали советское государство, то в условиях военной угрозы стали осуществлять попытки заручиться его поддержкой. Но и Германия предпринимала подобные шаги.

Весной 1939 г. начались переговоры между Англией, Францией и СССР. Позиция советского руководства сводилась к заключению трехстороннего военно-политического союза на 5–10 лет, предусматривающего немедленную военную помощь в случае любой агрессии в Европе против любого из договаривавшихся государств (СССР, Великобритании и Франции). Но этот подход не устраивал французское и английское правительства, поэтому переговоры намеренно затягивались, в проект вносились многочисленные оговорки. Ввиду начавшихся в июле советско-германских торговых переговоров, Англия и Франция согласились на подписание с СССР

политической и военной конвенции. Но вновь приступив к переговорам, западные державы продолжали всячески оттягивать итоговое решение. К тому же главы британской и французской делегаций не имели полномочий на подписание конвенции. Более того, несмотря на попытку уговорить польские власти о допуске советских войск на территорию Польши (также Румынии) в случае нападения Германии, договоренности так и не было достигнуто. Польша категорически была против этого и в сентябре 1939 г. получила то, что получила (полный разгром). К сказанному добавим, что английская сторона тянула время, занимаясь подготовкой тайных переговоров с Германией, о чем доносила советская разведка. Лишь после нападения Германии на Польшу и ее разгрома эти страны стали понимать, что наступает и их час. В подтверждение вины этих стран в возникновении Второй мировой войны приведем высказывание уже в послевоенное время британской газеты «Гардиан». Оценивая бесполезные переговоры делегаций Великобритании и Франции, поехавших в августе 1939 г. в Москву без каких-либо полномочий, газета писала, что мировая война не началась бы, если бы британское правительство прислушалось к совету русских. Союз трех стран предотвратил бы войну, т.к. Гитлер не решился бы на конфликт на двух фронтах [24, с. 293]. Газета его плохо знала – решился.

Во время провальных переговоров с Великобританией и Францией Советский Союз получил предложение Германии заключить пакт о ненападении. Нужно было сделать выбор: либо продолжать бесплодные переговоры и остаться без союзников, либо обеспечить хотя бы временную безопасность путем соглашения с фашистской Германией [37]. Стороны договаривались о ненападении друг на друга, в том числе и в случае начала военных действий одной из сторон против третьих стран. Выскажу свое мнение на это событие. Конечно, нельзя было отказываться от заключения договора о ненападении. Но надо было понимать, для чего это делается. Не случайно, оценивая пакт о ненападении между Германией и СССР, немецкий историк Г. Шрайбер говорил, что «Гитлер заключил со

Сталиным договор против Советского Союза» [4, с. 19]. В какой-то мере это так. Договор был маскирующим средством обеспечения внезапности, он отвлекал внимание от сосредоточения германских сил в районах, примыкающих к границам СССР [16]. Но заключенный пакт с фашистской Германией (отметим критикам этого договора, что в тот период никто еще не знал, что такое фашизм с его концлагерями, газовыми камерами и крематориями), вероятно, отодвинул начало войны, которая все равно началась. Но не это важно, а другое, именно то, что дало огромный выигрыш Советскому Союзу. К заключенному пакту о ненападении прилагалась секретная часть, что было в порядке вещей для договоров других стран. Этой секретной частью предусматривался раздел сфер интересов в Восточной Европе, включая прибалтийские государства и Польшу, и ограждалось проникновение Германии в пограничные страны. Главное, и это надо подчеркнуть особо, *приложение к договору позволило СССР отодвинуть свои границы, более того, вернуть те территории, которые были потеряны в годы интервенции,* причем вернуть их малой кровью. В Москве был подписан Договор о дружбе и границе между СССР и Германией, установивший линию разграничения между немецкими и советскими войсками на территории бывшей Польши примерно по «линии Керзона». Отошедшие в зону влияния СССР территории, позже были возвращены в состав Украины, Белоруссии и независимой на тот момент Литвы. Но это не все. В июне 1940 г. правительство СССР потребовало от Румынии возвратить Бессарабию и одновременно передать СССР Северную Буковину в качестве возмещения ущерба, нанесенного Советскому Союзу в результате ее господства в Бессарабии два десятка лет. Румыния, не рассчитывая на поддержку со стороны других государств, в том числе и Германии, только что подписавшей договор о ненападении с СССР, была вынуждена согласиться на удовлетворение этих требований. Кстати, подобным образом поступили Великобритания и США после оккупации Дании. Чтобы не допустить вторжение Германии в датские владения, войска ука-

занных стран оккупировали ее заморские территории, имеющие важное стратегическое значение (Фарерские острова, Исландия и Гренландия) [36]. Осенью 1939 г. Эстония, Латвия и Литва заключили с СССР договоры о взаимопомощи, а уже летом 1940 г. три прибалтийских государства после выборов, избравших новые парламенты, приняли декларации о вхождении в Советский Союз. Это также отодвинуло границы на запад, и устранило угрозу тому, что эти страны станут доступными для немцев, и Гитлер приберет их к рукам. Все эти договоренности позволили отодвинуть западные границы Советского Союза на 250–300 км [1, с. 112].

Вхождение Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР получило официальное международное признание. Более того, по поводу происшедшего изменения границ Советского Союза главный организатор британской интервенции против Советской России в 1918-м г., Черчилль, написал следующее: «В пользу Советов нужно сказать, что Советскому Союзу жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на запад исходные позиции германских армий, с тем, чтобы русские получили время и могли собрать силы со всех концов своей колоссальной империи. В умах русских каленым железом запечатлелись катастрофы, которые потерпели их армии в 1914 г., когда они бросились в наступление на немцев, еще не закончив мобилизацию. Теперь их границы были значительно восточнее, чем во время Первой мировой. Им нужно оккупировать прибалтийские государства и большую часть Польши, прежде чем на них нападут» [35, с. 71]. Более того, Черчилль не осуждал и территориальные изменения, происшедшие в результате Советско-финской войны, он считал недопустимым, когда граница проходит всего в 32 км от первого по размерам и промышленному потенциалу города (имелся в виду Ленинград). Граница на Карельском перешейке в районе Ленинграда взамен полученной Финляндией территориальной компенсации от Советского Союза была отодвинута к северо-западу на 150 км. Признание новых границ Советского Союза на июнь 1941 г. было подтверждено в 1945 г. на Ялтинской и Потсдамской конфе-

ренциях. Это же было сделано и участниками Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшемуся в 1975 г. в столице Финляндии – Хельсинки.

Накануне нападения фашистской Германии на Советский Союз, в начале апреля 1941 г., Япония, учитывая полученный отпор у озера Хасан и еще в большей мере на Халхин-Гол, стала понимать, что с СССР лучше жить в мире, чем ввязываться в войну. Как результат – с Японией был подписан договор о нейтралитете сроком на 5 лет. К тому же японцы уже ввязались в войну с Китаем и, скорее всего, вынашивали планы нападения на США. Так и произошло, когда уже бушевали Вторая мировая и Великая Отечественная войны, в декабре 1941 г. они напали на американскую военно-морскую базу Перл-Харбор, что в значительной мере отключило их милитаристские планы относительно Советского Союза. Тем не менее Япония, помимо того, что передавала Германии сведения, разведданные о резервах Советского Союза на востоке страны, что она топила и задерживала транспортные суда, идущие в дальневосточные порты, что она нарушала границы, регулярно обстреливая пограничников, была также готова в течение 1941–1943 гг. при удобном случае напасть на СССР [2, с. 525–526]. Забегая вперед, отметим, что разгром немцев под Москвой и Сталинградская битва удержали Японию от этого шага.

К довоенным усилиям Советского Союза, направленным на укрепление его безопасности, на модернизацию экономики и укрепление оборонного потенциала, следует добавить еще одну, третью сферу деятельности государства, а именно использование экономического и военного опыта зарубежных стран. В Советском Союзе в годы пятилеток осуществлялась индустриализация, строились новые промышленные предприятия, одновременно проводилась модернизация объектов, созданных еще до революции. Для осуществления той и другой задач требовался, прежде всего, импорт зарубежного оборудования и технологий. Основная часть импортной техники закупалась в Германии и США. Для этой техники

нужны были и соответствующие кадры, в данном случае иностранные специалисты, чей опыт и знания были необходимы для монтажа и пуско-наладки оборудования, освоения технологий и оптимизации производственных процессов. СССР повезло, как говорится не было бы счастья, да несчастье помогло. В то время на западе бушевал глубочайший экономический кризис 1929–1933 гг. В капиталистических странах, включая Германию и США, в результате кризиса была огромная безработица, среди потерявших работу были и нужные СССР специалисты. Правда, за их приглашение приходилось дорого платить. Советским людям, занятым в промышленности, платили во много раз меньше, чем американским инженерам, как и специалистам из других стран.

Наибольших масштабов трудовая иммиграция в СССР из стран Западной Европы и США достигла в годы первой пятилетки, когда иностранные специалисты в качестве экспертов, консультантов и пр. участвовали в проектировании и реализации практически всех крупнейших строек того времени. В СССР в 1932–1933 гг. находилось примерно 20 тыс. специалистов и рабочих из индустриальных стран Запада. Это были в своем большинстве немцы и американцы, а также чехи, финны, итальянцы, французы, испанцы и шведы [38]. Иностранные работники были заняты во многих отраслях. Так, в 1930 г. в цветной металлургии СССР (включая добычу золота и редкоземельных металлов) на всех ее стадиях – от добычи руды до получения готового металла – работало примерно 200 американских инженеров. В разгар строительства Магнитогорского металлургического комбината (который был копией американского завода в штате Индиана) там работало 250 американцев, а также большое число немецких и других иностранных специалистов. В 1931 г. на работах по механизации угольных шахт Донбасса было задействовано около 2 000 иностранных специалистов, примерно 80% которых составляли немцы. На Краматорском металлургическом заводе в 1933 г. было занято 500 немецких специалистов. На строительстве Уралмашзавода работало около 150 иностранцев,

причем не все они были инженерно-техническими специалистами, среди них были и рабочие. Приглашенные из-за рубежа специалисты трудились во многих районах страны. В частности, в Сибири они работали на предприятиях угольной, горной и золотодобывающей промышленности, в ряде проектных и научных организаций. На декабрь 1932 г. в Западно-Сибирском крае, в основном в Кузбассе, насчитывалось 330 иностранных специалистов и 1 050 рабочих. Позже уже в годы второй пятилетки (1933–37) масштабы применения иностранных работников стали сокращаться, и к началу 1937 г. их основная часть покинула СССР [38].

Помимо привлечения иностранных специалистов, столь необходимых для решения технических и технологических задач в процессе индустриализации, в стране еще задолго до подписания пакта о ненападении с Германией осуществлялись не афишируемые договоренности о тех или иных совместных мерах в области военного строительства. Эти договоренности были выгодны Германии, которую Версальским договором ограничили в масштабах военного потенциала. Советский Союз в тот же период также лишен был доступа к новым видам вооружений, военных знаний и пр. Договоренностью между этими двумя странами-изгоями стало предоставление территории СССР для решения Германией ряда оборонных проектов. Участником этого проекта становился также Советский Союз, которому было жизненно необходимо преодолеть отсталость в военной области, создать современные виды оружия. Владимир Мединский в опубликованной в 2011 г. монографии достаточно подробно показывает, какую пользу извлек Советский Союз из сотрудничества с Германией. В частности, он пишет, что в Липецке была на немецкие деньги (2 млн золотых рублей) создана авиационная школа. Немецкими посредниками якобы для Аргентины были закуплены и привезены в Липецк из Голландии самолеты. Немцы-курсанты приезжали в Липецк под видом туристов или сотрудников частных фирм. В 1925–1933 гг. школу закончили под руководством

немецких инструкторов 360 летчиков, из которых 140 были советскими, и еще 45 советскими авиамеханиками. После прихода Гитлера к власти школу свернули, но все оборудование бесплатно осталось в СССР [18, с. 44–45]. Подобным образом в Казани была создана танковая школа, которая подготовила для рейхсвера всего 30 танкистов и еще 65 человек начсостава для танковых частей РККА. Мы учились у немцев, а не они у нас. Словом, Германия, нарушая свои международные обязательства, тайно, за свой счет создавала военные учебные центры в Советской России. Мы же Версальский договор не нарушали, потому что его не подписывали. Просто пользовались немецким опытом и знаниями, причем бесплатно [18, с. 47].

У Советского Союза от сотрудничества с Германией были существенные военно-технические приобретения. В 1932 г. треть машиностроительной продукции Германии шла в СССР. Мы брали кредиты у немцев, покупали немецкие машины и станки для наших заводов, а расплачивались сырьем. Последний кредит в 200 миллионов марок СССР взял у Германии накануне подписания пакта Молотова – Риббентропа в 1939 г. На него закупили новейшее оборудование двойного назначения. К примеру, советский гусеничный тягач «Коммунар» производства Харьковского тракторного завода – это немецкий артиллерийский тягач, которому немцы придали форму трактора. Его поставляли не на колхозные поля, а в войска. Самолет И-2 – это истребитель HD-37, разработанный конструктором Хейнкелем по заказу РККА. Подводные лодки серии «С» созданы по немецкому проекту. Завод Хруничева в 30-х гг. осуществлял самолетостроение. Его история началась с концессии Юнкерса [18, с. 48–49]. В целом участие немецких специалистов в создании военного комплекса и обмена военными знаниями с советскими военнослужащими, как и участие иностранных специалистов в осуществлении индустриализации, в первую очередь в развитии промышленности группы «А» (так определялось в советское время производство средств производства), способствовало укреплению

оборонных возможностей СССР. Накануне войны в СССР уже производились танки, самолеты, орудия и т.д., все то, что до того времени ввозилось из-за границы.

Тем не менее советско-финское вооруженное столкновение в 1939–1940 гг. хотя и привело к тем результатам, которые перед ним ставились (отодвинуть границы), но, по сути, оказалось провальным, показавшим военную отсталость Советского Союза (потери Красной армии составили 127 тыс. человек, а Финляндии – 48 тыс.) [8, с. 121]. Сохранять это было особенно недопустимым, поскольку в Европе, за исключением нескольких государств, включая Великобританию и Советский Союз, все остальные страны, либо были в союзе с Германией, либо были ею захвачены (после разгрома Югославии Греции, к лету 1941 г. их стало 12), либо безропотно ей подчинялись, несмотря на свой кажущийся нейтралитет.

Гитлер ненавидел страны, ставшие победителями в Первой мировой войне, которые Версальским договором унизили Германию, обвинив ее в развязывании Первой мировой войны и обложив непомерной платой за это. Но Гитлер еще в большей мере, изначально, паталогически ненавидел СССР. Проблему ненависти к бывшим победителям в 1940 г. он частично решил, разгромив Францию и ряд других европейских стран. Вторая проблема относилась к СССР, его он поставил на очередь. Трудно поверить, что это понимал Черчилль, а Сталин – нет. Кто так считает, побойтесь бога! В июне 1940 г. (к тому времени уже закончилась Советско-финская война) началась подготовка к нападению на Советский Союз. Его Гитлер по результатам этой войны называл не иначе, как «глиняный колосс без головы» [13]. Гитлер, заключив пакт о ненападении с СССР, считал, что Сталин останется в неведении о замыслах немцев, поверив в пакт о ненападении. Так, в письме к Муссолини он писал: «Я не предвижу какой-либо инициативы русских против нас, пока жив Сталин» [15]. Поэтому он безбоязненно готовился к нападению на СССР. Как только была захвачена Польша и Германия вышла на границы с СССР, началась интенсивно осуществляться раз-

ведка приграничных районов СССР, засылка туда диверсантов. С конца 1940 г. к границам СССР началась постепенная переброска германских войск с западного на восточное направление и поэтапное оборудование театра будущей войны. Интенсивность приготовлений к нападению на СССР резко увеличилась после 22 мая. Понятно, что все это делалось втайне, на фоне демонстрации «добрососедских» отношений. Оценивая проведенные мероприятия по дезинформации советского руководства, Геббельс в своем дневнике летом 1941 г. сделал запись о том, что Гитлер доволен, что маскировка приготовлений к восточному походу вполне удалась.

Перебрасывая войска к границам Советского Союза, германское командование старалось создать впечатление, что это отвлекающий маневр от операции по вторжению на британские острова. Подобное относится и к проводимым в первом квартале 1941 г. учениям на побережье Бельгии и Голландии, чем немцы пытались создать впечатление, что готовится операция «Морской лев», так называемый план высадки в Англии. В действительности это был отвлекающий маневр, т.к. операция, представлявшая маскировку запланированной агрессии против СССР, была отменена еще в октябре 1940 г. Переброску войск к границам СССР немцы объясняли, тем, что эти меры носят оборонительный характер и их объем зависит только от русских военных приготовлений [36]. В целом вся система дезинформационных мер, проводимых накануне нападения на Советский Союз, должна была демонстрировать приверженность Гитлера советско-германскому пакту о ненападении и убеждать советское руководство в отсутствии у Германии территориальных претензий к СССР. Этому же способствовала и активизация советско-германских контактов на высшем уровне для обсуждения различных международных проблем, что позволяло создавать у советских представителей положительное впечатление о состоянии советско-германских отношений. Такова, например, поездка в ноябре 1940 г. В.М. Молотова и двух генералов Генерального штаба в Берлин для определения дальнейших намерений Гитлера и содействию тому,

чтобы дальше оттянуть германскую агрессию. Одной из целей дезинформации было введение руководства СССР в заблуждение относительно сроков возможного нападения Германии на Советский Союз. Немцами подбрасывались советской разведке сведения о различных сроках нападения на Советский Союз (15 апреля, 14, 15, 20, конец мая, первые числа июня), что подрывало веру в эти сведения [36]. Все эти действия фашистской Германии совершались в течение 10–12 месяцев до нападения. Следует добавить, что одновременно с многодневными перемещениями немецких войск к советским границам им навстречу шли день за днем, даже накануне нападения, поезда, груженные зерном и другой сельхозпродукцией. Вот и спрашивается, где была советская разведка, деятельность которой так красиво показана в телефильме «Семнадцать мгновений весны»!

Помимо безрезультатных усилий оттянуть грядущую войну с гитлеровской Германией, Советский Союз предпринимает ряд мер по укреплению военного потенциала, перевооружению армии (оснащению ее новым стрелковым, артиллерийским, танковым и авиационным оружием); укреплению новых западных границ (старые были укреплены во второй половине 20-х гг., но не могли теперь препятствовать внезапному нападению); возмещению кадровых потерь, обеспечив улучшение их профессионализма и растущую в них потребность и т.д. [40]. Еще в 1927–1937 гг. на старой западной границе было создано 13 укрепленных районов, в 1938–1939 гг. возведены еще 8 и в 1940–1941 гг. – 20. Тем не менее укрепленные районы, как на старой, так и особенно на новой границе, к моменту нападения Германии оказались, по существу, не готовыми. В армии принимается на вооружение и в промышленности начинается массовый выпуск нового истребителя Як-1, по которому даже не закончены государственные испытания. В 1940 г. уже производятся танки Т-34 и КВ. Поступает на вооружение пистолет-пулемет ППШ образца 1941 г. Принимаются меры по подготовке командиров Красной армии, для чего расширяется сеть военных академий,

училищ, разного рода курсов. Происходит смена руководства Красной армией. Сразу же после войны с Финляндией И.В. Сталин вместо К.Е. Ворошилова назначает наркомом С.К. Тимошенко, а вместо начальника Генерального штаба Б.М. Шапошникова ставит Г.К. Жукова.

Пополнение Красной армии началось еще до начала Советско-финской войны. В августе 1939 г. в СССР к уже имеющимся 96 стрелковым дивизиям дополнительно развертываются еще 56 дивизий [36]. В 1940 г. было сформировано 9 механизированных корпусов, в феврале-марте 1941 г. началось формирование еще 20 таких корпусов (по две танковые дивизии в каждом и одной механизированной). Но беда была в том, что корпуса имели мало танков Т-34 и КВ [27]. В 1938 г. в СССР было произведено 5 469 самолетов всех типов, в 1939 г. – 10 382 и в 1940 г. – 10 565. Германия за те же годы выпустила 5 235, 8 295 и 10 826 самолетов. В СССР в 1940 г. было выпущено всего 64 истребителя Як-1 и 20 – МиГ-3, пикирующих бомбардировщиков было всего 2. За первую половину 1941 г уже было сделано 1946 новейших истребителей Як-1, МиГ-3 и ЛаГГ-3, кроме того, 458 – Пе-2, 458 – штурмовиков, 249 – Ил-2, а всего 2 650 самолетов [27, с. 24].

1 сентября 1940 г. в Советском Союзе была введена всеобщая воинская повинность, при этом призывной возраст снижен с 21 до 19 лет, а для некоторых категорий – до 18 лет. Закон немедленно вступил в силу и в короткое время численный состав армии заметно возрос. К середине 1941 г. общая численность армии и флота достигла 5 млн человек и была в 2,8 раза больше, чем в 1939 г. Вместе с тем вера в то, что Гитлер не нападет на СССР, пока не разгромит Англию, вела к тому, что части были лишь частично укомплектованы, новые границы полностью не укреплены, медленно переоснащались войска современными видами вооружения, такими, например, как танки Т-34 или штурмовики Ил-2. Войска оставались оснащенными устаревшими, по сути непригодными к условиям современной войны, танками, самолетами и т.д. Поло-

вина всех танков имела на вооружении только пулеметы. В западных округах, например, полностью боеспособными были только 27% танков старых типов, 25 авиадивизий находились еще в процессе формирования и т.д.

В те же предвоенные уже не годы, а месяцы происходят изменения и в гражданской сфере. В июне 1940 г. вышел указ «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». Было запрещено увольняться с предприятий, а также вводилась уголовная ответственность за опоздания и прогулы. Работники могли быть переведены на другие предприятия принудительно. Это определял октябрьский указ 1940 г. «О порядке обязательного перевода инженеров, техников, мастеров, служащих и квалифицированных рабочих с одних предприятий и учреждений в другие». В том же месяце был принят еще один указ, по которому в специальные учебные заведения мобилизовались подростки с 14 лет, и обучение в которых сопровождалось выполнением ими производственных норм.

Пока принимались меры по укреплению обороны страны, устранению тех изъянов в вооруженных силах, которые вскрыла война с Финляндией, закончившаяся сравнительно большими людскими потерями Советского Союза, гитлеровская Германия разрабатывала план нападения на него. В конце июля 1940 г. вскоре после победы над Францией Гитлер на совещании с высшим военным командованием огласил свое решение напасть на Советский Союз. Там же он изложил общий план будущей кампании. По его словам, операция будет иметь смысл, если германские войска одним стремительным ударом разгромят все государство целиком. Гитлер определил продолжительность основных боевых действий в 4–5 месяцев. Первоначально нападение было намечено на 15 мая 1941 г. Но прошло немного времени и 18 декабря 1940 г. Гитлер подписывает директиву, получившую название операция «Барбаросса», которой определялось, чтобы германские вооруженные силы были

готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии. Для этого предписывалось использовать опыт применения стратегии блицкрига в Европе. Планом «Барбаросса» предусматривалось к 25 августа, т.е. через два месяца после нападения, захватить Москву и Ленинград, к началу октября выйти на рубеж Волги, а к началу ноября быть в Баку и Батуми. Самоуверенность фашистов в «молниеносной победе» была столь огромной, что они сразу же определили, как поступить с побежденной советской страной. Планом предусматривалось использование ресурсов захваченных территорий, причем наиболее ценное промышленное оборудование предполагалось отправить в рейх, а то, которое не может пригодиться Германии, – уничтожить. Территорию европейской части СССР планировалось сделать аграрно-сырьевым придатком Германии, а позже разбить на семь экономически зависимых от Германии государств.

10 июня 1941 г. сухопутные войска Германии получили приказ с указанием срока начала войны против СССР. За несколько часов до нападения, вечером 21 июня немецкие минные заградители, базировавшиеся в финских портах, выставили два больших минных поля в Финском заливе с тем, чтобы запереть советский Балтийский флот [43]. А уже в 4 часа утра 22 июня 1941 г. фашистские войска вторглись на территорию Советского Союза. Это – самый большой световой день в году. В 1941 г. он был еще и воскресеньем. Этот день, видимо, был выбран для того, чтобы немецко-фашистские войска успели засветло как можно дальше продвинуться по советской территории. К тому же граждане СССР, включая и военнослужащих, отдыхали в этот день, часто выезжая на природу. Перед самым нападением диверсанты нарушили связь в войсках и с центром. Как отмечал К.К. Рокоссовский, в момент нападения отсутствовала связь и с руководством округа (находился в Киеве), и с Москвой [33].

Ранним утром тысячи орудий и минометов германской армии обрушили огонь по пограничным заставам и расположению совет-

ских войск. Говоря об этом событии, участвовавший в нем немецкий полковник Штейдле, пишет, что «вдоль границ начался артиллерийский огонь небывалой силы, подавляя каждый объект, который мог служить обороне» [26, с. 111]. Чтобы достичь внезапности, германские самолеты перелетели советскую границу на всех участках одновременно и устремились на бомбардировку важных объектов по всей приграничной полосе – от Баренцева до Черного моря. Вслед за артиллерийской подготовкой и налетом авиации, уничтожавшей военные и гражданские объекты, военнослужащих и гражданское население, на территорию СССР вторглись отборные фашистские орды, обладавшие двухлетним опытом ведения современной, притом победоносной войны. Они обрушились, прежде всего, на пограничные войска и войска прикрытия.

Нападая, германское командование поставило задачу обеспечить разгром советских войск на всем протяжении линии фронта, с тем, чтобы уже не через два месяца, а на сороковой день войны начать наступление и захват Москвы, Ленинграда и Донбасса. Для решения этой задачи фашисты смогли на ряде направлений сконцентрировать силы, превосходящие части Красной армии в 3–4 раза. В этом немцам помогали их союзники. В день нападения, т.е. 22 июня, румынские войска также вторглись на советскую территорию, но были отброшены Красной армией, которая даже захватила плацдарм на румынской территории. Однако уже в июле – сентябре 1941 г. румынские войска при поддержке немцев оккупировали Бессарабию, Буковину и междуречье Днестра и Южного Буга.

Нельзя сказать, что Гитлер напал на СССР без объявления войны, он ее объявил, но лишь тогда, когда немецкие войска, приступив к бомбежке спавших еще городов и сел, вторглись на территорию Советского Союза от Балтики до Румынии. Одновременно с нападением 22 июня в 4 часа утра Риббентроп передал русскому послу в Берлине документ об объявлении войны. Также на рассвете, спустя 1,5–2 часа после вторжения фашистских войск на территорию СССР, в пять тридцать германский посол в СССР Шуленбург

явился в Кремль к наркому иностранных дел В.М. Молотову и зачитал заявление о начале войны. В этом заявлении вина за вероломное нападение на Советский Союз представлялась как ответная мера на его подрывную деятельность против Германии, в частности, сосредоточение войск на германской границе. Это нападение, дескать, ответная мера, чтобы противостоять угрозе со стороны СССР.

Хронология вручения нот с объявлением войны свидетельствует о том, что все было рассчитано на то, чтобы Советский Союз не успел среагировать на внезапное нападение фашистских войск. По сути, так и произошло. В самой Германии о начале новой войны население узнало также в утренние часы из обращения фюрера к народу. Его 22 июня в 5 часов 30 минут зачитал по радио министр пропаганды Геббельс. Вслед за ним выступил министр иностранных дел Риббентроп со специальным меморандумом, где перечислялись обвинения в адрес Советского Союза. Само собой разумеется, Германия, как и в прежних своих агрессивных акциях, всю вину за развязывание войны возложила на СССР. В обращении к народу Гитлер не забыл упомянуть о «заговоре евреев и демократов, большевиков и реакционеров» против рейха, о сосредоточении на границах 160 советских дивизий, которые якобы в течение многих недель угрожали не только Германии, но также Финляндии и Румынии [39]. Читая это обращение, начинаешь понимать, откуда предавший Родину офицер ГРУ Ревун и те, кто разделяет его мнение, черпают свои аргументы. Для них аргументом служит лживая гитлеровская версия о якобы «упрежденной агрессии Советского Союза».

22 июня, когда на всем протяжении от Балтийского до Черного моря шли уже ожесточенные кровопролитные бои, по радио с официальным обращением к гражданам страны выступил В.М. Молотов. Он сообщил о нападении Германии и начале Отечественной войны. Спустя 12 дней, т.е. 3 июля, по радио выступил И.В. Сталин с обращением к народу. Вождь обратился к гражданам страны со словами, придающими его речи теплоту и сердечность: «Братья и сестры!» Объясняя причины, почему враг имеет преимущество, он

отнес к ним неожиданность, т.к. фашистская Германия вероломно нарушила пакт о ненападении, заключенный в 1939 г. между ней и СССР (*такое заявление вождя было то ли лицемерием, то ли для него это событие действительно стало неожиданностью, попробуй теперь выясни* – Л.Р.). Продолжая, Сталин сказал, что причина также в том, что вооруженные силы Германии были целиком отмобилизованы, находились в состоянии боевой готовности и придвинулись к границе (*здесь, по сути, собственные просчеты, игнорирование сообщений разведки списаны на вооруженные силы Германии* – Л.Р.). Далее он призвал советских людей понять всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, поскольку дело идет о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР. В заключение он сказал, что война является **великой** (*выделено нами*) войной всего советского народа против немецко-фашистских войск. «Целью этой всенародной **Отечественной** (*выделено нами*) войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма» [23, с. 9–17]. Таким образом, нападение Германии на Советский Союз было озвучено по радио с объяснением причин этому, в первом случае Геббельсом и Риббентропом, и во втором – В.М. Молотовым и И.В. Сталиным.

Известие о нападении немецко-фашистских войск на Советский Союз с энтузиазмом и облегчением было воспринято народом и властью Великобритании, находящейся в войне с Германией уже 1,5 года. Нападение на Советский Союз отодвигало германское вторжение на Британские острова. Премьер-министр Черчилль, выступивший по радио вечером 22 июня, заявил: «За последние 25 лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я. Я не возьму обратно ни одного слова, которое я сказал о нем» [18, с. 36]. И далее заявил, что любой человек или государство, которые борются против нацизма, получат нашу помощь. Мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только

сможем. Гитлер хочет уничтожить русскую державу потому, что в случае успеха надеется отозвать с востока главные силы своей армии и авиации и бросить их на наш остров. В последней фразе находится весь смысл выступления Черчилля, а именно: «Опасность, угрожающая России, – это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам…» [5, с. 111].

Несколько позже, в 1942 г. во время самых кровопролитных сражений, происходивших на территории СССР, Черчилль, уже не лицемеря, заявил, что он хотел бы видеть германскую армию в могиле, а советскую – на операционном столе (*не повезло ему, не дожил до 90-х гг. XX в.*). Вторя своему отцу, примерно то же самое высказал и его сын Рэндольф Черчилль, заявивший, что идеальным исходом войны на Востоке был бы такой, когда последний немец убил бы последнего русского и растянулся мертвым рядом. С Черчиллями был солидарен и будущий президент США, бывший в 1941 г. пока еще вице-президентом, Гарри Трумэн. В газете New York Times от 24 июня 1941 г., т.е. по сути, сразу же после нападения Германии на СССР, было опубликовано его высказывание о том, что если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше, хотя мне не хочется ни при каких обстоятельствах видеть Гитлера в победителях [13, с. 27]. Таковы были наши союзники по антигитлеровской коалиции, не единомышленники, не верные соратники по оружию, а временные партнеры, которых жизнь, а точнее вынужденное противостояние с фашистской агрессией, заставило вступить в союз с тем, кого они ненавидели, пожалуй, еще больше, чем гитлеровскую Германию. «Союзники» по окончании войны сразу же обрели прежнее лицо. Достаточно вспомнить знаменитую речь У. Черчилля в Фултоне (штат Миссури) в марте 1946 г., положившую начало холодной войне, в которой он призвал западные страны к крестовому походу на Советский Союз. Эта речь была произнесена в присутствии тогдашнего уже президента США Трумэна.

С первых же дней войны в Советском Союзе стали приниматься экстренные меры. Уже с 23 июня 1941 г. была объявлена мобилизация военнообязанных 14 возрастов (1905–1918 гг. рождения) в 14 военных округах. Еще в трех округах (Забайкальском, Среднеазиатском и Дальневосточном) мобилизация была объявлена через месяц. В тот же день была создана Ставка Главного Командования (с 8 августа – Ставка Верховного Главнокомандования и Сталин стал Верховным главнокомандующим), наконец, 30 июня – создан Государственный комитет обороны (ГКО). В том же июне стало формироваться народное ополчение. В конце июня 1941 принято решение о массовой мобилизации коммунистов и комсомольцев на фронт. 10 августа издается постановление о мобилизации военнообязанных 1890–1904 гг. и призывников 1922–1923 гг. рождения на той территории, которая могла быть захвачена гитлеровскими войсками. Это – Кировоградская, Николаевская и Днепропетровская области, а также ряд других районов западнее Людиново, Брянска и Севска (Орловская область). С 15 августа мобилизация была распространена на Крымскую АССР, Запорожскую область и ряд районов Орловской и Курской областей и уже в октябре – на Москву и Московскую область. К концу 1941 г. было мобилизовано свыше 14 млн человек.

На третий день войны был создан Совет по эвакуации при СНК СССР. Эвакуация была проведена в два этапа: в 1941 г. – из Белоруссии, Украины, Прибалтики, Москвы и Ленинграда, а в 1942 г. – из южных районов европейской части СССР. Объем эвакуации был настолько велик, что в июле 1941 г. для ее проведения была использована почти половина всего вагонного парка СССР. В 1941 г. в глубокий тыл было вывезено 1 523 крупных предприятия: на Урал – 667, в Западную Сибирь – 244, в Восточную Сибирь – 78, в Среднюю Азию и Казахстан – 308, в Поволжье – 226. Согласно сводкам Народного комиссариата, путей сообщения из угрожаемых районов было вывезено 2 593 промышленных предприятия, причем 1 350 предприятий в первые три месяца. Были эвакуированы все

танковые, авиационные заводы, заводы боеприпасов и вооружения, 150 машиностроительных завода, 94 – металлургических, 40 заводов электротехнической промышленности. Во время второго периода эвакуации на восток вывезли 150 крупных предприятий, в том числе оборудование нефтепромыслов Майкопа и Грозного и запасы нефти. За период с июля 1941 г. по август 1942 г. в тыл были перевезены 2 743 предприятия. Наибольшее количество предприятий было эвакуировано из Украины (550 предприятий), из Москвы и Московской области (498 предприятий), из Белоруссии (109 предприятий), Ленинграда (92 предприятия). Вместе с промышленными объектами было эвакуировано до 30–40% рабочих, инженеров и техников. Во втором полугодии 1941 г. в восточную часть страны было перемещено 2393,3 тыс. голов скота. Одновременно в тыл вывезли запасы зерна и продовольствия, десятки тысяч тракторов и других сельскохозяйственных машин, различные материальные и культурные ценности. Колхозы и совхозы восточных районов страны приняли примерно 2,4 млн голов скота, перемещенного из прифронтовой полосы. Вглубь страны были эвакуированы также сотни научных институтов, лабораторий, школ, библиотек, а также уникальные произведения искусства из музеев Москвы, Ленинграда, Киева и др. городов [40].

Быстрая организация военного производства на востоке страны, куда эвакуировалось оборудование, рабочие и служащие из районов, к которым приближались фашистские войска (порой на это уходили недели), позволила наладить выпуск в возрастающих количествах различных видов вооружения. К ноябрю 1942 г. в действующей армии уже насчитывалось свыше 78 тыс. орудий и минометов (без зенитных орудий), 7,3 тыс. танков, 4,5 тыс. боевых самолетов. Более того, во втором полугодии 1942 г. советская промышленность производила вооружения уже больше, чем промышленность Германии. Увеличение производства боевой техники и вооружения, оснащение ими войск позволили во второй половине 1942 г. создать танковые и механизированные корпуса, артилле-

рийские дивизии резерва Верховного Главнокомандования, сформировать воздушные армии и т.д. [40]. Стало применяться все больше и больше новых видов оружия, в числе которого – реактивные минометы «Катюша». В июле 1941 г. советским правительством было подписано соглашение о совместных действиях в войне против Германии с правительствами Великобритании, Чехословакии и Польши.

Глава 3

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА, ЕЕ ОСОБЕННОСТИ, ПЕРИОДИЗАЦИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Определение войны как «Великой Отечественной…» впервые прозвучало в июльском выступлении Сталина. Наши союзники ее считали «Восточным фронтом Второй мировой войны», а в Германии называли «Немецко-советской войной» [45]. Великая Отечественная война, судя по отвлеченным на советский фронт войскам Германии с ее сателлитами, масштабам потерь с обеих сторон, была основной, более того преобладающей частью Второй мировой войны. Но ее отличие от других частей Второй мировой войны состояло не только и не столько в этом. У Великой Отечественной войны был ряд таких особенностей, которые ее принципиально отличали не только от всех предшествующих в человеческой истории войн, но и от всех остальных, происходивших в Европе и на других материках сражений этой последней мировой бойни.

Первая особенность Великой Отечественной войны состоит в том, что гитлеровская Германия, вероломно напавшая на Советский Союз, была не одинока. В нападении участвовали и ее союзники, как те, кто разделял идеологию фашизма, так и те, кто просто хотел поживиться за счет Советского Союза. Более того, фашистам помогали все те, кто испытывал ненависть к советской стране, а с началом войны и те, кто предал свою Родину. Вообще в войне против Советского Союза участвовали все европейские страны за исключением воюющей с немцами Великобритании. Благодаря сложив-

шимся во второй половине 30-х гг. благоприятным для Советского Союза обстоятельствам и усилиям советских дипломатов, несмотря на непримиримую ненависть руководителя правительства Великобритании к большевикам, эта одна из наиболее крупных европейских держав оказалась не в общем числе стран, противостоящих СССР, а вынужденно его временным союзником.

Прежде всего в войне против Советского Союза участвовали армии союзников Германии: Италии, Венгрии, Румынии, Финляндии, Словакии, Хорватии. Румыния одна из первых поддержала нападение германских войск на Советский Союз. Венгрия не сразу приняла участие в нападении на СССР, она объявила войну 27 июня 1941 г. И хотя Гитлер не требовал непосредственной помощи от Венгрии, венгерские правящие круги добились вступления Венгрии в войну, чтобы не допустить разрешения Гитлером территориального спора по Трансильвании в пользу Румынии. Выступив на стороне нацистской Германии, Венгрия только в боях под Воронежем потеряла около 150 тыс. человек. Летом 1941 г. Италия направила для участия в войне против СССР экспедиционный корпус, в июле 1942 г. преобразованный в общевойсковую армию. Австрия, будучи частью рейха, выставила 1,2 млн солдат для войны на стороне нацистов. Австрийцы составляли около 14% войск СС и 40% аппарата концлагерей. Финляндия активно сотрудничала с нацистской Германией, ведя собственные наступательные операции на территории СССР, а также предоставляя все виды помощи немецким войскам. Правда, Финляндия не позволила немцам нанести непосредственный удар со своей приграничной территории. Однако, уже начиная с 22 июня, немецкие бомбардировщики использовали финские аэродромы в качестве заправочной базы перед возвращением в Германию. В войне против СССР непосредственно участвовали воинские части Словакии, эквивалентные 2,5 дивизиям. Испания в 1941 г. направила для участия в войне против СССР одну пехотную дивизию (получившую название «Голубая дивизия») и авиаэскадрилью «Сальвадор» (в то же время на стороне СССР против гитлеровских

войск сражалось примерно 800 испанцев). Болгария не объявляла войну и потому болгарские военнослужащие не воевали против СССР. Но участие Болгарии в оккупации Греции и Югославии и военные действия против греческих и югославских партизан высвободили немецкие дивизии для отправки на Восточный фронт. Кроме того, Болгария предоставила в распоряжение немецкого военного командования аэродромы, порты Варна и Бургас, которые немцы использовали для снабжения войск на Восточном фронте. Хорватия в 1941 г. отправила в помощь Германии три легиона, укомплектованные добровольцами-хорватами, – пехотный, воздушный и морской. Еще три дивизии вермахта и две дивизии войск СС, укомплектованные хорватами и боснийскими мусульманами, приняли участие в боях против Красной армии во время освобождения ею Югославии и Венгрии. Всего в течение войны на советско-германском фронте гитлеровцами было задействовано 560 немецких дивизий и 85 бригад. Кроме того, против Советского Союза воевали 141 дивизия и 60 бригад из Финляндии, Венгрии, Румынии, Италии, Испании и Словакии [16, с. 71].

Помимо перечисленных стран по неполным данным в вермахте и войсках СС было еще свыше 1,8 млн человек из числа граждан других государств, в частности добровольцы из Швеции, Дании, Франции, Бельгии, Голландии и ряда славянских стран. Из них в годы войны было сформировано 59 дивизий, 23 бригады, несколько отдельных полков, легионов и батальонов. Многие из них носили наименования по территориальной или национальной принадлежности. Среди них были: «Валлония», «Галичина», «Богемия и Моравия», «Викинг», «Денмарк», Норвежский легион, «Недерланд» и др. Об их участии в войне против СССР можно судить по такому факту. Французов, состоявших в движении Сопротивления (их до 1944 г. было примерно 100 тыс.), за 5 лет погибло 20 тыс. человек, тогда из тех французов, которые воевали на стороне немцев, было убито около 50 тыс. человек [35]. Кроме них, были еще восточные легионы, примерная численность которых достигала 130–150 тыс.

чел. В их числе только Латышский легион составлял 110 тыс. человек. Было Восточно-тюркское соединение СС, карательные и диверсионные подразделения украинских националистов в составе абвера и др. Ряд подразделений находился в оперативном управлении разведывательно-диверсионного полка «Бранденбург». О разнообразии участия граждан европейских стран против советской страны можно судить по составу пленных, находившихся в СССР в апреле 1956 г. Из 3 486 тыс. пленных, еще остававшихся в то время в лагерях НКВД, на долю немцев приходилось, в тыс. человек: 2 388, австрийцев – 157, чехов и словаков – 70, французов – 23, югославов – 22, поляков – 60, голландцев – около 5, бельгийцев и люксембуржцев – почти 4, испанцев, датчан, норвежцев, и других – 5. Кроме того, были в плену еще 514 тыс. венгров, 187 тыс. румын, 49 тыс., итальянцев и свыше 2 тыс. финнов.

На стороне нацистской Германии, не входящая, однако в вермахт, выступала также Русская освободительная армия (РОА) под командованием генерала Власова, составляющая по некоторым оценкам 800 тысяч человек, по другим – 50 тыс. [18]. Чему верить? Против СССР выступали также Организация украинских националистов, Организация белорусских националистов, Украинский центральный комитет, Украинский национальный совет, Русское освободительное движение, Комитет освобождения народов России, Республика Зуева, Локотское самоуправление, организация «Цеппелин», частично РОВС, Русский корпус, Казачий стан, Антибольшевистский блок народов и т. д. В составе армии нацистской Германии был 15-й казачий кавалерийский корпус СС генерала фон Панвица, Русский корпус генерала Штейфона, корпус генерал-лейтенанта царской армии Петра Краснова и ряд казачьих и других частей, сформированных из граждан СССР и белоэмигрантов. На стороне Германии воевали национальные «восточные» легионы: Туркестанский, Азербайджанский, Грузинский, Армянский, Северо-Кавказский и Волго-Уральский. Только из представителей кавказских народов было создано почти 50 батальонов, с численно-

стью до тысячи человек в каждом. Сюда же следует добавить 8 батальонов крымских татар и Калмыкский кавалерийский корпус. Численность крымских татар, воевавших на стороне нацистов, достигала 20 тысяч человек. К 1944 г. на стороне немцев было 200 пехотных батальонов из русских, украинцев и других народов Советского Союза [6]. Надо заметить, что многие терские казаки, казачье население Кубани и горское население Северного Кавказа враждебно относились к советской власти. В Чечне антисоветские мятежи начались еще с февраля 1940 г. и активизировались после поражений Красной армии в 1941 г. Именно поэтому немцы смогли на Кавказе сформировать несколько казачьих и горских соединений [46].

К сказанному надо добавить еще военнопленных. Примерно один миллион военнопленных был переведен из плена в состав вспомогательных частей вермахта. Во многих случаях для пленных это был единственный шанс выжить. Опять же большая часть этих людей старалась дезертировать из частей и соединений вермахта [36]. Некоторая часть военнопленных и населения оккупированных территорий сознательно стали сотрудничать с немцами. Так, в дивизию СС «Галичина» на 13 тыс. «мест» было 82 тысячи добровольцев. Более 100 тыс. латышей, 36 тыс. литовцев и 10 тыс. эстонцев служили в немецкой армии, преимущественно в войсках СС. Красная армия в боях на Восточном фронте захватила полмиллиона пленных, являющихся гражданами вроде бы стран, не воевавших с Советским Союзом. Автор изложенного выше материала Андрей Кравченко приводит высказывание немецкого профессора К. Пфеффера, писавшего в 1953 г., что «большинство добровольцев из стран Западной Европы шли на Восточный фронт потому, что видели в этом ОБЩУЮ задачу для всего Запада…» С силами почти всей Европы Советскому Союзу и суждено было столкнуться, а не только с Германией, и столкновение это было не «двух тоталитаризмов», а «цивилизованной и прогрессивной» Европы с «варварским государством недочеловеков», так долго пугавшим европейцев с востока [36].

Наконец, следует добавить, что Германия для войны помимо людского использовала также военный и экономический потенциал своих союзников (Италии, Венгрии и т.д.) и всех, завоеванных ею стран, обладавших мощным военно-промышленным комплексом. В числе этих стран были такие экономически развитые, как Чехословакия, Австрия, Франция, Бельгия, Голландия, Норвегия, Дания и т.д. Она использовала на техническое оснащение армии, вторгшейся в СССР, десятки миллионов квалифицированных рабочих всей Европы. К тому же на нацистский режим работали промышленные предприятия, оставшиеся на территории СССР, захваченной Германией. Принудительное использование дешевой рабочей силы оккупированных и союзных Германии государств позволило нацистам мобилизовать для ведения войны огромный экономический потенциал [36]. Таким образом, Советскому Союзу в Великой Отечественной войне противостояли людские и экономические ресурсы не только Германии, но и всех остальных стран Европы, за исключением Великобритании. Исключив ее, окажется, что советская страна защищалась от экономического и людского потенциала всего европейского материка.

Вторая особенность Великой Отечественной войны заключалась в невиданном до того протяжении линии фронта и громадности пространства, на котором велись сражения. Прежние войны, тем более одной страны, не велись на таких огромных территориях, как Советский Союз, которому принадлежала 1/6 часть земной суши (22,4 млн кв. км). Европейские районы СССР составляли больше половины всей остальной Европы. Повсеместно врагу необходимо было иметь войска не только на линии фронта, протяженностью в несколько тысяч километров, но и оставлять их часть для борьбы с партизанами и присмотром за населением оккупированных территорий, охранять коммуникации и т.д.

В годы Великой Отечественной войны к декабрю 1941 г. фашистами было оккупировано 7% территории Советского Союза [36]. Сюда входит свыше одного миллиона квадратных километров, от-

носящихся к шести захваченным врагом союзных республик, а также примерно 0,7 тыс. кв. км, оккупированных полностью или частично полтора десятка областей РСФСР, часть которых недолго продержалась в руках оккупантов. Территория союзных республик, захваченная германскими войсками, превышала 4,5% всей площади СССР. Она стала освобождаться от оккупации начиная с 1943 г. Доля европейских районов РСФСР, захваченных и удерживаемых германскими войсками в разное время, колебалась в пределах 3–4%. Стало быть, общая доля территории, находившаяся в оккупации, не могла быть меньше 7,5–8,5% (1,7–1,9 млн кв. км). Согласно одному источнику, на захваченной фашистами территории проживало 74,5 млн человек [36]. Эта цифра скорее всего занижена. В 1939 г. численность населения союзных республик (вместе с Крымом), находящихся в оккупации, составляла 57,6 млн человек. В регионах европейской части России, полностью или частично оккупированных гитлеровцами (бои вносили изменения в размеры этих территорий), в 1939 г. проживало примерно 30–32 млн человек. Если принять во внимание, что перепись 1939 г. проводилась в январе и после нее еще более двух лет в стране возрастала численность населения (только в России она увеличилась на 3 млн человек), то с учетом этого обстоятельства к населению оккупированных районов можно еще прибавить 2–2,5 млн человек. Тогда общая численность населения, оказавшаяся на оккупированных территориях, составит не менее 90–92 млн человек. А это 46–47% численности населения Советского Союза в начале 1941 г. Цифры (и миллионы человек и проценты), подсчитанные нами примерные. Однако они очень значимы для понимания того, какие физические и духовные силы должен был приложить советский народ, чтобы, несмотря на сокращение человеческого потенциала на такую величину, не только противостоять врагу, за плечами которого был людские и экономические ресурсы почти всей Европы, но и его победить!

Вся захваченная врагом территория и проживавшее там население находились в полосе, протянувшейся от границы с Норвеги-

ей, к тому времени, оккупированной германскими войсками, до южных районов Молдавии, или по-другому, от Баренцева до Черного моря. По прямой расстояние от Мурманска до Севастополя составляет 2,7 тыс. км. А от Севастополя до Ленинграда – 1,7 тыс. С учетом зигзагообразной конфигурации линии фронта, менявшейся к тому же вследствие наступательных и оборонительных сражений с обеих сторон, это расстояние наверняка превышало 3,5, если не 4 тыс. км. Для первых месяцев войны, т.е. до вступления в нее Финляндии, протяженность линии фронта может быть установлена по таким данным. К началу военных действий у границы СССР были сосредоточены в первом стратегическом эшелоне три группы армий вермахта вместе с войсками союзников. Группа армий «Север» располагалась на фронте, протяженностью 230 км (Прибалтика, Ленинград), группа армий «Центр» охватывала полосу в 500 км (Беларусь, Смоленск) и группа армий «Юг» вместе с румынами (Украина, Молдавия) имела самую большую протяженность – 1 300 км. 22 июня 1941 г. 5,5 млн немецких солдат и офицеров вместе с союзниками перешли в наступление по всему этому фронту, превышавшему две тысячи километров. Для сравнения, в свое время Наполеон, вторгшийся в Россию, имевшую примерно такую же протяженность западной границы, располагал армией в 600 тыс. человек, т.е. примерно вдесятеро меньшей, чем гитлеровская Германия. Его армия продвигалась к Москве по узкой полосе. Следует также добавить, что протяженность советско-германского фронта в четыре раза превышала совокупную протяженность всех фронтов, где воевали союзники [45].

При той протяженности всей линии фронта, которая была во время нападения гитлеровской Германии на Советский Союз и участвующей в нем численности немецко-фашистских вооруженных сил, на каждый метр приходилось по 2–3 человека. Это – сплошная шеренга личного состава вражеских войск. Но фашистская армия наступала по определенным направлениям, на которых концентрировалась живая сила и техника, успешно противостоять которой

можно было бы только, зная эти направления, силы нападающих, точное время вторжения и многое другое, да к тому же еще и обладая людскими и техническими ресурсами, не уступающими противнику ни количественно, ни качественно. К сожалению, тех, кто во всем том, что произошло в первые дни, месяцы войны, винит во всем Сталина надо разочаровать. Сталин, конечно, виноват, но в основном в том, что не верил в дату нападения фашистов, видимо, полагая, что оно состоится после разгрома Великобритании. Вот реплика на этот счет в книге о войне В. Мединского. «Я действительно считаю, что вина за провал в начале войны – на Сталине. В той же степени, в которой Победа в той войне – его заслуга» [18, с. 179]. Трудно не согласиться, если учесть, однако, что не он один виноват и не ему одному принадлежат заслуги в том, что произошло.

С первых же дней нападения на фронтах ежедневно стали погибать тысячи и тысячи военнослужащих, на оккупированных территориях – партизаны, подпольщики. Мирное население гибло как в результате бомбежек, артиллерийских обстрелов, так и просто уничтожалось по расовому и политическому признакам, от голода и других причин. Частично оно угонялось в рабство. На этих территориях уничтожалась также инфраструктура. Многие населенные пункты по несколько раз переходили из рук в руки, многие оборонялись месяцами. Значительные разрушения постигли все крупные города, которые приходилось с боями оставлять немцам и затем возвращать обратно, причем часто не единожды. Очевидно, что во время боев не думали о сохранении зданий, строений, храмов и т.д. Конечно, от бомбежек, артиллерийских обстрелов во время их штурма пострадали и вражеские города, такие как Берлин или Будапешт. Но это на совести тех, кто развязал войну.

Помимо рассмотренных выше двух особенностей у *Великой Отечественной войны есть еще третья черта, специфически присущая только ей*. Она, как уже говорилось, вообще отличает Великую Отечественную войну от всех остальных, известных всемирной истории войн, включая и Первую мировую войну, и ту остальную

часть Второй мировой войны, которая велась между гитлеровским блоком и противостоящими ей странами, временными союзниками СССР. Отличие это носит качественный характер и состоит не в количестве участников войны (численности их армий и населения), не в масштабах, охваченных войной территорий, морей и океанов, а в идеологической парадигме, вызвавшей войну. *Суть этой парадигмы – звериная ненависть гитлеризма, воплощавшаяся в чудовищной жестокости к определенной части человечества, в качестве которой был избран советский народ, преимущественно его славянская часть*. Идеолог этой парадигмы – вегетарианец с людоедскими наклонностями Гитлер, бывший последовательным, непримиримым врагом советского государства. Более того, он никогда и не скрывал своих планов нападения на СССР, свою лютую ненависть к большевистскому режиму. Приведем высказывания этого самого ярого недруга России, паталогически ненавидящего советских людей. Еще в 1925 г., т.е. задолго до того как он пришел к власти, Гитлер в книге «Майн Кампф», а позже во «Второй книге» (1926 г.) разъяснял, что расширение «жизненного пространства» для немецкого народа может произойти только за счет России [4]. Став в 1933 г. у власти, т.е. канцлером, Гитлер выступил с заявлением, что «ведя войну с большевизмом, Германия …выполняет европейскую миссию» [28, с. 565]. В этом он был не одинок, скорее наоборот. Спустя 1,5 года, в августе 1934 г., в Германии был проведен плебисцит в поддержку полномочий Гитлера. Его поддержало 90% населения. [28, с. 566]. Еще в большей мере это относилось к немецкой армии. А. Кравченко цитирует немецкого историка Р. Рюрупа, который пишет: «Во многих документах Третьего рейха запечатлелся образ врага – русского, глубоко укоренившийся в германских истории и обществе. Такие взгляды были свойственны даже тем офицерам и солдатам, которые не были убежденными или восторженными нацистами…» Они разделяли представления о «вечной борьбе» германцев по защите европейской культуры от «азиатских орд», о призвании и праве господства немцев на Востоке. «Образ

врага подобного типа был широко распространен в Германии, *он принадлежал к «духовным ценностям» (выделено нами)* [36].

В 1936 г. в узком кругу своих приближенных Гитлер, будучи уже канцлером, более того, фюрером немецкого народа, по словам генерал-полковника Гальдера, расписывал блага, которые получит Германия после захвата Украины и Урала. Тогда же он говорил и о необходимости «стереть с лица земли» Москву и другие «центры славянства» [41]. Вот выдержка из очередного выступления Гитлера: «Мы должны развивать технику обезлюживания … под обезлюживанием… я имею в виду устранение целых расовых единиц… Я имею право устранить миллионы людей низшей расы» [21, с. 28]. Приведем еще одно высказывание Гитлера, которое зафиксировал Гальдер, в своем «Военном дневнике». После совещания у Гитлера 4 ноября 1940 г. Гальдер записывает: «Россия остается главной проблемой в Европе. Должно быть сделано все, чтобы быть готовым к полному расчету с ней». Уже позже, после войны немецкий военный историк Г. Шрайбер, писал, что бы ни делал Гитлер, «Советский Союз никогда не переставал быть объектом его милитаристских устремлений» [4, с. 16]. Европейские страны, которые он захватил, его интересовали лишь как экономический и людской потенциал, необходимый для сокрушения Советского Союза. Отсюда и отношение к ним было как к «цивилизованным» соседям, часть которых, к тому же, активно участвовала в гитлеровской авантюре.

Помимо выделенных трех специфических особенностей Великой Отечественной войны, есть у нее, конечно, и другие черты. Тем не менее, какие бы аспекты этой самой чудовищной драмы, постигшей советский народ, мы не рассматривали, надо всегда помнить то, что нас ожидало, не сокруши Красная Армия такое чудовищное для всей человеческой истории явление, как фашизм с его «пропиской» не только в Германии, но и полностью или частично еще в ряде европейских стран.

Великая Отечественная война началась 22 июня и непрерывно длилась не дни или месяцы, как это было для всех покоренных Гит-

лером европейских стран, а продолжалась 1 418 дней, или почти 4 года (3 года и 11 месяцев). В это длительное время военные успехи и поражения были то на одной, то на другой стороне. Военные историки в военно-стратегическом плане Великую Отечественную войну делят на три периода, в зависимости от количества и направленности проведенных кампаний. Первый период, начавшийся 22 июня 1941 г. и продолжавшийся по 18 ноября 1942 г., включает три кампании: летне-осеннюю 1941 г., зимнюю 1941/42 г. и летне-осеннюю 1942 г. Второй период (с 19 ноября 1942 г. по 31 декабря 1943 г.) охватывает две кампании: зимнюю 1942/43 г. и летне-осеннюю 1943 г. Третий период (с 1 января 1944 г. по 9 мая 1945 г.) состоит из трех кампаний: зимне-весенней 1944 г., летне-осенней 1944 г. и кампании 1945 г. в Европе. Вот та же разбивка времени Великой Отечественной войны на три периода, с теми же датами их начала и окончания, но с комментариями того, что происходило в каждом периоде. Первый период. Нападение Германии на СССР. Начальный период войны. Крах блицкрига. Битва за Москву. Неудачи и поражения лета 1942 г. Второй период. Коренной перелом в ходе войны. Победы в Сталинградской и Курской битвах, в битве за Днепр. Третий период. Изгнание врага за пределы территории СССР. Освобождение от оккупации стран Европы. Распад фашистского блока. Берлинская операция. Безоговорочная капитуляция Германии [45].

Сразу заметим, что временные границы, как в первом, так и втором случаях, в значительной мере условны и носят формальный характер. Не подвергая сомнению, что у войны было три периода, тем не менее предложим некоторые изменения в их временных рамках, отступив от проведения тех или иных кампаний (наступательных или оборонительных). Говоря обобщенно, у Великой Отечественной войны было три радикально отличающихся периода в зависимости от характера происходящих событий и их результатов. Под характером мы понимаем, как наступления, так и отступления, а под результатом – захват и освобождение территорий и населен-

ных пунктов. Так вот, *вначале* Красная армия практически все время отступала под напором гитлеровской армии и прибавлявшихся к ней войск союзников Германии, причем это происходило на всем протяжении советско-германского фронта. *Затем* с начавшегося разгрома фашистских войск под Москвой наступило противостояние воюющих сторон, меняющееся в ту или другую сторону, вначале больше в пользу Германии, а затем – Советского Союза. *Наконец*, наступило время непрерывного отступления гитлеровских захватчиков по всему фронту (от Баренцева до Черного моря) под напором советских войск, освобождение всей советской земли и стран восточной Европы от оккупантов, сопровождающееся распадом фашистского блока. Этот период завершился полным разгромом фашистской Германии. Все три периода не похожи друг на друга, прежде всего, величиной потерь, которые были у советских вооруженных сил. Они не похожи и по соотношению воюющих сторон в живой силе и вооружении. Так, в декабре 1941 г. у вермахта было больше, чем советских войск, почти на 900 тыс. человек, в мае 1942 г. – на 660 тыс., в ноябре 1942 г. было почти равенство, а к июлю 1943 г. СССР имел на 1,1 млн больше, чем численность немецких войск. В первом периоде приходилось в среднем на один месяц 523 тыс. безвозвратных потерь вооруженных сил СССР, во втором периоде – 232 тыс. и в третьем – 180 тыс. человек.

Итак, к первому периоду мы относим время от вторжения гитлеровских войск на территорию Советского Союза вплоть до их разгрома под Москвой. Это – примерно полгода, т.е. с 22 июня по начало декабря 1941 г. Этот период одинаков по характеру боевых действий и достигаемых той или другой стороной результатов. Одна сторона наступала, другая более или менее успешно оборонялась, одна теряла населенные пункты и территорию, другая их занимала. Так, уже в начале сентября началась блокада Ленинграда, 19 сентября немцы захватили Киев и 2 октября стали наступать на Москву. В первое время наступающие немцы захватывали в плен огромное количество советских военнослужащих, бывших не гото-

выми к войне. Большие потери в тот период связаны с тем, что абсолютное большинство военнослужащих были не обстреляны, не имели боевого опыта, как говорится, «не нюхали пороха». В это же время на них наступала имевшая 2–3-летний опыт войны, пропитанная духом победителя немецкая армия. Если верить тому, что написали уже после войны немецкие генералы, то при взятии каждого крупного населенного пункта в плен попадало по несколько сот тысяч бойцов и офицеров Красной армии. Так, в районе Минск – Гродно в плен попало 300 тыс. человек, в районе Умань – 100 тыс., в Смоленском котле – 350 тыс., Гомель – Клинцы – 80 тыс., в Киевском котле – 600 тыс. и т.д. [20]. Сражения, происходившие в первые дни и недели, как писала газета «Тайм» от 30 июня 1941 г., дали основание Объединенному разведывательному комитету США сделать вывод, что Германии потребуется самое большее шесть недель, чтобы взять Москву [44].

Многое, происходившее в первый период войны, было связано с внезапностью нападения вражеских войск, что, собственно, и определило их стратегическую инициативу на этом этапе. Как уже отмечалось, вероломное нападение фашистских войск на Советский Союз произошло вдоль его границы, протяженностью более чем 2 тыс. км, с севера на юг. Внезапность и такая протяженность линии фронта давали огромные преимущества нападающей стороне. Описание того, каковы были силы гитлеровской Германии и ее союзников, причем в каждой группе армий (количество дивизий, число самолетов, танков и другой техники и пр.), не входит в замысел этой книги, тем более, что это имеется во многих источниках, в которых сопоставляются силы нападающей и обороняющейся сторон. Здесь лишь приведем самые общие сведения о количестве вооруженных сил Германии и противостоящих им вооруженных сил Советского Союза накануне нападения. Численность германских вооруженных сил к середине 1941 г. в целом составляла около 7,3 млн чел. В германской армии имелось свыше 5,6 тыс. танков и штурмовых орудий, более 71,5 тыс. орудий и минометов и 5,7 тыс.

боевых самолетов. ВМФ к июню 1941 г. насчитывал 207 боевых кораблей основных классов, в т. ч. 122 подводные лодки [40]. В другом источнике приводится численность немецких вооруженных сил, предназначенных для нападения на СССР. Для этого, включая и силы находящиеся в резерве, было сосредоточено 5,5 млн человек. В их вооружение входили 3,7 тыс. танков, 47,3 тыс. полевых орудий и минометов и около 5 тыс. боевых самолетов [45]. А вот еще один источник, относящийся к советскому времени. Он опубликован в шестидесятые годы. В нем говорится, что для осуществления плана «Барбаросса» было задействовано 3,3 млн человек. Кроме того, в военно-воздушных силах было 1,2 млн и в военно-морских силах – 100 тыс. (всего – 4,6 млн человек). Это 77% от всех вооруженных сил Германии. К ним следует добавить еще силы стран сателлитов – 900 тыс. человек. Тогда, получается, что всего на советско-германском фронте было сосредоточено 5,5 млн человек. В их распоряжении были 48 тыс. орудий и минометов, 2,8 тыс. танков и штурмовых орудий, почти 5 тыс. самолетов и 193 боевых корабля [2, с. 33]. В предыдущем источнике, по сути, повторяются с небольшими отклонениями в количестве вооружения эти же цифры. Такова вот статистика вооруженных сил Германии в момент ее нападения на Советский Союз.

Германскому нашествию с советской стороны противостояли вооруженные силы, в которых к июню 1941 г. насчитывалось около 5,7 млн чел. Они включали сухопутные, пограничные и внутренние войска, а также ВВС, ВМФ, войска ПВО и НКВД. На вооружении Красной армии находилось свыше 110 тыс. орудий и минометов, более 23 тыс. танков, из них боеготовых – 18,7 тыс. В войсках ПВО было 4,5 тыс. зенитных орудий, в ВВС – около 13 тыс. исправных боевых самолетов. ВМФ имел в своем составе 276 боевых кораблей основных классов, в т. ч. 211 подводных лодок [40]. Из этих войск накануне Великой Отечественной войны в западных приграничных округах были сосредоточены войска, общая численность которых составляла 2,9 млн человек (во всей армии в то время было 5,3 млн

человек). Еще в одном источнике сказано, что 2 июня 1941 г. в приграничных округах и флотах численность личного состава Красной армии составляла 3,3 млн солдат и офицеров. Кроме того, в частях (сухопутных и морских) восьми пограничных округов вместе с оперативными частями и подразделениями внутренних войск насчитывалось около 100 тысяч человек. Еще на трех флотах было около 220 тысяч человек личного состава. Значит, общее число всех противостоящих фашистам советских защитников было примерно 3,6 млн человек. Они имели 59,8 тыс. орудий и минометов, 12,8 тыс. танков, в т. ч. 1 475 танков Т-34 и КВ, 10,7 тыс. самолетов и 182 корабля различных классов [45].

Во всех этих источниках помимо сопоставлений вооруженных сил гитлеровской Германии и Советского Союза говорится о превосходстве нападающей стороны. Так, численность германских превосходила численность советских вооруженных сил почти в 1,3 раза [40]. На западной границе у Советского Союза личный состав вооруженных сил был на 1067 тыс., или на 25% меньше, чем у нападавшей стороны (3 263 тыс. и 4 330 тыс. человек), орудий и минометов больше на 17,2 тыс. (59,8 и 42,6 тыс.), танков и штурмовых орудий – меньше на 11,3 тыс. (15,7 и 4,4 тыс.) и самолетов – меньше на 5,9 тыс. (10,7 и 4,8 тыс.) [45]. Приведем также сведения о советских войсках противостоящих фашисткой агрессии на ее начальной стадии из того же источника, который был опубликован в шестидесятые годы. Так вот, в нем говорится, что силы фашистов при нападении на Советский Союз в первых эшелонах вдвое превосходили силы первого эшелона советских войск. Более того, немецкие дивизии были полностью укомплектованы и снабжены, тогда как советские находились на положении мирного времени, имели недокомплект личного состава, техники, боеприпасов и т.д. В советских войсках было большое количество устаревших танков. Советская авиация не уступала немцам по количеству самолетов, но среди них самолетов качественно равноценных немецким было всего 20%. Немецкая армия превосходила советские вооруженные

силы более чем вдвое по количеству орудий и минометов калибра 76 мм и выше [2, с. 53]. Фашистская армия, в отличие от армий тех стран, включая и СССР, которые стали жертвами агрессии, была не только полностью укомплектована и вооружена, но, что особенно важно, начиная с 1935 г., приобрела большой опыт успешных боевых действий, обладала проверенным на Балканах, во Франции и других европейских странах искусством маневренной войны, использованием в оперативных целях подвижных соединений и применением авиации для поддержки сухопутных войск [15]. К этому надо добавить, что в результате молниеносного разгрома Польши, Югославии, Франции и т.д. у немецкого солдата появилось чувство победителя, его морального превосходства над поверженным противником.

В первый же день нападения немецкие войска нанесли внезапный удар по всей западной советской границе тремя группами армий. Задачей группы армий «Север» было уничтожение противника в Прибалтике и захват портов на Балтийском море, включая Ленинград и Кронштадт, с тем, чтобы лишить русский флот его опорных баз. Южнее располагалась группа армий «Центр». Ее задачей было наступать крупными силами на флангах и разгромить войска противника в Белоруссии, а затем, сосредоточив подвижные соединения, наступающие южнее и севернее Минска, выйти в район Смоленска и создать тем самым предпосылки для уничтожения войск противника, действующих в Прибалтике и районе Ленинграда. Южнее этой группы армий была развернута группа армий «Юг». Главный удар ею наносился на Киев, на советские войска в Галиции и западной части Украины. Ставилась задача захватить переправы на Днепре в районе Киева и обеспечить дальнейшее наступление немецких войск восточнее Днепра. Все эти группы армий поддерживались авиацией противника [45]. Помимо этих сил на территории оккупированной Норвегии и в Северной Финляндии была развернута отдельная армия вермахта «Норвегия», задачей которой было захватить Мурманск, главную военно-морскую базу Северного

флота Полярный, полуостров Рыбачий, а также Кировскую железную дорогу севернее Беломорска.

Фашистские войска в первый период войны обладали огромными преимуществами над советскими вооруженными силами. Как уже отмечалось, противник по численности живой силы, согласно разным источникам, превосходил советские войска на 25–30% [45, 30]. Вследствие внезапности нападения и огромной протяженности линии фронта на направлениях главных ударов противник превосходил советские войска, согласно разным источникам, в 3 или 4–5 раза [8, 12]. К тому же советское руководство, в значительной мере по вине Сталина, оказалось не способным организовать необходимую оборону от нападения вражеских войск. Еще до начала вторжения немецкие самолеты безнаказанно, облетая приграничные районы, осуществляли там всестороннюю разведку и потому фашисты знали, где расположены военные объекты, аэродромы, склады, воинские части и т.д. Многие из них были уничтожены в первые часы войны. Сталин вместо того, чтобы разрешить сбивать немецкие самолеты или, по крайней мере, делать то же самое над приграничными районами соседних стран, где концентрировались войска Германии, запретил это делать, чтобы не спровоцировать войну, хотя в ее неизбежности, причем в ближайшем времени, были убеждены многие военачальники. Массовое проникновение до начала войны в приграничные районы вражеских диверсантов позволило фашистам перед самым нападением нарушить в войсках связь, включая и с ее руководством.

В первые же дни после нападения фашистские войска стали наступать повсеместно: на северо-западе, в центре и на юго-западе. Им противостояли советские войска на трех оборонительных направлениях, которыми командовали легендарные для времен гражданской войны советские маршалы, один бывший в гражданскую войну в основном членом военных советов армий великолепно стрелявший из револьвера – К.Е. Ворошилов, два других кавалериста, один, С.М. Буденный – командир первой конной армии и вто-

рой С.К. Тимошенко – командир дивизии той же армии. Если С.К. Тимошенко было в начале войны 46 лет, то другие в годы войны были уже в пенсионном возрасте. Советские войска на всех трех направлениях отступали в сторону Ленинграда, Москвы, на юг Украины, к Азовскому морю, в Крым. По поводу этого отступления позже генерал-фельдмаршал Манштейн в своих мемуарах «Утраченные победы» ехидничал, что немецкие генералы следили не за тем, какой маршал отступал, а за тем, какой из них бежал быстрее всех [17]. Надо отдать должное Сталину, несмотря на его дружеские отношения с некоторыми легендарными героями гражданской войны, им быстро на смену были поставлены военачальники, которым было по 40–45 лет, прошедшие обучение в военных академиях, причем некоторые из них, как например Г.К. Жуков, имели опыт современной войны. В отличие от советских солдат и генералов, да и маршалов, немцы имели огромный опыт победоносных войн в Европе, проходивших в течение 1939 – первой половины 1941 г. Исходя из того, как воевали генералы и офицеры, из них Гитлер мог выбрать лучших. За плечами немецких солдат, как уже говорилось, также был опыт двухлетней войны в Европе с массовым применением танков и самолетов. Они, привыкшие к легким победам, обладая духом победителей, горели желанием убивать, чему их призывала специальная инструкция (о ней говорится во второй главе раздела 3).

Другое дело – Красная армия. Не готовы к современной войне были не только маршалы, но и солдаты и офицеры, от чего советские войска в первые недели, месяцы войны несли огромные потери. Они вызывались тем, что часто разбитые части пополнялись необученной 18–19-летней молодежью, которая не имела военных навыков, в том числе и навыков самосохранения. Дивизии не редко вступали в бой с марша раздробленными силами. Военнослужащие часто не добирались до передовой, погибая в эшелонах, двигавшихся в сторону фронта. Необстрелянных молодых солдат без огневой поддержки командиры, как и в годы гражданской войны, во-

дили в атаки со штыками наперевес. Немцы встречали их огневым шквалом из различных видов автоматического оружия. Наши войска, ведя ожесточенные оборонительные бои и отступая, нередко оказывались в окружении. Собственно, этим объясняется для первого года войны высокий процент безвозвратных потерь (27,8% в общей численности за всю войну) и в то же время низкий процент санитарных потерь (7,3%). Многие раненые остались на поле боя, занятом противником, и попадали в плен или пропадали без вести. Нужно было время, чтобы командиры, потери среди которых оказывались тоже огромными, научились воевать, и чтобы советские воины, увидев, что несет фашизм, возненавидели его и стали безжалостно уничтожать врагов, не думая о сохранении своей жизни.

В первый период войны немецкие войска триумфально продвигались к намеченным целям, стремясь завершить начатую войну «молниеносно», по крайней мере, к зиме 1941 г. Уже к декабрю 1941 г. германские войска, захватив Литву, Латвию, Эстонию, Молдавию, Белоруссию, значительную часть Украины и России, продвинулись вглубь страны на 850–1200 км. Надо сказать, что не во всех местах наступление было гладким, штурм ряда городов длился много дней. В этот период наши войска понесли наибольшие потери. В течение 6 месяцев 1941 г. (12% всего времени войны) безвозвратные потери вооруженных сил Советского Союза составили 28% от потерь за все 46 месяцев боев. В 1941 г. безвозвратные потери в среднем за месяц составляли 4,7%, тогда как в остальное время они были меньше 1,8%, или в 2,5 раза меньше. Тем не менее Красная армия в этот самый кровавый период войны ценой огромных потерь, нечеловеческих усилий, сорвала замысел плана «Барбаросса». Киев оборонялся от захватчиков с начала июля до середины сентября, Одесса с августа по октябрь. Не смогли гитлеровцы с ходу захватить и город русской славы – Севастополь, который при том, что весь Крым был в руках врага, продержался с 30 октября по 4 июля 1942 г. и пал лишь спустя 8 месяцев. Смоленск, рядовой город центральной части России, оказавшийся на пути продвижения

немецких войск на Москву, задержал их своей мужественной обороной на два месяца. Для сравнения, Франция после начала наступления Германии 10 мая 1940 г. продержалась всего 44 дня и 22 июня капитулировала [28, с. 570]. В плен попало примерно два миллиона человек. Польша, потеряв свыше 50 дивизий, пала через месяц, Дания – сдалась без всякого сопротивления и т.д.

Добавим еще один факт. Из захваченного 21 ноября 1941 г. на юге страны города Ростова-на-Дону уже 29 ноября того же года были выбиты захватчики. И хотя это продолжалось недолго, тем не менее это было одно из первых поражений фашистов, которых отбросили на 60–80 км. Более того, немцы потеряли 30 тыс. убитыми, а советские войска – менее 18 тыс. человек. Наконец, Москва. В битве за Москву гитлеровцы потерпели сокрушительное поражение, первое столь крупное за все победоносные сражения во все годы предшествующие Великой Отечественной войне и в тех сражениях на советской земле, где гитлеровцы одерживали победы. Для немцев дорога побед, как позже заметил немецкий генерал К. Типпельскирх, стала дорогой могил [15]. По оценке американских наблюдателей, немецкие потери на 11 декабря 1941 г. составили 1,3 млн убитыми [44]. Для сравнения, за два года до нападения на СССР в сражениях с европейскими странами (Франция, Польша и т.д.) немецкие войска потеряли около 100 тыс. человек, или в 13 раз меньше [44]. Первый период Великой Отечественной войны завершился разгромом немецких-фашистских войск под Москвой. Мы не будем перечислять погибших с двух сторон, количество пленных, уничтоженную технику и т.д. Данные об этом можно найти в трудах военных историков. Это их предмет исследования. Наша задача – представить обобщенную оценку того, что придало этому событию, происшедшему в декабре 1941 г. – январе 1942 г., завершившему первый самый трудный период войны, статус всемирно-исторического значения. После разгрома немцев под Москвой война стала другой.

Во-первых, непобедимая до того гитлеровская Германия, сумевшая в прежнее время, включая и первую половину 1941 г., в счи-

танные дни и недели разгромить или сделать покорными все страны континентальной Европы, а в войне с Советским Союзом дойти до Москвы, потерпела от него первое сокрушительное поражение. Гитлер в декабре 1940 г. в беседе с генералами, как вспоминает К. Типпельскирх, говорил, что «русская армия при первом же ударе немецких войск потерпит еще большее поражение, чем армия Франции в 1940 г.» [15, с. 76]. Вот тебе и «глиняный колосс без головы». Крушение одной из стратегических задач плана «Барбаросса» взять Москву и уничтожить ее как таковую оказалась гитлеровской фантазией. А тут еще и вторая фантазия, немецко-финские войска не смогли захватить Ленинград, который, как и Москва, был намечен на уничтожение, но город, несмотря на миллионные потери мирных граждан от обстрелов и голода, не сдавшись, продержался в блокаде 900 дней. 1941 г. окончился поражением немецких войск на центральном участке советско-германского фронта под Москвой и на северном фланге под Тихвином. В целом план «Барбаросса» провалился, хотя до победы оставалось еще почти 3,5 года.

Во-вторых, победа под Москвой в той или иной степени повлияла на трансформацию морального духа и побежденных, и победителей, да и народов тех стран, которые были захвачены немцами еще до начала Великой Отечественной войны. Немцы поняли, что закончилось их триумфальное шествие с песнями и маршами по побежденным и завоевываемым странам, дух победителей заметно поубавился. Победа под Москвой зародила проблеск надежды у народов стран, покоренных гитлеровской Германией, в их освобождении, придала духовные силы участникам движений сопротивления, в ряде которых были и бежавшие из плена советские военнослужащие. Но главное, бойцы и командиры Красной армии, весь советский народ, его руководители, окрепли духом. У них укрепилась вера в победу над гитлеровским агрессором.

В-третьих, разгром фашистских войск под Москвой увеличил в разы безопасность советского тыла на Дальнем Востоке. Дело в том, что азиатский союзник Германии, Япония лишь выжидала

удобный момент, чтобы присоединиться к ней. Особенно активными были японский военный министр Тодзио и командование Квантунской армии, расквартированной вблизи дальневосточных границ. Они подталкивали японское руководство ввязаться в войну с Советским Союзом, считая, что начало германо-советской войны является ниспосланной свыше возможностью разрешить северную проблему. Но японское руководство не спешило это делать, боясь преждевременного выступления, поскольку еще не забыло о событиях на Халхин-Голе, о сибирских морозах времен интервенции на Дальний Восток (1918–22 гг.), а также трезво оценивая военную силу советских войск, особенно авиации, остающихся на Дальнем Востоке, несмотря на кровопролитные бои на западе. Если бы немцы захватили Москву, то Япония тотчас сочла бы это удобным моментом. Об этом говорил и ранее упомянутый генерал Тодзио. Разгром немецко-фашистских войск под Москвой отрезвил японцев.

На московскую победу соответствующая реакция была не только у японских военных. Она последовала и у вынужденно ставших союзниками Советского Союза Великобритании и США. У. Черчилль убедился, что «…сопротивление русских сломало хребет германской армии и роковым образом подорвало жизненную энергию германской нации…» [5, с. 123–124]. Вместе с ним это понял и Ф. Рузвельт. Они вздохнули с облегчением, т.к. теперь их странам не угрожало германское вторжение, а потому, даже не поставив в известность Советский Союз, без его участия, пересмотрели свои обязательства о втором фронте. Вместо высадки войск союзников в Европе, они предприняли попытку вторжения в Северной Африке [24]. В августе 1942 г. Черчилль посетил Москву, где вел переговоры со Сталиным о втором фронте, доказывая, что союзники не готовы к началу военных действий в 1942 г. В августе 1943 г. союзники (Великобритания, США, Канада) высадились в Сицилии. С этого времени началось их противостояние германским войскам, длившееся вплоть до мая 1945 г. Второй фронт, внесший свой вклад в победу над гитлеровской Германией, был открыт лишь в начале ию-

ня 1944 г. в Нормандии (Франция), тогда, когда все явственнее становилась приближавшаяся победа Советского Союза над фашистской Германией.

Второй период, повторимся, начался с победы под Москвой. С этого времени прекратилось одностороннее, непрерывное, победное шествие немецко-фашистских войск и их сателлитов по всему советско-германскому фронту. Наступил период противостояния, временных успехов и неудач с той и другой стороны, у фашистских захватчиков и советских войск. У первых уже сил было недостаточно, чтобы продолжать наступление по всему советско-германскому фронту, да еще к тому же и победоносно, как это было во втором полугодии 1941 г. В свою очередь, у вторых еще не были накоплены необходимые силы, чтобы начать разгром врага по всему фронту и изгнание его с советской земли. Как отмечает А.В. Исаев, в 1942 г. инициатива в весенне-летней кампании на юге принадлежала противнику, а на центральном участке фронта инициативой безраздельно владела советская сторона. В целом же в 1942 г. друг перед другом стояли армии «в нормальных плоскостях».

Результатами сражений, происходивших в начавшийся второй период, стало освобождение Красной армией захваченных до того немецко-фашистскими войсками ряда городов, а также полностью или частично регионов страны. Вслед за развернувшимся с 5 декабря 1941 г. контрнаступлением под Москвой последовало освобождение таких населенных пунктов: Елец и Тихвин (9 декабря), Истра (11 декабря), Клин (15 декабря), Калинин(16 декабря), Волоколамск (20 декабря), Наро-Фоминск (26 декабря), Калуга (30 декабря), Малоярославец (2 января 1942 г.), Можайск (20 января) и Юхнов (5 марта 1942 г.). Советские войска благодаря наступательным операциям в конце 1941 – начале 1942 г. освободили 11 городов, в числе которых два областных центра, отбросили вражеские войска на 100–350 км, очистили от врага полностью Московскую, Тульскую и Рязанскую области, частично Ленинградскую, Калининскую, Смоленскую, Орловскую, Курскую, Харьковскую, Донецкую, а также

Керченский п-в (Крым) [2, с. 140]. Битва под Москвой способствовала изменению обстановки и на других фронтах. Она показала, что одностороннему продвижению немецких войск по территории Советского Союза пришел конец, что теперь наступление врага – это лишь начальная фаза к его отступлению (битва на Северном Кавказе) или полному разгрому (битва под Сталинградом).

В первое время второго периода успехи Красной армии чередовались с еще большими поражениями, тогда как в последующем поражения стали уделом немецких войск. В начале фашистские войска полностью овладели Крымом, включая и героически защищавшийся Севастополь, захватили Харьков, Курск, Ворошиловград, частично Воронеж, вышли к Дону и т.д. Затем были предприняты попытки захватить Кавказ с его нефтедобывающими районами, грозненским и бакинским, а также Сталинград, с тем, чтобы перекрыть такую жизненно необходимую для страны водную артерию, как Волга. Прорвав фронт под Харьковом и захватив Ростов-на-Дону, перед Гитлером открылась перспектива выхода в Закавказье. Баку и Северный Кавказ были основным источником нефти для всей экономики СССР, а после потери Украины резко выросло значение Кавказа и Кубани как источника зерна. В результате немецкого наступления 3 августа пал Ставрополь, 7 августа – Армавир, 10 августа – Майкоп, 12 августа – Краснодар и Элиста, 25 августа – Моздок, 11 сентября захвачена большая часть Новороссийска. Заняв Ростов-на-Дону 23 июля 1942 г., немцы стали наступать на Кубань. Советские войска смогли организовать сопротивление противнику только на подступах к Туапсе. 28 августа немецкие войска захватили Анапу, а 29 сентября – Терек, Плановское, Эльхотово, Илларионовку. В руках врага оказались Краснодарский край, Калмыкия, Чечено-Ингушетия, Северная Осетия, Кабардино-Балкария, Ростовская область, Ставропольский край, Черкесская АО, Карачаевская АО и Адыгейская АО [46].

В августе-сентябре 1942 г. советским войскам удалось остановить наступления немцев и не дать им прорваться в Закавказье.

С этого времени соотношение сил стало меняться в советскую сторону. К началу 1943 г. стратегическая обстановка на кавказском направлении советско-германского фронта стала благоприятной для окружения и полного разгрома крупной немецкой группировки. Уже к середине января 1943 г. советские войска освободили города Георгиевск, Минеральные Воды, Пятигорск и Кисловодск, 29 января был освобожден Майкоп. 8 февраля был освобожден Батайск. 13 февраля советские войска вошли в Ростов-на-Дону. 12 февраля был взят Краснодар [46]. В середине сентября от фашистских захватчиков полностью освободили все десять регионов (одну область, два края и семь автономных республик), находившихся в руках врага. Это примерно 400 тыс. кв. км. Победа на Северном Кавказе, хотя и не увенчавшаяся окружением и уничтожением вражеских сил, тем не менее сохранила снабжение страны жизненно важными ресурсами (прежде всего нефтью, необходимой для производства горючего для самолетов, танков и пр.).

В этот же второй период осуществлялись оборонительные сражения под Сталинградом, продолжавшиеся 125 дней. Начавшееся 19–22 ноября 1942 г. контрнаступление Красной армии завершилось окружением и капитуляцией немецко-фашистских войск [2, с. 220]. Последние части окруженной группировки капитулировали 2 февраля 1943 г. С этого времени Красная армия, по сути, сражалась только за освобождение советской земли, а фашистские войска повсеместно отступали, даже там, где они пытались еще осуществлять наступательные операции. Сталинградская битва положила конец успешным сражениям гитлеровской Германии с ее сателлитами, которые теперь больше стали думать о своем будущем, чем о продолжении сражений на советской земле. Вместе с победой под Сталинградом нарастало и освобождение советской земли также на других участках советско-германского фронта. Уже 8 февраля был освобожден Курск, на другой день – Белгород, был освобожден ряд южных районов, прорвана блокада Ленинграда и т.д. Сталинградскую битву, по словам Э. Манштейна, который безрезультатно пы-

тался помочь вырваться из окружения осажденному гарнизону, в Советском Союзе стали считать решительным перелом в войне, тогда как Англия придает это значение отражению воздушного нападения на нее, а США – своему участию в войне [17, с. 290]. Победа под Сталинградом окончательно подорвала у гитлеровских войск дух победителей, тогда как у советских людей усилила уверенность в победе над фашистским агрессором. Эта битва внесла разброд в ряды союзников Германии. Неминуем стал выход Италии из войны. Обострилось внутриполитическое положение в Венгрии и Румынии. Изменилось поведение правителей Финляндии. Япония и Турция еще раз убедились в том, что им лучше воздержаться от нападения на СССР. Охладели отношения между Швецией и Германией и т.д. [2, с. 228].

Добавим, что на этот же период приходятся начавшиеся с января и продолжавшиеся вплоть до конца мая 1942 г. бои в районе поселка Демянск, расположенного между озерами Ильмень и Селигер. Там советские войска, перейдя в наступление, окружили основные силы немцев. В этой операции главным было то, что в этот район постоянно оттягивались немецкие войска, что во многом мешало противнику сосредоточить свои усилия на взятии Ленинграда. Успешные боевые действия советских войск на Северном Кавказе, сокрушительный разгром захватчиков под Сталинградом, проведение других наступательных и оборонительных операций – все это вело к значительным безвозвратным потерям. Во второй период, с января 1942 г. вплоть до битвы на Курской дуге в начале июня 1943 г., т.е. за 18 месяцев, безвозвратные потери советских войск составили 37% всех потерь за время Великой Отечественной войны, причем за первые 9 месяцев (январь – сентябрь 1942 г.) на их долю пришлось 24,3% и на такой же второй срок (4 квартал 1942 г. и первое полугодие 1943 г.) – 12,7%, т.е. были практически вдвое меньше. В среднем на каждый месяц второго периода приходится чуть больше 2% общих потерь за всю войну. Это в 2,3 раза меньше, чем среднемесячные безвозвратные потери в первый период войны.

Общие потери немецко-фашистских войск в этой битве составили свыше 800 тыс. человек [2, с. 220].

Советский Союз одновременно с ведением боевых действий против фашистских захватчиков должен был возмещать людские потери, да и технику, более того, он должен был одновременно накапливать силы, необходимые для полного разгрома врага. Имевшихся на свободной от врага территории численность населения составляла, скорее всего, от 100 до 110 млн человек. Это позволило довести в мае 1942 г. количество вооруженных сил в действующей армии до 5,5 млн человек [2, с. 152]. Тем не менее численность советских вооруженных сил оставалась на 664 тыс. человек меньше, чем вражеских, и лишь в ноябре сил стало столько же. Помимо увеличения личного состава войск в том же 1942 г. было выпущено более 3,2 тыс. реактивных установок, орудий 76 мм и выше – около 30 тыс., 2,7 тыс. танков, из них Т-34 свыше половины и т.д. Благодаря возрастающим масштабам производства вооружения в 1942 г. действующие войска уже в мае располагали примерно 5 тыс. танков (в 1941 г. их было 1 475), 2,5 тыс. самолетов, 40 тыс. орудий и минометов [2, с. 53, 152, 181].

В третий период, который начался в июле 1943 г., завершился в Берлине 9 мая 1945 г. Красная армия решала следующие взаимосвязанные задачи: полное освобождение всей захваченной немецко-фашистскими войсками в начале войны советской территории и избавление от германской оккупации восточно-европейских стран. Основной задачей был полный разгром немецко-фашистского агрессора, в т. ч. и в его логове – Берлине. В наступивший период, уже в августе 1943 г. советские войска освободили Харьков, затем с сентября началось непрерывное освобождение населенных пунктов на всех направлениях: Северо-Западном, Центральном и Юго-Западном. Оказалось, что немецкие фельдмаршалы, включая и Манштейна, могут не только иронизировать, но и бежать с поля боя не хуже советских маршалов. В сентябре освободили города Сумы, Сталино (Донецк), Новороссийск, Брянск, Полтаву, Смоленск, Хо-

тимск. В следующие три месяца фашистов выбили из городов Запорожье, Мелитополь, Днепропетровск, Днепродзержинск, Киев, Гомель и Черкассы. В 1944 г. продолжилось освобождение остающейся еще у немцев территории Украины, Беларуси и других союзных республик. В первом квартале 1944 г. освобождены Новгород, Луцк, Ровно, Никополь, Луга, Кривой Рог, Каменец-Подольск, Николаев и Черновицы, полностью освобожден Крым. В апреле была окончательно снята блокада с Ленинграда. В следующем квартале к освобожденным городам прибавились Одесса, Севастополь, Выборг, Орша, Могилев, Петрозаводск и Бобруйск. Третий квартал – это время освобождения таких столиц союзных республик, как Минск, Вильнюс, Таллин и Кишинев. Кроме них были также освобождены Барановичи, Гродно, Шауляй, Даугавпилс, Львов, Станислав, Брест и Каунас. В конце 1944 г. были освобождены Рига и Ужгород, а в самом начале 1945 г. – Клайпеда. В то же время было освобождено Заполярье, и советские войска вышли на границу с Норвегией [2, с. 603–611]. Таким образом, уже в 1944 г. Красная армия разгромила основные группировки немецко-фашистских войск и сателлитов Германии. Только за лето и осень противник потерял 1,6 млн человек. Германия лишилась почти всех своих европейских союзников, фронт приблизился к ее границам.

Наступило время освобождения стран Восточной Европы. Схематично это выглядит так. Еще с января 1944 г. от немецкого присутствия на своей территории стала освобождаться Италия, в чем ей помогали союзники. 13 октября Италия объявила войну Германии. В начале января 1944 г. Красная армия вышла к государственной границе СССР. Начав наступление на Румынию, в августе того же года была уже в ее столице Бухаресте. 23 августа Румыния капитулировала. В середине июля советские войска вступили на территорию Польши, в сентябре Финляндия разорвала отношения с Германием. В том же месяце советские войска вступили в Болгарию и вошли в ее столицу Софию. Болгары присоединились к общей борьбе с немецко-фашистскими войсками. В октябре начались

сражения с фашистскими войсками в Югославии. Вместе с Народно-освободительной армией Югославии советские войска освободили ее столицу Белград. Полное освобождение страны завершилось 14 мая, уже после подписания акта о капитуляции Германии. В октябре 1944 г. советские войска пересекли границы Восточной Пруссии, продолжая вести кровопролитные бои на территории Венгрии, где 20 числа был освобожден г. Дебрецен. 29 октября началась Будапештская операция, продолжавшаяся до 13 февраля 1945 г. Наконец, 29 января 1945 г. советские войска перешли границу Германии, теперь сражения шли на ее территории. Началась капитуляция германских войск: 2 мая – в Италии, 3 мая – берлинского гарнизона, 5 мая – в Голландии, Дании и 10 мая 1945 г. – на севере Германии. Помимо продвижения с боями по территории Германии, советские войска продолжали освобождать Восточноевропейские страны. В начале апреля 1945 г. была освобождена столица Словакии Братислава, а 9 мая при поддержке восставших пражан освобождена Прага. Вся Чехословакия была освобождена к 11 мая [2, с. 603–611].

В продолжении всего третьего периода безвозвратные потери советских войск составили 35,1%. Они приходятся на 22 месяца, остальные 64,9% относятся к 24 месяцам первого и второго периодов. В третий период советские войска потеряли около одного миллиона человек только в боях за освобождение европейских стран от фашистского ига. Сюда входят и сражения против сателлитов Германии, и бои за освобождение, захваченных ею стран. Это около 9% всех безвозвратных потерь советских войск. 1,2% относятся к сражениям с венгерскими войсками и 5,3% – боям за освобождение Польши. Во всех трех периодах противостояния Советского Союза и Германии у них были различные возможности для ведения боевых действий, различная численность вооруженных сил и обеспеченность вооружением (табл. 1.1 и 1.2).

Таблица 1.1

Личный состав действующих фронтов и флотов, тыс. человек

Годы, месяцы	СССР	Германия	В СССР больше +, меньше -
Декабрь 1941 г.	4197	5093	-896
Ноябрь 1942 г.	6124	6270	-146
Июнь 1944 г.	6425	4005	+2420

Источник: [2, с. 569].

Таблица 1.2

Динамика количества вооружения в советской и германской армиях, тыс. штук

Годы, месяцы	Орудия и минометы*		Танки и САУ**		Боевые самолеты	
	СССР	Германия	СССР	Германия	СССР	Германия
Декабрь 1941 г.	32,2	36,4	2,0	1,5	3,7	2,5
Ноябрь 1942 г.	77,7	71,0	7,0	6,8	3,3	3,5
Июнь 1944 г.	92,6	48,6	7,8	5,3	13,4	2,8

Источник: [2, с. 569].
* Без 50 мм и РС.
** Штурмовые орудия.

В первом периоде (декабрь 1941 г.) Германия, уступая Советскому Союзу количеством танков и самолетов, существенно превосходила его численным составом (больше почти на 900 тыс. человек) и количеством орудий и минометов. Во втором периоде (ноябрь 1942 г.) практически не стало различий в численности войск, а также уровнялись количества орудий, минометов, танков, САУ и боевых самолетов. И наконец, в третьем периоде, по всем показателям Советский Союз существенно превосходил Германию: по численности войск – на 2,4 млн человек, по количеству орудий – в 1,9 раза, танков и САУ – в 1,5 раза и боевых самолетов – почти в 5 раз. Все три периода существенно отличаются и потерями личного состава советских войск. Как уже говорилось, в среднем безвозвратных потерь на один месяц боев в первом периоде приходилось

523 тыс. человек, во втором – 232 тыс. и в третьем – 180 тыс. Снижение среднемесячных безвозвратных потерь от периода к периоду происходило на фоне увеличения численности советских войск. Советские войска от периода к периоду приобретали все больше и больше опыта ведения современной войны, осваивали искусство побеждать с меньшими потерями, чему способствовало и насыщение войск более совершенным оружием, и повышение военного мастерства командного состава всех уровней. Более того, приближение победы над агрессором формировало у советских солдат и офицеров дух победителей.

Победное шествие с боями советских войск по территории Германии завершилось взятием Берлина. 25 апреля произошла встреча на р. Эльба с союзниками, открывшими в июне 1944 г. второй фронт и наступавшими с западной границы Германии. За это время американские войска потеряли на европейском фронте 186 тыс. человек. Это меньше, чем по 20 тысяч человек в среднем за месяц. Советские войска теряли в это время в 7,5 раза больше. Советские войска не только преодолевали сильнейшее сопротивление немецких войск по пути на Берлин и в самом фашистском логове, но и вынуждены были громить германские войска в других местах (в Венгрии, в Праге и пр.).

Победа над гитлеровскими полчищами, включавшими кроме немецких войск, также вооруженные силы стран-сателлитов и всякого рода добровольцев из многих европейских стран, дорого обошлась Советскому Союзу. Общие людские потери составили, используя наиболее часто называемые цифры, примерно 26,6–27 млн человек. О природе этих цифр и их происхождении мы подробно скажем в следующем разделе, здесь лишь заметим, что эта величина превышает 3/5 (примерно 62%) людских потерь всех европейских стран [25, с. 971]. В годы Великой Отечественной войны в Советском Союзе 34,5 миллиона человек надевали военную форму. Это примерно 70% мужчин в возрасте 15–49 лет. Численность женщин среди военнослужащих составляла 0,5 млн человек [36].

Из общего числа погибло около 9 млн человек [45]. Это немногим больше 1/4 всех одевавших военную форму. В свою очередь чисто боевые потери вермахта и войск СС на Восточном фронте составили 5,2–6,1 млн (включая умерших в плену) человек. К этим потерям необходимо прибавить потери стран сателлитов, т.е. 850 тыс. (убитые на фронте и умершие в плену) человек [45]. Считается, что на советско-германском фронте безвозвратные потери немецких войск составили примерно 75%, иногда называют цифру 90%.

Помимо людских потерь Советскому Союзу был нанесен огромный материальный ущерб. В годы Великой Отечественной войны на оккупированных территориях немецко-фашистскими захватчиками полностью или частично было разрушено и сожжено 1 710 городов и поселков и более 70 тыс. сел и деревень. Оккупанты сожгли и разрушили свыше 6 млн зданий и лишили крова около 25 млн человек. Они разрушили 31 850 тыс. промышленных предприятий, вывели из строя металлургические заводы и шахты, на которых до войны выплавлялось около 60% стали и добывалось свыше 60% угля, разрушили 65 тыс. км. железнодорожной колеи, 4 100 железнодорожных станций, 36 тыс. почтово-телеграфных учреждений и других предприятий связи. Огромные потери понесло сельское хозяйство. Оккупанты разграбили и уничтожили полностью или частично 98 тыс. колхозов, 1 876 совхозов и 2 890 МТС, а также угнали в Германию 7 млн лошадей, 17 млн голов крупного рогатого скота, 20 млн свиней, 27 млн овец и коз. Они уничтожили 216 тыс. магазинов, столовых и ресторанов, 6 тыс. больниц, 33 тыс. поликлиник и других медицинских учреждений, свыше 1,6 тыс. санаториев и домов отдыха, 82 тыс. школ, 1 520 техникумов, 334 вузов, 427 музеев, 43 тыс. библиотек и 167 театров. Фашисты вывезли музейные ценности, в их числе Янтарная комната, картины и пр. В перечисленные потери не входит стоимость конфискованных гитлеровцами предметов продовольствия и многое другое. Общий ущерб, причиненный народному хозяйству СССР и отдельным гражданам, составил 679 млрд руб. в ценах 1941 г. Наибольший ущерб нанесен

Украине (285 млрд руб.) и России (255 млрд). Ущерб для Беларуси составил 75 млрд, странам Прибалтики – 53 млрд и Молдавии – 11 млрд руб. В результате войны Советским Союзом было потеряно около 30% национального богатства [19]. Причем на оккупированных территориях его было уничтожено 2/3. В уничтоженном суммарном объеме национального богатства всех воевавших европейских стран доля СССР составляет не менее половины. В целом материальные потери Советского Союза оцениваются суммой около 2 трлн 600 млрд рублей. Для сравнения национальное богатство Англии уменьшилось лишь на 0,8 процента, Франции – на 1,5 процента, а США материальных потерь, по существу, избежали [30]. Ни одна, уж во всяком случае, европейская страна, понеся такие огромные людские и материальные потери, не выстояла бы против мощи нацистской Германии и ее союзников. Почти 3/4 военного потенциала фашистского блока было брошено против Советского Союза, который к тому же вынужден был часть своих сил сохранять на Дальнем Востоке. Но советский народ, его армия выстояли и внесли решающий вклад в разгром агрессора, уничтожив, по крайней мере, в то время фашизм как государственный институт.

Источники

1. Василевский А.М. Дело всей жизни. М.: Политиздат, 1973.
2. Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945. М., 1965.
3. Великая Отечественная война (историография): Сборник обзоров. М.: ИНИОН РАН, 1995.
4. Вторая мировая война / Пер. с нем. М., 1997.
5. Вторая мировая война. В воспоминаниях. М. Из-во политической литературы, 1990.
6. Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995.
7. Гареев М. Социально-политическое значение и цена Победы // Международная жизнь. 1994. № 9.
8. Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование / Под ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 1993.
9. Клаузевиц К. О войне. М.: Изд. корпорация «ЛОГОС»; НАУКА, 1994.

10. Капто А.С. Мир. Энциклопедия. Т. 1. М.: Академия, 2008.
11. Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. М.: Военное изд-во МО СССР, 1975.
12. Кардашов В. Рокоссовский. М.: Молодая гвардия, 1980.
13. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. Т. 2. М., 1961.
14. История дипломатии / По ред. В.П. Потемкина. Т. 3. М.-Л.: Огиз, 1948.
15. Итоги Второй мировой войны: Сб. статей / Пер. с нем. М., 1957.
16. Людские потери СССР в Великой Отечественной войне. СПб., 1995.
17. Манштейн Э. Утраченные победы / Пер. с нем. М., 1955.
18. Мединский В. Война. Мифы СССР. 1939–1945. М.: Олма, 2011.
19. Народное хозяйство СССР за 60 лет: Юбилейный стат. ежег. М.: Статистика, 1977.
20. Роковые решения / Пер. с англ. М.: Воениздат, 1958.
21. Совершенно секретно. Только для командования. М., 1967.
22. Сталин И. Вопросы ленинизма. 11-е изд. М.: Госполитиздат, 1952.
23. Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947.
24. Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. М.: Международные отношения, 1982.
25. Харенберг Б. Хроника человечества. 2-е изд., доп. М.: Слово/ Slovo, 2000.
26. Штейдле Л. От Волги до Веймара. 2-е изд. М.: Прогресс, 1975.
27. Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. М.: Воениздат, 1968.
28. Энциклопедия Третьего рейха. М.: ЛОКИД-МИФ, 1996.
29. URL: https://interneturok.ru/Lesson/istoriya/spetskurs/voyna/chto-takoevoyna (дата обращения: 26.06.2019).
30. URL: https://wiki.sc/wikipedia/%D0%92%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D0%B0 (дата обращения: 16.06.2019).
31. URL: https://halb-liter.livejournal.com/33635.html (дата обращения: 23.09.2019).
32. URL: https://zen.yandex.ru/media/id/59ddfe76fd96b1a4d0aefd36/evropeiskie-pakty-s-gitlerom-istoriia-molchaniia-5c15760aca54dd00abe7aae9 (дата обращения: 07.10.2019).
33. URL: http://www.dal.by/news/174/24-02-14-11/ (дата обращения: 15.03.2020).
34. URL: http://www.nnre.ru/istorija/srazhenija_vyigrannye_i_proigrannye_novyi_vzgljad_na_krupnye_voennye_kampanii_vtoroi_mirovoi_voiny/p14.php.
35. URL: https://topwar.ru/11444-poteri-sssr-i-germanii-v-vov.html (дата обращения: 15.03.2020).
36. URL: https://topwar.ru/11444-poteri-sssr-i-germanii-v-vov.html (дата обращения: 27.06.2019).

37. URL: https://histerl.ru/otechestvennaia_istoria/anglo-franko-sovetskie-peregovory-1939-goda.htm (дата обращения: 13.10.2019).
38. URL: http://bsk.nios.ru/enciklodediya/inostrannye-specialisty-inostrannyerabochie-v-sssr (дата обращения: 18.10.2019).
39. URL: https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/history/more.htm?id=10638542%40cmsArticle (дата обращения: 19.10.2019).
40. URL: https://bigenc.ru/military_science/text/3795693 (дата обращения: 19.10.2019).
41. URL: http://militera.lib.ru/db/halder/02_pre.html (дата обращения: 28.10.2019).
42. URL: http://annales.info/rus/small/poteri.htmi (дата обращения: 27.06.2019).
43. URL: https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Великая_Отечественная_война&oldid=102558058.
44. URL: https://clck.ru/NBJSN (дата обращения: 10.12.2019).
45. URL: https://clck.ru/NBJKq (дата обращения: 19.10.2019).
46. URL: https://clck.ru/JkAGT (дата обращения: 13.11.2019).

Раздел 2

ЛЮДСКИЕ ПОТЕРИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И РОССИИ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Глава 1

ОЦЕНКИ ЛЮДСКИХ ПОТЕРЬ СССР В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Любая война, между какими бы странами или слоями населения она не велась, это всегда людские потери. Есть, конечно, и исключения, когда страна, подвергшаяся нападению, капитулирует, не вступая в борьбу. Тридцатые годы XX века в Европе предоставили на этот счет достаточно примеров. Людские потери в ряде стран, подвергшихся нападению гитлеровской Германии, оказались меньше минимальных. Так, общие людские потери Дании во Второй мировой войне составили 1,4 тыс. погибших, из которых около 0,4 тыс. приходится на военнослужащих. В потери входят моряки торгового флота, погибшие на потопленных немцами судах во время битвы за Атлантику, жертвы воздушных бомбардировок англо-американской авиации, бойцы сопротивления, казненные немцами и т.д. В те же годы людские потери Люксембурга составили 5 тыс. человек, в числе которых 4 тыс. относящихся к тем, кто погиб, сражаясь на стороне фашистской Германии [25, с. 594]. Людские потери за время оккупации отдельных стран фашистами можно выразить долями в численности их довоенного населения. Так, для Польши они рав-

ны 17,2%, в то время как для Норвегии – 0,3%, для Дании – 0,2% и для Голландии – 0,1%.

В тех странах, которые понесли огромные потери, как собственно и в тех, где они минимальны, всюду они вызваны большим или меньшим набором одних и тех же причин. К уже названным для Дании причинам можно добавить еще огромный их перечень, среди которого гибель военнослужащих на поле боя, от ран в госпиталях, во время транспортировки раненых до их поступления в лечебные заведения, уничтожение врагом военнопленных, захваченных на поле боя, во время нахождения пленных в лагерях, на принудительных работах, при попытках побегов и пр. Обычно неизвестна судьба военнослужащих, пропавших без вести. Тут возможны и гибель, и добровольная сдача в плен, и дезертирство, и присоединение к партизанам, и т.д. Еще в 1947 г. Л.С. Каминский отмечал, что невозможно учесть во время происходящих военных действий, сколько из так называемых «пропавших без вести» убито, попало в плен, дезертировало, сколько из них умерло от ран, от болезней и пр. Точно учесть все это обычно не удается и после окончания войны [26]. Он же пишет, что на точность данных о военных потерях влияет намеренная их фальсификация. Для иллюстрации этого положения Л.С. Каминский приводит афоризм, принадлежащий Наполеону Бонапарту: «Ложь, как в военном бюллетене». Кстати, император и сам не гнушался подтверждать эту истину. Так, в сражении между русскими и французами при Эйлау 7 февраля 1807 г. наполеоновское войско потеряло не менее 23 тыс. человек, тогда как Бонапарт в военном бюллетене сообщил об 1,9 тыс. убитых и 5,7 тыс. раненых [26, с. 6].

В годы Великой Отечественной войны обе стороны (и Германия, и Советский Союз) также не чурались этого афоризма Наполеона. Так, в мае 1942 г. южнее Харькова Красная армия потеряла около 230 тыс. погибшими и захваченными в плен, а Совинформбюро сообщило, что потери составили до 5 тыс. убитых и 70 тыс. пропавших без вести. И.В. Сталин тоже руководствовался принци-

пом, сформулированном в афоризме Наполеона, когда называл потери Красной армии в первые месяцы войны и общие потери советского народа по ее окончании. Нацистские сообщения о потерях и победах не менее лживы, чем сообщения Совинформбюро. Так, согласно немецкому источнику, в сражении за Киев германские войска захватили в плен 665 тыс. человек [25]. По советским данным, к началу киевской операции фронт имел всего 677 тыс. человек, часть из которых вырвалась из котла, еще одна погибла и лишь треть попала в плен. А вот то, что относится к Севастополю. Немецкий генерал Типпельскирх сообщает о том, что во время штурма Севастополя в плен было взято 100 000 солдат Красной армии, при том, что весь гарнизон на 2 июня 1942 г. составлял 106 000 человек [72]. Лживая информация со стороны Германии возросла, когда она стала терпеть поражения. Поэтому объективно оценить людские потери возможно только по завершении войны. Но и для этого нужны определенные условия.

Разнообразны были причины гибели не только военнослужащих, но и гражданского населения. Прежде всего оно погибало во время оборонительных и наступательных операций в тех населенных пунктах, где проживало. Некоторые населенные пункты переходили из рук в руки по несколько раз. Жилища, в которых пряталось гражданское население, часто стиралось с лица земли вместе с его обитателями. Часть населения угонялась на работы в Германию и там погибло, а порой просто не возвращалось обратно. Гибло население от бомбежек, от артобстрела, от вражеских карательных операций, от малейших признаков неподчинения, что не только оправдывалось врагом, но и поощрялось (на этот счет были специальные инструкции). Помимо этого, население гибло от лишений и голода, что особенно проявилось в блокадном Ленинграде. От голода и лишений население умирало не только на оккупированных территориях, находящихся в блокаде, но и в глубоком тылу. В отличие от оккупированных территорий, в тыловых районах сверхсмертность населения фиксировалось в показателях смертности

населения. Эти показатели в годы войны заметно превышали нормальный уровень, т.е. тот, который был в смежные довоенные и послевоенные годы. Многие причины гибели, прежде всего гражданского населения, вообще учесть невозможно, а потому их едва ли когда-нибудь удастся количественно оценить.

Для обобщенного представления о погибшем населении страны, включающим как военнослужащих, так и гражданских лиц, применяются разные понятия. Среди них – потери людские, демографические, прямые, косвенные и т.д. Начнем с людских потерь, включающих как потери военнослужащих, так и гражданского населения. В эти потери входят не только погибшие от бомбежек, обстрелов, карательных акций и т.д., но и умершие от голода и различных лишений, возникших в результате войны. Более того, на их величину влияют и переход части населения (в том числе и военнослужащих) на сторону врага, невозвращение части военнопленных и так называемых «восточных рабочих» на родину по окончании войны и пр. Все эти людские потери являются прямыми, *поскольку они формируются из численности населения, которая уже существовала, но сократилась (ее часть вследствие войны была утрачена). Одни погибли, другие покинули родину, третьи умерли от голода и т.д.*

Кроме прямых выделяют еще косвенные потери. Население во время войны помимо того, что гибнет от различных видов насилия и экстремальных условий существования, также в тот период теряет и возможность своего нормального воспроизводства. Еще в советское время демографы Б.Ц. Урланис и А.Я. Кваша косвенные потери определяли как несбывшиеся возможности или упущенные демографические выгоды. К ним они относили разницу между фактической и гипотетической численностями населения на даты начала и окончания войны [27]. Иногда в косвенные потери включают напрямую, а не путем прогнозирования, не только уменьшение количества родившихся (разность между тем, что могло быть и тем, что было на самом деле), но и увеличение смертности населения, т.е. превышение чисел умерших над теми, которые были в

мирные сопряженные с войной годы. Недопустимость включения в косвенные потери того, что относится к повышенной смертности, понимал еще в 1930 г. известный статистик-демограф Е.З. Волков, который к прямым потерям относил, наряду с убитыми, также умерших от эпидемий, не касаясь при этом рождаемости. В отличие от этого, другой известный советский статистик-демограф А.Я. Боярский в начале 70-х гг. XX в. все же включил в прямые потери наряду с сокращением рождаемости также сверхсмертность [6, с. 16]. Повышение смертности не только от голода, но и других лишений, независимо от того, где находилось население: в тыловых районах, на оккупированной территории, на принудительных работах в Германии и т.д., относится к прямым потерям. *Эти потери, как уже говорилось, – свидетельство утраты того, что уже было, тех людей, которые уже существовали.* В отличие от этого, *сокращение рождаемости – это потеря тех, кого еще не было, а могло, кстати, и не быть по другим причинам.* Стало быть, увеличение смертности – это прямые, а сокращение рождаемости – косвенные потери. С этим не все согласны. Так, В.Н. Земсков исключает из прямых потерь смертность на том основании, что так делают за рубежом и относит ее к косвенным потерям. Им сверхсмертность оценена в 4 млн человек. Б.В. Соколов также вносит свою лепту в понимание косвенных потерь. Он отмечает, что под «потенциальными потерями понимают примерное число неродившихся в ходе войны вследствие вызванного войной падения рождаемости» [83]. В отличие от В.Н. Земскова Б.В. Соколов общепринятый термин «косвенные потери» подменяет термином «потенциальные потери». Это дело вкуса.

Для характеристики утраты населения вследствие войны иногда используют еще термин «демографические потери». Вот оригинальная трактовка косвенных, прямых и демографических потерь, которую приводят в журнале Российского государственного гуманитарного университета С.И. Голотик и В.В. Минаев. Они отнеся к косвенным потерям смертность от голода, болезней, репрес-

сий и т.д., затем резюмируют (выделено авторами): **«Итак, "демографическая цена" Великой Отечественной войны состоит из трех слагаемых: прямые, косвенные и демографические потери»** [80]. К косвенным потерям отнесена смертность, т.е. уменьшение уже существовавшего населения, сокращение рождаемости пропало вообще и непонятно, что включено в демографические потери. Обычно демографические потери отождествляют с людскими потерями. Вот пример. Согласно современным данным, демографические потери СССР составили 25–27 млн человек. Общие демографические потери – сумма всех прерванных в результате войны жизней, без учета естественной смертности [77]. Непонятно, куда девалась сверхсмертность? Термин «людские потери», по нашему мнению, не только более понятен, но и более распространен в использовании. Поэтому бессмысленно для определения одного и того же явления применять два разных термина. Но чтобы не потерять термин «демографические потери», им можно определить сумму прямых и косвенных потерь, т.е. прибавить к людским потерям также тех, кто не родился в годы войны из-за падения уровня рождаемости. В этом случае каждый термин (людские, прямые, косвенные и демографические потери) будет характеризовать вполне определенные явления. В этом квартете термин «прямые» выступает как антипод термина «косвенные» и при случае усиливает понимание термина «людские».

Итак, людские потери – это все то население, которое погибло, умерло сверх нормального уровня, в т.ч. и в тыловых районах, а также покинуло страну в результате войны и не вернулось. Они включают две основные группы, одна из которых – потери военнослужащих. Прежде всего эти потери могут носить «ведомственный» характер. В этом случае они, будучи потерями вооруженных сил, в определенной части не являются для страны людскими потерями (к примеру, раненые, не возвратившиеся в строй). В работе, опубликованной в начале 90-х гг., группой военных историков был подробно представлен состав потерь военнослужащих, относящих-

ся ко всем военным ведомствам. Для характеристики этих потерь были использованы статистические материалы Генерального штаба, донесения фронтов, флотов, армий, архивные данные и т.д. Опираясь на эти материалы, все потери военнослужащих были представлены в виде двух частей: безвозвратных и санитарных. По этим частям были сделаны необходимые расчеты. Было отмечено, что подтверждающие эти потери документы не всегда удалось найти. В этих случаях определение числа потерь осуществлялось с помощью расчетов, а проще говоря, по ним делались оценки. Авторами используемого источника были выделены потери, к которым отнесены убитые на поле боя, умершие от ран на этапах санитарной эвакуации, пропавшие без вести и оказавшиеся в плену. В число безвозвратных потерь действующей армии включены также небоевые потери. Это погибшие в результате чрезвычайных происшествий, осужденные военными трибуналами к высшей мере наказания за различного рода преступления, покончившие жизнь самоубийством, умершие от болезней в госпиталях. Другую группу составляют санитарные потери, к которым относятся раненые, контуженые, обожженные, заболевшие и обмороженные военнослужащие, эвакуированные из районов боевых действий в фронтовые и тыловые госпитали. Поскольку многие военнослужащие получали в течение войны два и более ранения, а также часть из них находилась на излечении по болезни, то они попадали в сведения о потерях соответственно два и более раза. Двойной счет, как отмечают авторы использованного источника, возможен не только среди раненых, но и вообще при подсчете боевых потерь [4]. Резюмируя, хотелось бы посоветовать тем, кто пытается оспаривать предложенную еще в 1993 г. авторами фундаментального труда «Гриф секретности снят…» цифру боевых потерь советских вооруженных сил, внимательно отнестись к тому, о чем достаточно откровенно сказали специалисты, а не те, кто любит критиковать то, в чем сам не разбирается. В отличие от безвозвратных потерь (безвозвратные для вооруженных сил, тогда как их часть может не быть таковыми для страны), боевые потери вклю-

чают всех погибших военнослужащих где бы это не произошло (сюда же относятся и покинувшие страну). Первая величина, судя по советским данным, заметно больше второй.

После приведенных выше рассуждений, призванных упорядочить применяемую терминологию о людских потерях, рассмотрим те их оценки, которые стали даваться сразу же по окончании войны и продолжались вплоть до развала Советского Союза. Сразу заметим, что наличие различных оценок людских потерь для тех стран, на территории которых проходили военные действия, объясняется тем, что во время боев очень трудно, а порой и невозможно подсчитать количество погибшего гражданского населения. Не всегда удается и зафиксировать безвозвратные потери военнослужащих. Погибшие и живые, пленные и дезертиры, вернувшиеся на родину и оставшиеся на чужбине – одинаково могут оказаться в емком определении «без вести пропавшие». Достоверность оценок людских потерь во многом зависит от существовавшего в военные и сопредельные с ними годы учета демографических явлений, от объективности информации, поступавшей от нижестоящих в вышестоящие военные инстанции, от сохранности архивов и т.д. Это относится не только к СССР, но и другим странам, в том числе и к Германии, об условности и большой сложности оценок людских потерь которой убедительно сказано еще в начале 50-х гг. Г. Арнтцом [25].

К сказанному надо сделать еще одно замечание. Оно относится к специфике советского времени, в течение которого появлялись оценки людских потерь. В те годы существовало неукоснительно соблюдаемое правило. Его опасно было нарушать. Суть этого правила в том, что сколько-нибудь важные сведения, а в их числе и людские потери, можно было называть (публиковать в своих работах) лишь тогда, когда они уже были высказаны вождем (генеральным, первым секретарем КПСС). Это было все годы при жизни Сталина, Хрущева и Брежнева и закончилось лишь при Горбачеве. Провозглашенная М.С. Горбачевым гласность позволила накануне развала страны высказывать о людских потерях в Великой Отече-

ственной войне те оценки, которые представлялись тому или иному автору наиболее правильными.

Вначале напомним цифры людских потерь в Великой Отечественной войне, которые провозглашались в свое время каждым руководителем партии и государства. Мы приводим только прижизненные высказывания «вождей», причем закрепленные в тех или иных печатных изданиях. К сожалению, помимо тех цифр, которые были высказаны «вождями» и опубликованы при их жизни, ныне встречается огромное количество оценок, приписываемых Сталину и различным деятелям советского времени. К примеру, С.И. Голотик и В.В. Минаев утверждают, что Сталин по окончании войны назвал цифру потерь в 5,3 млн [80]. Где это опубликовано при жизни вождя? Другой фейк. Якобы идеолог партии М.А. Суслов в 1958 г. на закрытом совещании в ЦК КПСС назвал цифру потерь в 12 млн человек [76]. Кто из присутствовавших на том совещании говорил об этом? Известный историк В.Н. Земсков, ссылаясь на книгу Д.А. Волкогонова «Триумф и трагедия» (М., 1990. Кн. 2. С. 418), отмечает, что Сталину была известна цифра потерь в 15 млн человек. Ее ему доложил Н.А. Вознесенский, возглавлявший комиссию по подсчетам потерь [79]. К сожалению, на тех страницах источника, на которые ссылается В.Н. Земсков, где якобы упоминается имя Н.А. Вознесенского, ничего подобного нет, на странице 418 дается только поименной указатель. Иногда рассказывают на телепередачах (к примеру, как это было 2 апреля 2019 г. на канале «Звезда»), что людские потери упоминали в своих речах Г.К. Жуков, Р.А. Руденко и др. Побойтесь бога, Г.К. Жукову только и оставалось, что подсчитывать потери. Его ведомство лишь в конце 80-х гг. подсчитало потери, да и то только военнослужащих. Это же можно адресовать и генеральному прокурору, который мог располагать лишь данными Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК), подсчитывавшей потери гражданских лиц на временно оккупированных территориях. Конечно, не запретишь гадать, кто, кому и что сказал … Об этом источнике информации рассказывал еще А.В. Луначарский

(первый нарком просвещения РСФСР). На одном из его выступлений, ему из зала была брошена реплика о том, что Ленин этого не говорил. На что А.В. Луначарский ответил: «Вам не говорил, а мне говорил». Интересно бы узнать, кому Сталин говорил о потерях в войне? Но вернемся к оценкам людских потерь, которые были даны первыми лицами государства и прижизненно опубликованы в печати (табл. 2.1).

Таблица 2.1

Определение людских потерь Советского Союза в годы войны «вождями» партии и государства

Автор цифры	Людские потери	Год провозглашения	Источник
И.В. Сталин	Около 7 млн	1946 г.	[23]
Н.С. Хрущев	Два десятка млн	1961 г.	[52]
Л.И. Брежнев	Более 20 млн	1965 г.	[7]
М.С. Горбачев	27 млн	1990 г.	[21]

Официально первая цифра военных потерь появилась в 1946 г. И. Сталин в интервью, как всегда, безымянному корреспонденту газеты «Правда» заявил: «В результате немецкого вторжения Советский Союз безвозвратно потерял в боях с немцами, а также благодаря немецкой оккупации и угону советских людей на немецкую каторгу – около семи миллионов человек» [23]. Сталин, как известно, был величайшим фальсификатором, но здесь он превзошел самого себя. Еще раньше, в ноябре 1941 г. Сталин заявил, что за 4 месяца наши потери составили 350 тысяч и, кроме того, без вести пропало 378 тысяч человек. В это же время немцы потеряли убитыми, ранеными и взятыми в плен более 4 млн человек [63). Согласно немецким источникам потери Германии к тому времени составляли 270 тыс. человек [31]. Иосиф Виссарионович загнул, преувеличив немецкие потери в 15 раз! Давая оценку этой фальсификации, В. Карпов замечает, что за прошедшие месяцы боев немцы взяли в плен свыше 3 млн [20]. Это не считая убитых военнослужащих и уничтоженного мирного населения. В известной степени, эту сталинскую ложь можно оправдать. Шел первый год

войны, армия отступала, неся огромные потери. Нужно было хоть таким путем поддерживать моральный дух населения, тем более что во время войны всегда одна сторона преувеличивает потери другой. Да и признаться, что страна стоит на краю пропасти, великий кормчий не мог, да и, по правде говоря, не имел права.

Другое дело, когда окончилась война и притом победоносно. Здесь фальсификация была обусловлена необходимостью скрыть собственные ошибки и преступления и возвеличить свой военный гений как никак, полководец всех времен и народов. Несомненно, Сталин знал (он мог получить в любое время) сведения о численности призванного населения, наличии личного состава во всех родах войск и других силовых структурах в любой год и за все время войны. НКВД располагало по окончании войны данными о всех военнослужащих, возвратившихся из плена. Более того, в СССР к марту 1946 г. были завершены подсчеты потерь мирного населения, осуществлявшиеся созданной в ноябре 1942 г. Чрезвычайной государственной комиссией по установлению и расследованию злодеяний фашистских агрессоров и причиненного ими ущерба. Согласно данным, полученным А. Шевяковым в результате обработки архивных материалов, на оккупированных территориях было уничтожено 11,3 млн мирных граждан. Кроме того, погибло пленных 4,9 млн человек [73]. П. Полян, ссылаясь на данные ЧГК, отмечает, что на оккупированной территории мирного населения и военнопленных погибло примерно 11 млн и вывезено на восточные работы 4 млн человек [56]. Несомненно, Сталин знал результаты работы ЧГК, зафиксировавшей гибель не менее 11 млн мирных граждан. А ведь были еще и потери военнослужащих. Тем не менее он называет цифру потерь не 15–20 млн, как это напрашивается из тех сведений, которыми он располагал, а всего 7 млн человек.

В 1946 г. были известны потери Германии. В этой стране сразу после войны возникла огромная заинтересованность в выявлении числа выживших и погибших. Этим объясняется и то, что уже в 1946 г. была проведена перепись населения, кстати, следующая бы-

ла в 1950 г. В 1947 и 1950 гг. была также осуществлена регистрация военнопленных и пропавших без вести. Кроме того, был проведен учет перемещенных лиц [53]. На базе полученной информации людские потери оценивались в 6,5 млн человек [25]. Это примерно такие же потери, как и советские, названные Сталиным. Можно предположить, других доказательств, кроме названных цифр, нет, что Сталин назвал потери СССР в 7 млн человек, чтобы они не сильно отличались от потерь побежденной Германии. Вождь не мог допустить, чтобы стало известно, что СССР потерял в 2,5–3 раза больше. В свою очередь немцам выгодно было завысить свои потери, гибли дескать с обеих сторон. Но когда потери СССР выросли до 20 млн человек, это завышение стало не нужным, и тогда немцы свои потери стали снижать. После 6,5 млн общих потерь последовали цифры 6,2 и 6,0 млн [34], затем – 5,95 млн [66], 5,2 млн и 5,7 млн [53]. Заметим, что аккуратные немцы считают, что в настоящее время данные об общих потерях ненадежны, даже потери вермахта до сих пор уточняются.

Оценка людских потерь в 7 млн человек в Советском Союзе продержалась 15 лет, причем 8 лет уже после смерти Сталина. После 1946 вплоть до 1990 г. оценка людских потерь менялась 3 раза в сторону увеличения. Авторами новых цифр выступали Н. Хрущев, Л. Брежнев и М. Горбачев. Н. Хрущевым новая цифра была названа в письме премьер-министру Швеции: «...германские милитаристы развязали войну против Советского Союза, которая унесла два десятка миллионов жизней советских людей» [52, с. 8]. По поводу этой цифры в конце десятых годов XXI века появился такой казус. Известный историк, профессор В.Н. Земсков вдруг заявил, что еще в первой половине 60-х гг. была исчислена цифра людских потерь в 20 млн человек [79]. Как же получилось, что Хрущев уже в 1961 г. обнародовал полученную цифру? Мы придерживаемся другой версии. В 1957 г. в СССР была опубликована книга немецких авторов «Итоги Второй мировой войны». Среди статей этого сборника была и работа профессора Г. Арнтца, посвященная людским потерям во

Второй мировой войне. В своей статье Г. Арнтц отмечал, что данные о потерях СССР засекречены. Но это не специфика СССР. Практика засекречивания потерь в войнах принята во многих странах. Г. Арнтц в указанной работе говорит, что в разных источниках приводятся сведения о потерях СССР в войне от 7 до 40 млн человек. Сам он дает оценку людским потерям Советского Союза, равную 20 млн человек [25]. Трудно сейчас сказать, почему цензура пропустила в переводной работе эту, расходящуюся с официальной точкой зрения, цифру, по оплошности или со специального разрешения. Но факт остается фактом. И не важно, читал или нет Н. Хрущев эту книгу, важно, что ее прочитали те, кто ему мог доложить об этом. К тому времени уже был разоблачен культ личности Сталина. Н. Хрущев осмелился отступить от табу на величину людских потерь Советского Союза. Стоит добавить, что к этому времени уже была проведена перепись населения. В 1959 г. численность населения оказалась больше, чем в довоенном 1940 г. на 14,7 млн человек. Опубликованные к тому времени показатели естественного прироста населения для первой половины 50-х гг. (средний коэффициент естественного прироста составил 17‰) свидетельствовали, что в стране только за 1951–1955 гг. численность населения возросла на 9–10 млн человек [41]. Но ведь прирост населения был и в 1946–1950 гг., не говоря уже о 1956–1958 гг. В целом естественный прирост населения в 1946–1958 гг. составил примерно 38–41 млн человек. Поэтому цифра в 20 миллионов погибших, хоть как-то соответствовала величине естественного прироста.

Таким образом, появившаяся в печати в 1957 г. цифра потерь в 20 млн человек, или публикация данных о естественном движении и результатах переписи населения 1959 г., а возможно то и другое сыграли свою роль. Более того, может была уже и комиссия, о которой говорит Земсков, и она в 1961 г. подсчитала потери. Это лишь версия. Раньше нигде об этой комиссии не говорилось. Так или иначе, но оценка людских потерь была изменена. И уже в статистическом ежегоднике за 1961 г. приводится не только новая

оценка, но и цитируется отрывок из письма Н. Хрущева [40]. После снятия Н. Хрущева с занимаемых им постов цитирование в статистических ежегодниках прекратилось. Однако упомянутая оценка и цитата успела прозвучать не только в статистических ежегодниках за 1961 и 1962 гг., но и в ряде журналов. И потому вызывает удивление, что в современной демографической, да и исторической литературе, оценка людских потерь, высказанная Н. Хрущевым, часто трактуется не точно. Порой Н. Хрущеву приписывают фразу «свыше 20 млн человек». Причем это делали даже такие серьезные исследователи, как профессора В. Козлов и А. Кваша, причем последний удивляется тому, что часто забывают, говоря о потерях, писать «более» [27]. Не избежал этой оплошности и С. Максудов в статье, специально посвященной оценкам потерь Советского Союза в войне [45]. Более того, аналогичную ошибку допускали даже представители официальной статистической науки [46]. И не надо думать, что упомянутые нами поправки – это «ловля блох» в чужих работах. Нет, это лишь восстановление точности и если угодно, исторической справедливости, поскольку назвать цифру 20 млн было намного труднее, чем сделать последующие оценки.

Цифра 20 млн не просуществовала и 4 лет, причем понадобилось менее 7 месяцев, чтобы после отставки Н. Хрущева, внести изменение в величину людских потерь Советского Союза. Сделано это было Л. Брежневым, который по случаю двадцатилетия победы в Великой Отечественной войне сказал, что «война унесла более двадцати миллионов жизней советских людей» [7]. Если после письма Н. Хрущева шведскому премьеру в статистических ежегодниках «Народное хозяйство СССР» наши потери определялись как «два десятка млн человек», то после выступления Л. Брежнева в последующих статистических изданиях ЦСУ СССР стало фигурировать «более 20 млн». Как говорится, пустячок, а приятно осознавать, что высказана новая цифра и никем-то, а партийным лидером. Эта, очень удобная цифра продержалась до конца 80-х гг., т.е. 25 лет. С началом перестройки и ее основного достижения, гласно-

сти, потребовалось примерно три года, чтобы в печати появились новые цифры людских потерь СССР в минувшей войне.

Правда, еще задолго до наступления перестройки в западных странах цифры людских потерь Советского Союза во Второй мировой войне появляются одна за другой. Насколько нам известно, до завершения войны оценки общих потерь Советского Союза публиковались уже в Великобритании и США. Высказанная в то время оценка людских потерь Советского Союза в 30 млн человек, заметно отличалась от тех расчетов, которые стали появляться в зарубежной прессе по окончании войны. Диапазон высказываемых оценок людских потерь Советского Союза специалистами зарубежных стран не столь уж велик. Людские потери с 1946 по 1990 г. определялись в диапазоне от 14 до 25 млн человек. В таблице 2.2 сведены оценки потерь СССР в Великой Отечественной войне те, которые доступны либо в печатном виде, либо благодаря интернету.

Таблица 2.2

Оценки людских потерь во Второй мировой войне Советским Союзом до его распада западными специалистами, млн человек

Автор оценки	Общие потери	Год публикации	Источник
Ф. Лоример	16,2	1946	[45]
Н. Тимашев	19,6*	1948	[45]
Г. Арнц	20*	1953	[25]
Ж. Бирабен	14,7	1958	[45]
У. Исон	25	1959	[45]
С. Максудов	24,5	1977	[45]
И. Курганов	44	1990	[5]
П. Жорж	17	1946	[21]
Г. Эллиот	20	1972	[21]
Г. Уиллетс	Ок. 20	1980	[21]
Ч. Мессенджер	20	1989	[21]
Д. Киган	14	1989	[21]
Р. Руммель	19,625	1990	[21]
Вилка	14–25	1946–1990	-

* В другом источнике: Тимашев – 25,3 млн, Арнц – 20,6 млн [77].

Сразу отметим, что не все оценки имеют достаточно серьезные основания и выполнены безошибочно. К примеру, оценка, принадлежащая И. Курганову, выполнена профессором методически не верно. Она получила аргументированную критику, как в зарубежной, так и отечественной печати [4]. Ряд оценок явно занижен, несмотря на то, что в Советском Союзе уже была озвучена цифра потерь в 20 млн человек. Оценка Руммеля вообще претендует на то, что потеря каждого человека в годы войны будь то гибель на фронте или мирного населения на оккупированной территории учитывалась созданными фашистами для этого ЗАГСами. Позже последователем Руммеля оказался Б.Н. Ельцин, но об этом ниже. Западные оценки оказались более реалистичными, чем те, которые делались в Советском Союзе вплоть до конца 80-х гг. советскими руководителями.

В конце восьмидесятых годов в военной и научной среде в Советском Союзе стало складываться мнение о том, что цифры людских потерь превышают официально принятую «более 20 млн» и что назрела необходимость ее уточнения. Инициатором изменения официальной величины людских потерь в войне явилось Министерство обороны. Оно в декабре 1988 г. направило в ЦК КПСС записку о потерях личного состава вооруженных сил СССР во время Великой Отечественной войны [18]. В январе-феврале шло обсуждение этого вопроса в ЦК КПСС. В нем участвовали М. Горбачев, Е. Лигачев, Н. Рыжков и другие члены Политбюро. В выступлении А. Яковлева прозвучало: «Считаю этот вопрос очень важным и очень серьезным со всех точек зрения» [18]. А затем он вместе с Э. Шеварднадзе выступили против обнародования данных о потерях. Невзирая на это Генеральный штаб сам опубликовал в 1990 г. выполненные расчеты о потерях вооруженных сил.

Из обсуждения в ЦК КПСС инициативы Министерства обороны, т.е. вопроса о людских потерях, стало ясно, что потери вооруженных сил надо дополнить потерями гражданского населения. В связи с этим было принято совершенно секретное (!) Постановление ЦК КПСС. Приведем дословно пункт, относящийся к нашей

теме. «Постановление ЦК КПСС. 1. Поручить Госкомстату СССР, Министерству обороны СССР и АН СССР с привлечением заинтересованных ведомств и общественных организаций сформировать научный коллектив для уточнения потерь личного состава Советских Вооруженных сил и гражданского населения СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. [18, с. 94]. В пункте 2 говорилось о том, что по завершении работы доложить в ЦК КПСС результаты и предложения о публикации этих материалов. В состав этого научного коллектива (далее – НК) в соответствии с ведомственными распоряжениями вошли представители от АН СССР, от Госкомстата СССР и его научного подразделения, от Генерального штаба, от Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и от ЦГАНХ (позже некоторые оценщики людских потерь к НК, или, как они пишут, к комиссии, стали приписывать вплоть до Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца). Ни разу никого из них на заседании НК я что-то не видел и не слышал. НК работал в марте-апреле 1989 г. почти еженедельно, споря до хрипоты о цифрах потерь и методах их счета.

Столь подробно пишется о создании НК, его составе и характере работы потому, что, к сожалению, в научной литературе все это безбожно искажено. Так, А. Кваша пишет, что НК работал в 1988–1989 гг. [28], хотя, как сказано, поручение ЦК КПСС было принято к началу марта 1989 г., Г. Кривошеев считает, что в состав ВНК входили представители Госкомстата и Центра по изучению проблем народонаселения МГУ. Людские потери, полученные НК, им определены цифрой 27 млн человек. А вот еще лучше: «Комиссия существовала достаточно долго и в итоге, после некоторых обсуждений, приняла нашу оценку потерь» [2, с. 10]. Это пишут представители НИИ Госкомстата СССР, утверждая, что именно их ведомству поручили подготовить расчеты потерь. Уже значительно позже Е.М. Андреев в одном из интервью так интерпретировал это событие. Когда военные историки сообщили в ЦК о потерях вооруженных сил, там сказали, что надо выяснить все потери и поручили Е.М. Андрееву, Л.Е. Дарскому и Т.Л. Харьковой это сделать.

Вообще-то дело обстояло так. Еще до начала работы НК Управлением статистики населения Госкомстата СССР была предложена методика прямого счета людских потерь по отдельным компонентам. Однако все свелось к тривиальным прикидкам. Они обосновывались так. Исходя из выступлений руководителей государства и ответственных работников разного уровня в 1944–1946 гг. установлено, что на территории Украины, Белоруссии и Прибалтики потери гражданского населения составили 8,3 млн, или 14,7% довоенной численности населения. По этому проценту найдены потери в РСФСР и Молдавии, которые составили 4,8 млн. Тогда общие потери гражданского населения равны 13,1 млн человек. Кроме того, численность населения «сократилась за счет превышения резко увеличившейся смертности над сильно сократившейся рождаемостью». Согласно немецким данным, в 1942 г. в г. Харькове это превышение составило 4% (*спутаны прямые и косвенные потери, выделено нами).* Распространив этот процент на все население оккупированных территорий, получается превышение числа умерших над числом родившихся в 3–3,5 млн. Тогда общие потери гражданского населения составят 16,1 и 16,6 млн. Потери военнослужащих Госкомстатом СССР были приняты в двух вариантах – 7 и 8,8 млн человек. Поэтому общие людские потери составили от 23,1 до 25,4 млн человек.

Вначале работники Госкомстата СССР и его научного подразделения отстаивали величину потерь, равную 25 млн человек. Даже на коллегии Госкомстата, при обсуждении возможных потерь, фигурировала эта цифра. Кое-кто, чтобы принять цифру в 25 млн, пытался, завысив число погибших от репрессий, уменьшить исходное население СССР. Действительно, если Сталин больше расстрелял, чем это было на самом деле, то на долю Гитлера осталось бы меньше. Тем не менее Госкомстату СССР пришлось отказаться от круглой цифры в 25 млн. Это было связано с тем, что АН СССР не согласилась с цифрой потерь в 25 млн человек (о своем несогласии руководство академии сообщило руководству Госкомстата) и Госкомстат СССР вынужден был увеличить свою цифру. И последнее. После того как НК

завершил свою работу, он должен был сообщить о ее результатах в ЦК КПСС, после чего предполагалось опубликовать согласованную оценку людских потерь в войне [18, с. 94]. Этого не произошло, т.к. организация, по решению которой был создан НК и выполнены расчеты людских потерь, уже дышала на ладан. В ЦК КПСС предложили членам НК самим подписать коммюнике, но было уже не до него. Так и появились две, в общем-то, мало отличающиеся друг от друга цифры потерь в 26,6 и в 27 млн человек. Первая принадлежала участникам НК от НИИ Госкомстата СССР. Вторая (27 млн человек) участникам от научного учреждения АН СССР.

Работа НК осуществлялась в те годы, когда все чаще стали появляться цифры, отличные от «более 20 млн». Эти цифры принадлежали уже советским авторам. Их состав, а это в основном историки и демографы, вплоть до 1991 г. был достаточно скуден (табл. 2.3).

Таблица 2.3

Оценки людских потерь Советского Союза в Великой Отечественной войне, высказанные в 1988–1991 гг. советскими специалистами, млн человек

Автор оценки	Общие потери	Год публикации	Источник
А. Кваша	26–27	1988	[64]
Л. Рыбаковский	30	1988	[44]
А. Самсонов	26–27	1988	[29]
Б. Соколов	21,3	1988	[67]
Ю. Поляков	26–27	1989	[55]
Л. Рыбаковский	27–28	1989	[62]
В. Кондратьев	46	1990	[33]
С. Иванов	46	1990	[51]
Е. Андреев*	26,6	1990	[1]
А. Самсонов	26–27	1991	[30]
Б. Соколов	29,4	1991	[65]
О. Лебедев	35–37	1991	[10]
А. Шевяков	27,7**	1991	[72]

* Его соавторы: Л. Дарский и Т. Харькова. В дальнейшем фамилии этих авторов заменены аббревиатурой – АДХ.

** К оценке потерь мирного населения, сделанным А. Шевяковым, нами прибавлена величина потерь вооруженных сил, равная 8,7 млн, и, соответственно, получена цифра 27,7 млн человек.

Если не принимать всерьез цифры потерь в 46 млн человек, как и в 35–37 млн, которые носили явно спекулятивно-тенденциозный характер, за что были подвергнуты обстоятельной критике А. Самсоновым [58], то диапазон оценок в те годы составлял 21,3–30 млн. В течение тех четырех советских лет, когда было разрешено простым смертным публиковать собственные оценки, у некоторых авторов цифры возросли (у Б. Соколова – с 21,3 до 29, 4 млн), у других сократились (у Л. Рыбаковского – с 30 до 27–28 млн) и у третьих (у А. Самсонова – 26–27 млн) остались одни и те. Кстати, этой цифры потерь придерживались также А. Кваша и Ю. Поляков. Их оценка людских потерь, по сути, была подтверждена и НК, членом которой был и А.Я. Кваша от МГУ им. М.В. Ломоносова.

Спустя год после завершения работы НК, в самом конце существования советского государства с оценкой людских потерь выступили руководители государства. 8 мая 1990 г. президент СССР М.С. Горбачев в докладе, посвященном 45-летию Победы, сказал, что война унесла почти 27 млн жизней советских людей [21]. Высказывание М.С. Горбачева о величине потерь было не единственным со стороны советского руководства. Более того, было уже новое время и высказывания руководителей государства вдруг стали различаться. Министр иностранных дел Э. Шеварнадзе в своем выступлении называет цифру 26 млн [54]. Откуда взял? Такой цифры не было ни у зарубежных, ни у отечественных авторов. Самая близкая к ней была цифра 26,6 млн человек. Эти высказывания М. Горбачева и Э. Шеварнадзе В.Н. Земсков комментирует так: «С этого времени, то есть с мая 1990 г. и по сей день, эти почти 27 млн (иногда называют «точнее» – 26,6 млн) являются официальными данными людских потерь СССР в Великой Отечественной войне» [79].

Цифры людских потерь 26,6 и 27 млн человек, как уже говорилось, (рассчитанные: первая – представителями Госкомстата СССР и вторая – представителями АН СССР, с которой были солидарны представители МГУ им. М.В. Ломоносова), не очень существенно отличаются друг от друга, поскольку найдены они одним и тем же

балансовым методом. Участники НК прекрасно понимали, что такое балансовый метод. Разработка основ теории балансового метода и практика его широкого применения относится к довоенному времени и связана с именами С.Г. Струмилина, В.С. Немчинова и других советских ученых. Этот инструмент планового ведения хозяйства использовался во многих сферах советской экономики, включая и статистическую практику. Естественно, поэтому применение членами НК балансового метода для подсчета людских потерь не было чем-то новаторским, несмотря на то, что В.Н. Земсков обвинил в этом межведомственную комиссию. Она якобы выдала метод демографического баланса за свое изобретение, т.е. за новаторский метод [79]. Историк не прав. Демографический баланс применялся и раньше для оценки людских потерь в войнах. К примеру, в опубликованной в 1953 г. в Гамбурге и переведенной в Советском Союзе в 1957 г. книге, посвященной итогам Второй мировой войны, в статье Г. Арнтца с помощью демографического баланса подсчитаны потери многих европейских стран во Второй мировой войне. Разработка демографического баланса позволила, помимо оценки численности населения Германии и других стран на начало и конец периода, также определить следующие компоненты: естественный прирост за период с 1938 по 1947 г., убыль населения за счет естественной смерти, числа погибших военнослужащих и гражданского населения, а также прочие потери (количества перемещенных лиц, не возвратившихся военнопленных и т. д.) [25]. Обо всем этом говорится в коллективном труде «Вторая мировая война». Там сказано, что *немецкие ученые для оценки людских потерь использовали метод демографического баланса, поскольку по окончании войны надежных данных о потерях, основанных на регистрации индивидуальных судеб, не имелось* [53]. С тем, о чем говорится в названной книге, нет никаких различий с тем, что понимается под балансовым методом в отечественной науке. Кстати, в свое время метод демографического баланса был достаточно подробно описан в книге Б.Д. Бреева, опубликованной в 1977 г. [8]. В 40-е гг. помимо Г. Арн-

ца потери Советского Союза во Второй мировой войне были рассчитаны методом демографического баланса СССР также русским эмигрантом Н.С. Тимашевым. Свою оценку потерь он опубликовал в нью-йоркском «Новом журнале» в 1948 г. По его выкладкам, численность населения СССР в 1946 г. была на 19 млн меньше, чем в 1941 г. [77]. Уже в 1977 г. С. Максудов также предпринял попытку оценить людские потери СССР в Великой Отечественной войне. Для этого он использовал и балансовый, и прямой метод счета. Вначале он откорректировал цифру общих потерь, равную 26,6 млн человек, взятую из работ АДХ. Им из этой цифры исключены 2 млн репатриированных из СССР в 1945 г. поляков. В результате чего получилась цифра 24,5–25 млн. Его ошибка состояла в том, что не был учтен встречный поток мигрантов, вдвое уменьшивший сальдо миграционного обмена между Польшей и СССР. Потери армии он также корректирует в сторону увеличения [45]. Вот, собственно, и вся или, по крайней мере, основная часть истории применения НК в 1989 г. балансового метода оценки людских потерь Советского Союза в Великой Отечественной войне.

Глава 2

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЛЮДСКИХ ПОТЕРЬ СОВЕТСКОГО СОЮЗА БАЛАНСОВЫМ МЕТОДОМ И ИХ ОЦЕНКИ В ПОСТСОВЕТСКИЕ ГОДЫ

Начнем с расчетов людских потерь Советского Союза в Великой Отечественной войне, выполненных участником НК Е.М. Андреевым и его соавторами с помощью метода демографического баланса. В первой половине 90-х гг. они об этом методе сказали по меньшей мере в четырех-пяти публикациях, включая и две статьи в «Вестнике статистики» (№ 7 и 10). Возьмем их более позднюю работу, опубликованную в 1995 г. Здесь Е.М. Андреев, Л.Е. Дарский и Т.Л. Харькова (АДХ) принимают численность населения на середину 1941 г. и конец 1945 г., равными, соответственно, 196,7 и 170,5 млн человек. До конца войны дожили 159,5 млн человек из числа родившихся до середины 1941 г. У них общая убыль населения (умерли, покинули страну и др.) составила 37,2 млн. Допустив, что нормальная (естественная) смертность за 4,5 года составила 11,9 млн, авторы определяют величину потерь без учета числа родившихся в годы войны. Ее величина – 25,3 млн человек. К полученной цифре они прибавили повышенную детскую смертность, равную 1,3 млн. В итоге общие людские потери составили 26,6 млн человек [34, с. 40]. АДХ считают, что они завысили оценку людских потерь. Их мнение основано на том, что во время войны возросла смертность среди репрессированных. Указанные авторы при подсчете потерь методом демографического баланса использовали также ретроспективную передвижку возрастов, т.е. выполнили оценку потерь методически

весьма корректно. В завершение заметим, что в их расчетах, как и во всех остальных, тех, где используется балансовый метод для оценки потерь, ряд, если не большинство позиций представляют не точно зафиксированные, а предполагаемые величины. От выбора этих данных можно получить огромный набор людских потерь. К сказанному о расчетах людских потерь учеными НИИ Госкомстата СССР следует добавить очень уж распространенное явление в России, напрямую затронувшее авторство оценок, сделанное АДХ. Судите сами. Уже в XXI столетии вдруг появляется сообщение, что группа исследователей под руководством Г.Ф. Кривошеева оценивает общие людские потери СССР в Великой Отечественной войне, определенные методом демографического баланса, в 26,6 млн человек. [77]. Авторство этой цифры многие пишущие о людских потерях стали приписывать именно группе Г.Ф. Кривошеева. Этой группой, действительно, в оценке людских, прежде всего безвозвратных потерь, сделано достаточно много. А потому ей не надо приписывать то, что сделано АДХ.

Так же как и учеными НИИ Госкомстата для оценки людских потерь, нами использован метод демографического баланса. Мы были знакомы не только с советской практикой использования этого метода, но и работой немецких авторов, книга которых в СССР, как уже говорилось, была переведена и опубликована в 1957 г. Остановимся на трудностях, связанных с той информацией, которая используется при применении метода демографического баланса. Эти трудности относятся практически ко всем компонентам, необходимым для осуществления расчетов.

1. Оценка численности предвоенного населения. Считается очевидным, что исходной датой для оценки предвоенной численности населения является 22 июня 1941 г. – день нападения фашистской Германии на Советский Союз. Но это очевидно лишь на первый взгляд. Исходной датой оценки людских потерь может быть принята не только середина, но и начало 1941 г., поскольку полугодовая прибавка населения (январь – июнь 1941 г.) лишь передвига-

ет ее, не влияя на величину потерь. Заметим, что этот полугодовой рост населения страны обычно экстраполируют, исходя из показателей естественного движения населения в 1940 г. Численность населения страны на начало 1941 г. включает три компоненты: величину, полученную в результате Всесоюзной переписи населения 17 января 1939 г., численность населения тех территорий, которые тем или иным способом были присоединены к СССР после сентября 1939 г., а также естественное движение населения в 1939–1940 гг., причем с учетом населения присоединенных территорий. Достоверные сведения по этим составляющим отсутствуют.

Данные о численности населения СССР на переписную дату были обнародованы в марте 1939 г. И. Сталиным на XVIII съезде партии. Он назвал округленную цифру – 170 млн человек [68]. В официальных статистических изданиях численность населения указывается чуть больше – 170,6 млн [48]. Однако большинство ученых полагают, причем не без оснований, что переписные данные о численности населения были фальсифицированы в сторону завышения. Так репрессированная перепись населения 1937 г. зарегистрировала 162 млн человек, проживавших в Советском Союзе [46]. В 1937 г. естественный прирост населения составил 3,3 млн человек [47]. В последующем, т.е. 1938 г., естественный прирост не мог сильно отличаться, и потому суммарно за два года его величина могла составить примерно 6,5 млн человек. Кстати, в работах Е.М. Андреева с его соавторами естественный прирост для этих лет принимается в 6 млн человек. Таким образом, с учетом данных переписи 1937 г. и сведений о естественном движении, численность населения для 1939 г. завышена в первом случае на 1,5 млн, а во втором – на 2 млн человек. Собственно, факт завышения численности населения признается и в секретной справке, направленной ЦУНХУ в адрес Сталина и Молотова, где сообщается, что население СССР на начало 1939 г. составило 167,3 млн [46]. По сравнению с официально опубликованными данными разрыв баснословный – 3,3 млн человек.

Вместе с тем ученые, изучавшие материалы предвоенных переписей, обращают внимание на имевший место недоучет, что, собственно, присуще в той или иной мере любой переписи населения. Так, В. Жиромская, которая одна из первых обстоятельно проанализировала материалы предвоенных переписей, полагает, что недоучет населения в переписи 1937 г. составлял 0,5%, или 0,8 млн человек [46]. Но даже и с этой поправкой оценочная численность населения в 1939 г. оказывается ниже официальной цифры, иначе надо принять естественный прирост за два года в 7,8 млн человек. Следует добавить, в что в «Статистическом сборнике», опубликованном в 1975 г., численность населения для 1937 г. определена в 163,8 млн человек [47, с. 7]. В этом случае численность населения в 1939 г. уже соответствует величине населения 1937 г. и ее динамике в последующие годы.

Помимо официальных открытых и секретных сведений о численности населения СССР в 1939 г. имеются различные ее оценки, сделанные с учетом имевших место тогда фальсификаций и недоучета числа жителей. Приведем данные из публикаций лишь тех ученых, профессиональный уровень которых не вызывает сомнений. Численность населения на начало 1939 г. оценивается В. Жиромской – 167,6–167,7 млн [34, 46], А.Г. Волковым, а вслед за ним АДХ – 168,5 млн [1], В. Цаплиным – 168,8 млн, С. Максудовым – 168–169 млн и В. Исуповым – 169–169,8 млн человек [46]. С. Михалевым приводятся сразу три цифры – 167,3, 168,5 и 167,6 млн [34]. Все эти оценки не выходят за рамки минимальной и максимальной цифр – секретного письма ЦУНХУ и официально опубликованных итогов переписи, т.е. 167,3–170,6 млн.

Но сомнения относятся не только к точности переписных сведений. Наиболее известный западный специалист по людским потерям СССР во Второй мировой войне С. Максудов, считает, что перепись населения 1939 г. была необычайно точной, единственной в СССР (а возможно, и в мире), когда тратились огромные усилия, чтобы правильно учесть каждого человека. [50]. Учли-то каждого,

но сколько еще не «каждых» приписали? Понятно, что, *выбрав для дальнейших расчетов, понравившуюся цифру, можно получить желаемый результат людских потерь, отличающийся примерно на 3 млн человек.* Но это еще не все.

В последние предвоенные годы, а затем по мере освобождения СССР его население увеличилось за счет добровольного или насильственного (мнения на этот счет могут различаться) присоединения территорий, утраченных также добровольно или насильственно после Октябрьской революции 1917 г. В состав СССР вошли три прибалтийских республики, западные области Украины и Белоруссии, а также Бессарабия и Северная Буковина. В настоящее время, как впрочем и в момент присоединения новых территорий, остается неизвестным число новых граждан, пополнивших население Советского Союза. Официально считается, что численность населения присоединенных районов составила 20,1 млн человек. Откуда взялась такая точность, во всяком случае, до одной десятой, сказать трудно. Ясно одно, что давать оценки численности населения в той или иной мере, близкие к реальным величинам, можно лишь, опираясь на сведения ближайших переписей населения. Но это условие как раз и отсутствует. На присоединенных территориях последние переписи населения проводились в первой половине 30-х гг., а в Литве – даже в 1923 г. Рассматривающий эту проблему С. Михалев, отмечает, что численность населения присоединенных западных территорий накануне войны находилась в движении из-за миграции в страну и за рубеж. Только из Бессарабии и Северной Буковины в 1940 г. в Германию были переселены 125 тыс. этнических немцев [34]. Неизвестно, сколько поляков, в том числе и военнослужащих, оказалось на территории СССР и сколько ее покинуло (армия генерала Андерса, две армии Войска Польского), каковы были истинные масштабы последующих миграций. По мнению С. Михалева, на вновь присоединенных территориях проживало от 17 до 20 млн человек [34]. АДХ в расчетах населения СССР в новых границах принимают численность населения вновь присоединенных

территорий в 20,3 млн [74]. В. Кожурин считает, что численность населения присоединенных территорий составляла 21 млн [32]. А. Соколов называет цифру 23 млн [34]. Мнение о том, что численность населения присоединенных территорий заметно больше официальных данных, высказывает и В.И. Козлов, предлагая увеличить за этот счет численность населения на начало 1940 г. на 1–2 млн человек [31]. Можно также назвать цифру 20,7 млн, появившуюся в печати в конце 1999 г. [49]. Наконец, А.Г. Вишневский считает, что население Западной Украины и Белоруссии, Прибалтики, Буковины и Бессарабии составляло от 20 до 22,5 млн человек [84]. Нет смысла приводить другие оценки, можно лишь упомянуть мнение С. Михалева о том, что никогда не удастся установить точную численность населения воссоединенных западных территорий. *Даже принимая разброс значений не между 17–23, а между 20–23, все равно получим возможные варианты в границе 3 млн человек.*

Таким образом, расчеты числа граждан Советского Союза на начало 1941 г. опираются, независимо от того, кто бы их ни осуществлял, с одной стороны, на вилку значений численности населения по данным переписи 1939 г. (167,3–170,6 млн), а с другой стороны, на разные оценки численности населения присоединенных накануне войны территорий (от 17–20 до 23 млн). Это сомнительное разнообразие позволяет каждому исследователю создавать собственную численность населения на начало 1940 и 1941 гг. Завершая анализ цифр, относящихся к 1939–1941 гг., приведем высказывание А.Г. Вишневского о том, что общая численность населения СССР, по справке ЦСУ на 1 января 1941 г., определялась в 198 588 тыс. человек, тогда как по современным оценкам оно было меньше, и на 1 июня 1941 г. составляло 196,7 млн человек [84].

Для того чтобы определить интервалы, в которые укладываются различные оценки численности населения, следует исключить из них те, которые вызывают сомнения. Начнем с численности населения на начало 1940 г., приводимой в статистическом издании 1956 г. Эта цифра представляет весьма грубую оценку, сделанную

еще за три года до первой послевоенной переписи населения [41]. Естественно, она отличается от тех оценок, которые были выполнены ЦСУ СССР после проведения переписи. Выпадает также из общего ряда оценок численности населения на середину 1941 г. цифра 200,1 млн человек. Но если признать, что в начале 1941 г. население могло составлять 198,7 млн, то при полугодовой прибавке естественного прироста в 1,4 млн, эта цифра вполне реальна, хотя и не укладывается в общий ряд (табл. 2.4).

Таблица 2.4

Оценки предвоенной численности населения СССР (млн человек)

Автор, источник	Год публикации	1940 на 1.1.	1941	
			на 1.1.	На 1.VII
В. Козлов [31]	1989	195–196	…	…
ЦСУ СССР [41]	1956	191,7	…	…
ЦСУ СССР [42]	1963	194,1	…	…
В. Кожурин [32]	1991	195,9	198,7	200,1
И. Курганов [32]	1990	…	197,1	…
Вересов [32]	1987	…	197,5	…
Л. Рыбаковский [62]	1989	…	196,7	…
С. Михалев [34]	1995	…	…	191,8–196,4
В. Гельфанд [12]	1992	…	196,7	…
Л. Поляков [57]	1985	…	196,6	…
АДХ [74]	1990	192,6	195,4	196,7

Итак, численность населения на начало 1940 г. находится в диапазоне 194,1–196 млн, на начало 1941 г. – 196,6–198,7 млн и к середине 1941 г. – 194,1–197,5 – и даже 200,1 млн человек. Оценки численности населения на начало 1940 и 1941 гг. различаются в пределах 2 млн человек, тогда как разброс оценок для середины 1941 г., если не исключать цифру 200,1 млн, составляет 6 млн, и без нее – 3,4 млн. Таковы вот «фокусы» исходной статистики, о которой очень не лестно отзывался еще в XIX столетии премьер-министр Великобритании Бенджамин Дизраэли, сказавший, что «есть три разновидности лжи: ложь, гнусная ложь и статистика».

2. Оценка численности населения СССР на время после окончания войны. Война, как известно, закончилась безоговорочной капитуляцией Германии в мае 1945 г., правда, еще кое-где происходили бои местного значения. Более того, в ряде западных районов и Прибалтике процесс «зачистки» продолжался до начала 50-х гг. В свою очередь в августе – сентябре осуществлялись боевые действия с Японией. До 1952 г. еще возвращались на родину бывшие остарбайтеры и пленные. Все эти явления позволяют конечной датой расчета военных потерь считать не только время окончания войны, но и другие даты. Так, А. Кваша полагает, что поскольку война с Японией завершилась в сентябре 1945 г., то удобнее всего расчеты вести на конец этого года [27]. Заметим, однако, что безвозвратные потери в войне с Японией составили чуть больше 12 тыс. человек, т.е. для оценок людских потерь незначимую величину [4]. АДХ предлагают также для расчетов потерь в качестве конечной даты принимать 31 декабря 1945 г. Их мотивировка заключается в том, что в госпиталях во второй половине 1945 г. еще умирали раненые. Действительно, их в госпиталях оставалось к концу войны более 1 млн [53]. Но раненые умирали не только во второе полугодие 1945 г., но и в последующее время, хотя, конечно, не с такой интенсивностью. Кстати, после Первой мировой войны в Германии в безвозвратные потери были включены все раненые, умершие до 31 декабря 1933 г. [25]. Следовательно, существует достаточно много причин для того, чтобы расчетную дату сместить на конец года, что не может заметно повлиять на общую величину людских потерь. Вместе с тем это так же удобно для расчетов, как и смещение исходной даты на начало 1941 г. Между прочим, при оценке людских потерь европейских стран во Второй мировой войне Г. Арнтц в качестве временных границ принимает 1938–1947 гг. и получает вполне обоснованные результаты [25].

До проведения первой послевоенной переписи в 1959 г. любая оценка численности населения в предшествующие ей годы носила характер грубой прикидки. Так ЦСУ СССР оценило численность

населения по состоянию на апрель 1956 г. в 200,2 млн человек, а после проведения переписи снизило ее до 197,9 млн [41, с. 17]. Такая поправка увеличивает людские потери в войне более чем на 2 млн человек. Перепись позволила сделать ретроспективные оценки вплоть до 1950 г., который большинство исследователей принимают в качестве базового для расчетов населения на 1946 г. Цифра 178,5 млн человек на начало 1950 г. опубликована ЦСУ СССР в 1955 г. Она регулярно повторялась в других статистических ежегодниках вплоть до 1988 г.

Поскольку от численности населения на начало 1950 г. ведется ее расчет за все предшествующие годы, в том числе и на начало 1946 г., то, естественно, нужно учесть все явления, повлиявшие на демографическую динамику, которые произошли в 1946–1949 гг. Значение этих демографических явлений и процессов различно. Основную роль, бесспорно, играет естественный прирост населения, составивший в эти годы почти 10 млн человек. Другой фактор изменения численности населения – внешняя миграция. В связи с уточнением границ в 40–50-х гг. происходил обмен населением между СССР и Польшей, охвативший в общей сложности примерно 3 млн человек. Основное число поляков, репатриированных из СССР, приходится на 1944–1948 гг. – свыше 1,5 млн. Обратная репатриация из Польши имела меньшие масштабы (чуть больше 0,5 млн, преимущественно украинцев и белорусов), и была в основном осуществлена в 1945–1946 гг. [35]. При корректировке численности населения следовало бы учесть также экстремальные явления, происшедшие в 1946–1949 гг. Имеется в виду ашхабадское землетрясение, когда погибло свыше 100 тысяч человек, и голод, охвативший в первые послевоенные годы некоторые территории страны. Встречаются утверждения, что голод 1947 г. унес около 1 млн человек [38]. Эта цифра, видимо, завышена.

В таблице 2.5 представлены некоторые оценки численности населения на начало 1946 г., сделанные, как уже говорилось, людьми, обладающими необходимыми профессиональными знаниями,

и, стало быть, принимавшими во внимание выше перечисленные события.

Таблица 2.5

Оценка численности населения СССР на начало 1946 г. (млн человек)

Автор оценки	Оценка	Источник
Л. Поляков	167,0	[57]
В. Гельфанд	168,7	[12]
АДХ	170,5	[1]
В. Козлов	167,0	[31]
С. Михалев	170,55	[34]
Р. Рыбаковский*	168,6	[62]

* Цифра 168,6, названная нами 10 лет назад, видимо, завышена, скорее всего, на 0,5–1,0 млн. Она должна находиться где-то между 167 и 168 млн человек.

В таблице три группы цифр: 167,0, 168,6–168,7 и 170,5–170,55 млн. Диапазон значений численности населения на начало 1946 г. различается на 3,5 млн человек. Величины людских потерь изначально могут меняться в ту или иную сторону в зависимости от выбранной численности населения. У Л. Полякова и В. Козлова цифры потерь будут на 3,5 млн больше, а у АДХ и С. Михалева на такую же величину меньше. С учетом вариантов численности населения на начало войны, различия в величине людских потерь могут отличаться еще больше (табл. 2.6).

Таблица 2.6

Максимальная и минимальная оценки численности населения СССР на начало года (млн человек)

	1941	1946
Максимальная численность	198.7	170.5
Минимальная численность	195,4	167.0

Если воспользоваться максимальными и минимальными значениями численности населения на начало 1941 и 1946 гг., то можно получить четыре варианта их отличий (млн человек): 24,9, 28,4, 28,2 и 31,7. Естественно, что чем больше величина населения на

начало 1941 г. и чем меньше оно на конец 1945 г., тем масштабнее и различия. Разница между максимальным и минимальным вариантами численности населения составляет 6,8 млн человек. Добавим, что от численности населения накануне войны ведется расчет вклада различных компонентов в предположительную демографическую динамику с 01.01.1941 г. до 01.01.1946 г. при условии отсутствия войны.

3. Оценка смертности населения в 1941–1945 гг. В годы Великой Отечественной войны происходили явления, непосредственно влиявшие на демографическую динамику и, соответственно, на величину людских потерь. Прежде всего речь идет о смертности населения. Очевидно, что та доктрина, которая была провозглашена нацистским режимом относительно судьбы славянских, и, в первую очередь, советских народов, обусловливала планомерное уничтожение населения на временно оккупированных территориях. По мнению М. Филимошина, на оккупированной территории умерло 8,5 млн человек, из которых 4,1 млн приходится на сверхсмертность [34]. А. Шевяков считает, что только от голода и эпидемий во временно захваченных районах погибло 6,5 млн человек [73].

Смертность населения выросла и в тыловых районах из-за снижения объемов и качества медицинского обслуживания, экстремальных условий труда (мужскую работу повсеместно выполняли женщины и дети), но, главное, вследствие резкого ухудшения питания, в ряде мест – прямого голода. Население переживало голод в 1941 г. в степных районах Западной Сибири, в 1942 г. – в Вологодской области, в 1943 г. – в Читинской и ряде других областей и т. д. [34]. Имеется ряд отрывочных сведений об общих показателях смертности населения. По данным В. Исупова, общие коэффициенты смертности во второй половине 1941 г. выросли по сравнению с январем – июнем в 1,24 раза. Повысилась и младенческая смертность. Если в 1941 г. она составляла 196,7 промилле, то в 1942 г. – увеличилась до 313,7, т.е. в 1,5 раза [46]. В отдельных случаях эти показатели были близки к стопроцентной смертности мла-

денцев. Так, в 1942 г. коэффициент детской смертности в Ленинграде достиг 74,8%, то есть из 100 новорожденных умирало около 75 младенцев [82].

Любопытные данные приводит И.Е. Зеленин о смертности городского и сельского населения Сибири. В 1941 г. общие коэффициенты смертности городского населения (в скобках аналогичные показатели по сельским жителям) составляли 24,1 промилле (19,7), то в 1942 г. они выросли до 29,6 (21,3). Начиная с 1943 г. показатели стали снижаться с 27,2 (13,6) до 17,3 (10,6) в 1944 г. и 12,2 (7,4) промилле – в 1945 г. [34]. Подобная динамика наблюдалась и среди заключенных, о чем пишет В.Н. Земсков. Согласно его сведениям, в 1941 г. смертность в учреждениях ГУЛАГа составляла 67 человек на тысячу заключенных, в 1942 г. – 175, в 1943 г. – 173, в 1944 – 92 и в 1945 г. – 61 человек [34]. Этот факт, отмеченный И. Зелениным и В. Земсковым, говорит о многом: во-первых, о том, что нужно с большой осторожностью экстраполировать довоенный уровень смертности на годы войны, чтобы получить так называемую нормальную смертность населения, и, во-вторых, что для разных лет войны неприемлемо использование одинаковых показателей смертности. Скорее всего, при нормальных условиях смертность населения СССР к 1946 г. заметно бы снизилась по сравнению с довоенным временем. Если исходить из данных ЦСУ СССР о том, что в 1940 г. число умерших на тысячу человек составляло 18 и допустить, что оно в последующее время постепенно снижалось, то общее число умерших могло составить 15–16 млн человек. Число умерших не могло превышать названные цифры при отсутствии войны. АДХ принимают, как уже говорилось, в качестве нормальной численности умерших 15,75 млн человек. Цифра 15–16 млн принципиальна, потому что, *чем большая естественная смертность закладывается в расчеты, тем меньшая величина остается на долю людских потерь*.

4. Оценка рождаемости населения в годы войны. Говоря о рождаемости в годы войны, все пишущие на эту тему единодушны –

ее уровень снизился. Так, Б.Ц. Урланис отмечал, что рождаемость в 1941–1944 гг. снизилась по сравнению с 1939–1940 гг. в 2 раза [69]. Такое же падение рождаемости к довоенному времени называют Д.И. Валентей и А.Я. Кваша [9]. По данным В. Гельфанда, рождаемость за годы войны снизилась в 2,1 раза [12]. Пропорция падения рождаемости в 2–2,1 раза стала магической. Это данные для всей страны. По отдельным, тыловым районам приводятся несколько иные соотношения. Не оспаривая их, заметим, что О.М. Вербицкая, экстраполируя уровень рождаемости предвоенного 1940 г. на годы войны, определила гипотетическое число и дефицит родившихся для некоторых территорий. Для Сибири потери числа родившихся оцениваются в 1 млн (родилось 1,3 млн вместо 2,3 млн), по той же методике дефицит по Уралу определен в 1,2 млн человек [34]. А вот данные о динамике рождаемости в отдельных оккупированных и прифронтовых регионах. В блокадном Ленинграде в 1943 г. рождаемость упала до нуля. В Москве с 1941 по 1943 г. уровень рождаемости уменьшился в 2,6 раза. В оккупированном Днепропетровске в 1942 г. уровень рождаемости достигал только 34% довоенного [83].

В литературе помимо относительных величин снижения рождаемости приводятся и абсолютные сведения о числах рожденных в войну детей. Так, приводимая В. Гельфандом цифра – 15 117,4 тыс. – взята как будто бы из бухгалтерской отчетности [12]. При подготовке материалов о людских потерях во время работы НК нами также было определено число детей, рожденных в военные годы. С этой целью, используя данные переписи населения 1959 г., путем обратной передвижки тех возрастов, даты рождения которых пришлись на военные годы, получены числа возможных рождений в 1941–1945 гг. В передвижке возрастов с 1959 по 1953 г. применялись таблицы дожития 1958/1959 г., а для последующих лет – таблицы дожития 1938/1939 г. Полученные результаты были откорректированы с учетом коэффициента младенческой смертности, соответствующего уровню 1940 г., что определило для военных лет нормальную смертность детей в 2,5–3 млн. На основе этих предпосылок получено число детей, рож-

денных в военные годы. Оно составило 18–18,5 млн, исключив младенческую смертность, останется 15,5 млн.

Правдоподобность оценки числа детей, рожденных в военные годы, подтверждается следующим: из числа родившихся в 1940 г. до начала 1959 г. дожило 68,9% (родилось 6,1 млн и дожило 4,2 млн). В свою очередь, из числа родившихся в 1941–1945 гг. дожило 67,2% (18,0 и 12,1 млн). Кстати, и в начале 1999 г. соотношения между родившимися в 1940 и 1941–1945 гг. также не сильно отличались – соответственно 28,4 и 28,7%. Добавим, что число родившихся в 1941 г., если судить о числе доживших до 1999 г., не намного отличаются от уровня 1940 г. – меньше всего на 4–5%. И это вполне понятно, поскольку число детей, которое должно было родиться во второй половине 1941 г., как и в первые месяцы 1942 г., было уже предопределено. Часть рождений не состоялась вследствие насильственной смерти части будущих матерей. С другой стороны, естественная смертность населения в первые месяцы войны оставалась в обычных параметрах, как и условия жизни во многих тыловых районах. Самый низкий уровень рождаемости приходится на 1943 г., он составил не более 2/5 числа детей, рожденных в последнем предвоенном году.

5. *Изменение численности населения за счет миграции и других факторов.* Оценка людских потерь в то или иное время предполагает учет еще двух составляющих, так сказать, внешних источников – сальдо межгосударственного миграционного обмена (такой обмен имел место в основном в первые послевоенные годы) и изменение численности населения за счет включения в состав государства или выхода из него новых территорий. Включение в состав РСФСР Калининградской области и образование Сахалинской области после освобождения Южного Сахалина, аннексированного Японией в 1905 г., и Курильского архипелага не увеличило населения Российской Федерации, т.к. немецкое и японское население было полностью депортировано. На Южном Сахалине осталось менее одной тысячи японцев и около 10 тыс. корейцев. Это цифры –

не значимы для оценки общих потерь. Другое дело – включение в состав Украины Закарпатья с населением по разным источникам 800– 900 тыс. человек и вхождение в СССР Тувы, население которой составляло приблизительно 100 тыс. человек. Вероятнее всего, население Советского Союза за этот счет возросло на один млн человек, что, конечно, нужно учесть при подсчете людских потерь.

Итак, разница между численностью населения на начало 1941 г. и на начало 1946 г. составляет 28,1 млн человек (196,7–170,5 млн, данные табл. 2.3). Естественное движение для военных лет характеризуется почти одинаковыми, как числами фактически родившихся, так и расчетными для отсутствия войны, числами умерших естественным образом. В рассматриваемый период миграционный прирост составил примерно один млн человек. Отсюда и получилась цифра 27 млн человек. Эта оценка общих людских потерь (гражданского населения и военнослужащих) для страны в целом, полученная с помощью демографического баланса. Но он, как и другие методы, вследствие неполноты и неточности исходной информации, не может гарантировать получение абсолютно точных результатов. Когда разброс численности населения на начало и окончание войны дает разницу, которая может отличаться на 6,8 млн человек (см. табл. 2.3), и когда отсутствует достоверная информация о его естественном движении в военные годы, нужно быть тяжело больным, чтобы оценивать людские потери не только с точностью до тысяч, но и сотен тысяч человек. Подобная статистика, лишенная здравого смысла, может стать лишь инструментом спекуляций.

При громадном количестве составляющих, из которых складываются людские потери, существующей доступности и качестве сведений о них (полноте, достоверности и т.д.), сколько-нибудь близкую оценку им можно дать, только применяя метод демографического баланса. Попытки использования любого другого метода, в т.ч. и прямого для оценки людских потерь в таком явлении, как Великая Отечественная война, представляются ничем иным, как профанацией. Другое дело – оценка потерь вооруженных сил.

Здесь, несмотря на разное качество (хуже в начальный период войны, лучше в последующем), осуществлявшегося воинского учета, причем различных способов выбытия военнослужащих, можно с той или иной степенью достоверности определить их общие потери. Именно прямым методом военное ведомство еще накануне развала Советского Союза установило потери вооруженных сил страны. По предложенным цифрам можно спорить, но, чтобы их опровергнуть или даже уточнить, надо располагать для этого всей необходимой информацией. К примеру, надо знать, сколько из числа пропавших без вести нашлось, погибло, ушло в партизаны, дезертировало, перешло на службу к врагу и т.д. А ведь это только одна составляющая безвозвратных потерь.

К настоящему времени опубликован ряд обстоятельных работ – книг и научных статей, авторами которых являются именно те специалисты, которые либо занимались непосредственными расчетами потерь вооруженных сил, либо возглавляли коллективы, выполнявшие эту работу. Наибольшее доверие внушают идентичные сведения, приводимые в трудах М. Моисеева, Г. Кривошеева, М. Гареева и их соавторов [34, 4, 37, 11]. Еще в 1988–1993 гг. коллектив военных историков под руководством генерал-полковника Г.Ф. Кривошеева провел статистическое исследование архивных документов и других материалов, содержащих сведения о людских потерях в армии и на флоте, в пограничных и внутренних войсках НКВД. При этом были использованы результаты работы комиссии Генерального штаба по определению потерь 1966–1968 гг., возглавляемой генералом армии С.М. Штеменко, и аналогичной комиссии Министерства обороны под руководством генерала армии М.А. Гареева 1988 г. Коллектив также был допущен к рассекреченным в конце 1980-х гг. материалам Генерального штаба и главных штабов видов Вооруженных сил, МВД, КГБ, погранвойск КГБ и других архивных учреждений СССР [77].

На основании учета убитых, умерших от ран на этапах эвакуации и в госпиталях, не боевых потерь, окончательно пропавших

без вести, попавших в плен и не вернувшихся оттуда, а также не учтенных потерь в первые месяцы войны определена цифра потерь Красной армии, ВМФ, пограничных и внутренних войск в 8668,4 тыс. человек [18]. В публикации 1993 г. о потерях Вооруженных сил СССР приведена их разбивка. Общая цифра потерь включает следующие составляющие: убито, умерло от ран и болезней, а также небоевые потери – 6 885 100 человек (в их числе убиты – 5 226 800). Погибли от нанесенных ранений – 1 102 800 человек. Погибли от различных причин и несчастных случаев, расстреляны – 555 500 человек [77]. По данным М.В. Филимошина, во время войны попало в плен и пропало без вести – 4 559 000 советских военнослужащих и 500 тыс. военнообязанных, призванных по мобилизации, но не зачисленных в списки войск. В свою очередь Г.Ф. Кривошеев называет число попавших в плен и пропавших без вести – 3 396 400 военнослужащих. Из числа пленных вернулись 1 836 000 военнослужащих и не вернулись (погибли, эмигрировали) – 1 783 300 [77]. Приводя эти данные, можно упрекнуть авторов в том, что они довели оценку и общих потерь, и по отдельным причинам до аптекарской точности – сотен человек, но трудно не согласиться с их скрупулезными и документируемыми расчетами. Тем не менее потери вооруженных сил в 8,7 млн или округленно 9 млн представляются более правдоподобными, чем цифры, приводимые многими зарубежными и отечественными авторами, среди которых и те, кто пытается заметно увеличить потери военнослужащих. Так, С.А. Ильенков отмечает, что Красная армия в ходе Великой Отечественной войны потеряла погибшими, пропавшими без вести, умершими от ран, болезней и в плену 13 534 398 бойцов и командиров [22]. Посчитано для убедительности с точностью до одного человека. Если эту цифру округлить, то она очень напоминает цифру полковника Калинова – перебежчика из Советской военной администрации в Берлине, назвавшего цифру потерь Вооруженных сил СССР в 13,6 млн человек. Наконец, доктор филологических наук Б. Соколов считает, что потери вооруженных

сил составили 26,4 млн человек [66]. О точности расчетов Б. Соколова говорится в конце главы.

Определив общую величину людских потерь, а также входящее в нее число военнослужащих, можно вычислить, произошедший от всех причин суммарный недостаток гражданского населения. Для этого остается только привлечь арифметику. Приняв в качестве первой величины 27 млн и второй, округленно 9 млн, на долю гражданских лиц остается 18 млн человек. Для решения этой не сложной задачи не нужны никакие, тем более прямые методы, подобные тем, которые используются для оценки потерь военнослужащих. С сожалением приходится говорить, что представители военного ведомства решили выполнить несвойственную им работу – рассчитать потери гражданского населения прямым методом. Так, группа исследователей под руководством Г.Ф. Кривошеева, осуществив оценку потерь гражданского населения СССР в Великой Отечественной войне прямым методом, получила приблизительную цифру в 13,7 млн человек. Остановись здесь, куда бы ни шло. Но они пошли дальше и привели составляющие, из которых складывается эта цифра потерь. Было преднамеренно истреблено на оккупированной территории 7 420 379 человек (*подсчитано не до миллионов, даже не до тысяч, а до каждого отдельного человека – Л.Р.).* Умерло и погибло от жестоких условий оккупационного режима (голод, инфекционные болезни, отсутствие медицинской помощи и т. п.) – 4,1 млн человек. Погибло на принудительных работах в Германии – 2 164 313 человек! Еще 451,1 тысяч человек по разным причинам не возвратились и стали эмигрантами [77]. По современной версии МО России потери гражданского населения в зоне оккупации составили 13 684 700 человек (из них преднамеренно истреблено – 7 420 400 человек (*уточнили, прибавив 21 человека*), погибло на принудительных работах в Германии – 2 164 300 человек *(стало меньше на 13 человек)* и погибло от голода, болезней и отсутствия медицинской помощи – 4 100 000 человек. В 2015 г. Министерство обороны РФ объявило,

что общие людские потери СССР – военнослужащих и гражданского населения – равны 26,6 млн человек [77].

Дважды метод прямого счета использовался для оценки потерь гражданского населения А. Шевяковым, хотя и дал разные результаты. Так, в публикации 1991 г. он пишет, что при просмотре документов руководителей государства тех лет и архивных данных им подсчитано, что гитлеровцы уничтожили (расстреляли, уморили в газовых камерах и т.д.) 11,3 млн советских людей. Из числа остарбайтеров и военнопленных погибло примерно 3 млн. Кроме того, в созданных нацистами оккупационных условиях было загублено 6,5 млн. Следовательно, общее число погибшего гражданского населения составило 20,8 млн человек [72]. В публикации 1992 г. А. Шевяковым дана более развернутая картина гибели гражданского населения. Им тщательнее были проработаны материалы Чрезвычайной государственной комиссии, хотя сразу надо сказать, что ее подсчеты, основанные во многом на показаниях очевидцев, родственников и знакомых погибших, далеко не точны. Оценка потерь гражданского населения, сделанная А. Шевяковым, если из нее исключить погибших военнопленных, достаточно близка к цифре, полученной НК, работавшим в начале 1989 г. [73]. О это простое совпадение. Вообще-то оценка потерь гражданского населения методом прямого счета невозможна по информационным причинам: на временно оккупированных территориях отсутствовал учет естественного движения населения. Существуют большие расхождения и в оценках численности эвакуированного населения, угнанных в Германию, перемещенных лиц, остарбайтеров, оставшихся на западе, скрывавшихся дезертирах, гибели партизан и подпольщиков и т.д. К примеру, оценки численности мигрировавшего населения из районов, захваченных немцами, варьируют от 10 до 25 млн человек. Еще труднее оценить сверхсмертность населения. Например, сколько к потерям гражданского населения прибавить погибших в Ленинграде – 658 тыс., 800 тыс., 1,5 млн или 2,3 млн человек [77, 81, 82]?

Завершение подсчетов масштабов людских потерь НК (межведомственной комиссией, кому как больше нравится), озвучание полученных цифр руководством страны не остановило появление все новых и новых оценок. Уже с начала 90-х гг. стали появляться оценки всех людских потерь, а также отдельно военнослужащих и гражданского населения. В этом потоке новых оценок особое место принадлежит цифрам, озвученным первым российским президентом. Б.Н. Ельцин о людских потерях Советского Союза высказался дважды. Понятно, что не он сам считал (он в это время «работал с документами»). Мы не знаем, кто ему оказывал эту «услугу». Но суть не в этом, а в том, что цифры людских потерь Советского Союза даны с «огромной степенью точности», до нескольких тысяч человек, в первом случае – 26549 тыс. К следующему юбилею цифру «уточнили», снизив людские потери на 97 тысяч человек. Глядя на эти цифры и вспоминая данные Министерства обороны о гражданских потерях, доведенные до каждого человека, начинаешь думать, а не то ли министерство готовило ему и эти оценки? Но это только предположение.

Зарубежные, да и отечественные специалисты, давая оценки людским потерям Советского Союза в войне, как будто договорившись, никто не вспомнил цифру, предложенную Б.Н. Ельциным. Более того, никто уже не выходил за границы десятых. Их оценки в отличие от предшествующих послевоенных лет в своем большинстве стали варьировать вокруг цифр 26 и 27 млн человек (табл. 2.7).

В этом перечне авторов только С. Максудов относится к тем, кто и в прежние годы давал оценки людским потерям Советского Союза. В 1994 г. он ее увеличил по сравнению с 1977 г. на 1,5–2,5 млн человек. Все остальные – это новые лица. Но не это главное, а то, что половина перечисленных в таблице зарубежных авторов принимают величину людских потерь Советского Союза в Великой Отечественной войне в 26–27 млн человек или близкую к ним цифру. Да и большая оценка потерь превышает наименьшую всего в 1,5 раза, чего не скажешь об оценках людских потерь, сделанных отечественными специалистами в те же годы (табл. 2.8).

Таблица 2.7

Оценки людских потерь Советского Союза в войне 1941–1945 гг., сделанные зарубежными специалистами в 90-е гг. XX века и в первые десятилетия XXI столетия*

Автор	Общие потери	Год публикации
М. Эллман, С. Максудов	26–27	1994
Д. Валлечинский	20–26	1995
Н. Дэвис	24–28	1996
Б. Харенберг	27	1996*
Р. Овери	25	1998
М. Мазовер	19,5	1998
М. Клодфельтер	20–26	2002
М. Хейнс	26,6	2003
М. Гилберт	более 20	2004
Х. Вилмотт	25,6	2004
Т. Джадт	24,6	2005
Н. Дэвис	27	2006
Д. Барбер, М. Харрисон	24–26	2006
М. Корт	27	2008
С. Роузфилд	24,6–29	2009
Н. Ломагин	Более 27	2009
Дж. Томпсон	27	2009
Н. Девлет	26–27	2013
Б. Энгель, Дж. Мартин	26–27	2015

* Заимствовано из источника [77]. Исключение – работа за номером 70, опубликованная в России в 2000 г.

Таблица 2.8

Оценки людских потерь Советского Союза в войне 1941–1945 гг., сделанные отечественными специалистами в 90-е гг. XX века и в первые десятилетия XXI столетия

Автор	Общие потери	Год публикации	Источник
В. Елисеев, С. Михалев	21,8	1992	[77]
А. Шевяков	29,5	1992	[77]
А. Соколов	21,7–23	1995	[77]
П. Полян	26	1996	[77]
С. Михалев	23,568	1997	[77]
Б. Соколов	43,3	1998	[83]
В. Эрлихман	26,5	2004	[75]
В. Земсков	около 16	2019 ?	[79]
МО РФ*	26,6	2011	[77]

* В октябре 2009 г. МО РФ была создана Межведомственная комиссия по подсчету потерь в годы Великой Отечественной войны. В декабре 2011 г. ее

представитель озвучил общие демографические потери в 26,6 млн человек, из них потери действующих вооруженных сил – 8 668 400 человек [77]. *Более бесполезного «детища» МО, возглавляемого в то время бывшим специалистом по торговле мебелью, я не встречал. После первого же заседания комиссии, я ее перестал посещать. В своем коммюнике комиссия повторила все то, что уже было давно известно и многократно публиковалось в печати.*

Если исключить из общего перечня две цифры 43,3 млн (Б. Соколов) и 16 млн (В. Земсков), одна из которых больше другой почти втрое, то все остальные близки к цифрам 26–27 млн человек. Что же касается цифр Б. Соколова и В. Земскова, то они заслуживают специальных комментарий. Начнем с точки зрения филолога Б. Соколова. В 1988 г. им общие потери были определены в 21,3 млн человек. К 1991 г. величина потерь выросла до 29,6 млн. И наконец, в книге, изданной в 1998 г., Б. Соколов приводит раздельно тщательные подсчеты потерь военного и гражданского населения. Не комментируя используемые им данные, многие из которых сомнительны и противоречивы, приведем лишь итоговую величину. Согласно его расчетам, суммарная величина военных потерь населения СССР составила 43,3 млн погибших. Цифра получена так. Из численности населения СССР на конец июня 1941 г., определенного им в 209,3 млн, он вычел 166 млн, проживавших, по его мнению, на 1 января 1946 г., и получил 43,3 млн погибших [66, с. 212, 221, 225]. Цифра, придуманная Б. Соколовым для 1941 г., превышает известную максимальную на 10,6 млн человек (см. табл. 2.3). Для 1946 г. им принята цифра, которая на один миллион меньше, известной минимальной величины. Таким путем у него сразу потери завышены на 11,6 млн человек. Отнимем от 43,3 млн 11,6 млн и получим цифру 31,7 млн. Эта цифра всего на 5,5 млн превышает разницу между численностью населения на начало 1941 и 1946 гг., принятую для расчетов людских потерь АДХ и нами во время работы НК. Здесь расхождения уже касаются оценок естественного и миграционного движения населения. По ним можно было бы спорить, если бы был смысл. Но этот смысл теряется сразу же после прочтения следующего утверждения Б. Соколова: «Совет-

ско-германская война была по сути грандиозной схваткой двух тоталитарных государств… Германский тоталитаризм также во многих отношениях был мягче советского, сохраняя … определенное представление о самоценности человеческой индивидуальности у большинства своих подданных» [83]. После такой исходной парадигмы все остальные расчеты идут как по маслу.

Безвозвратные потери вооруженных сил он оценивает в 26,4 млн. Если из всех мобилизованных в годы войны и кадрового состава всех силовых структур, а их было 34,5 млн, исключить потери военнослужащих, исчисленные Б. Соколовым, то откуда тогда ко Дню Победы в 1945 г. у Советского Союза оказались только вооруженные силы в 12,8 млн человек, притом, что за годы войны было уволено в связи с ранениями и болезнями 3,8 млн человек [34]? Кроме того, по данным С.Н. Михалева, 3,6 миллиона военнослужащих было передано народному хозяйству и около млн осуждено [36, с. 22]. Даже сумма этих трех цифр (12,8 + 3,6 + 1) дает половину всех мобилизованных (17,4 млн). Предложенная Б. Соколовым в конце 90-х гг. XX в. цифра потерь показалась ему недостаточной, и он в десятые годы XXI столетия решил ее на несколько миллионов увеличить. Теперь у него цифра потерь (правда, вместе с инвалидами) составила 31,1 млн человек. Чтобы эта цифра хоть как-то соответствовала численности всех мобилизованных в годы войны, он увеличивает последнюю с 34,5 до 43 млн человек [83]. Поскольку потери вооруженных сил у Б. Соколова равны 26,4 млн человек, то на долю гражданского населения остается 16,9 млн [66, с. 212, 221, 225]. По Б. Соколову, гражданского населения погибло в 1,6 раза меньше, чем военнослужащих (о надуманности такого различия говорится ниже). Глядя на цифры, подобные тем, которые приводятся Б. Соколовым, нельзя не вспомнить Френсиса Бэкона, говорившего, что чем менее история правдива, тем больше она доставляет удовольствия. Жаль, что за такое сомнительное удовольствие не приходится платить!

В отличие от фантастически завышенных оценок людских потерь Советского Союза в Великой Отечественной войне, особенно гибели военнослужащих, которые сделал Б. Соколов, другой автор, теперь уже историк В. Земсков, эти оценки опустил до уровня более низкого, даже чем они были во времена Н.С. Хрущева. Согласно В. Земскову, «на самом деле прямые людские потери составляли около 16 млн человек, из них 11,5 млн – военные и 4,5 млн – гражданские» [79]. Не будет останавливаться на потерях военнослужащих, поскольку такие же цифры часто приводят и другие авторы. Более того, они вполне могут быть подобными. Остановимся лишь на фантастической величине потерь гражданского населения. Но сперва приведем аргумент, с помощью которого В. Земсков устраняет возможных оппонентов его оценок. Вначале профессор, не смущаясь, решил выявить «мошенников», пустивших в оборот цифру потерь в 26,6 и особенно в 27 млн человек. Он пишет, что «посредством ловкого статистического мошенничества в 1990 г. официальные данные людских потерь СССР в Великой Отечественной войне были увеличены с 20 млн до 27 млн человек. По сути, эти 27 млн есть такая же профанация, что и сталинские 7 млн, только наизнанку. Такова подоплека появления новой официальной статистики людских потерь в войне. Все версии ее происхождения, включая и забавную «математическую формулу» (сталинские 7 млн + хрущевские 20 млн = горбачевские 27 млн), являются, разумеется, ошибочными» [79]. К числу этих «мошенников» В. Земсков отнес, помимо широко известных уже в те годы, когда были получены цифры потерь в 26,6 и 27 млн человек, демографов из НИИ Госкомстата СССР, МГУ им. М.В. Ломоносова и Института социологии АН СССР, также своих собратьев по «историческому цеху», умерших в начале десятых годов академика АН СССР А. Самсонова и академика РАН Ю. Полякова (см 1 главу, табл. 2.3).

Второй убийственный аргумент, который приводит В. Земсков в доказательство своей точки зрения на величину людских потерь, сформулирован следующим образом: «Любому здравомыслящему

человеку ясно и понятно, что такого соотношения между военными и гражданскими потерями по определению быть не могло и что погибшие военнослужащие, безусловно, преобладали в общем составе прямых людских потерь» [79]. Судя по столь категоричному заявлению, В. Земсков знаком только с соотношениями потерь между военнослужащими и гражданским населением, которые были в годы Первой мировой войны, когда последние в 15–20 раз были меньше первых. Но он совершенно не представляет, какой была Великая Отечественная война, какие цели ставил Гитлер, нападая на Советский Союз. Поясним профессору, который, к сожалению, видимо, не в курсе, ну хотя бы таких публикаций, как работы тоже профессора Г. Арнца (1957 г.) или Бодо Харенберга (2000 г.), в которых приводятся соотношения гибели военнослужащих и гражданского населения почти во всех европейских странах во времена Второй мировой войны [25, 70]. Приведем три страны, потери которых наиболее сопоставимы с потерями Советского Союза (по остальным странам информация приводится в первой главе третьего раздела). В Польше потери гражданского населения превышают потери военнослужащих в 18 раз (320 и 5 700 тыс. человек); в Югославии – в 3 раза (410 и 1 280 тыс.); в Венгрии, сражавшейся на стороне гитлеровской Германии, как и в СССР – в 2 раза (140 и 280 тыс.) [70, с. 971]. В Венгрии не было, как в Польше или Югославии, уничтожения мирного населения при малейших попытках его сопротивления. Там гражданское население гибло, поскольку на территории Венгрии несколько месяцев шли кровопролитные бои. Бои за Будапешт продолжались 3,5 месяца. А это непрерывный артиллерийский обстрел и бомбежки города. Этот фашистский сателлит сопротивлялся и притом упорно почти до последних дней войны. Все это было и в сражениях на территории Советского Союза, особенно вначале войны, когда Красная армия стала упорно сопротивляться фашистским полчищам. На территории СССР, в отличие от Венгрии, бои шли и тогда, когда фашисты наступали, а Красная армия отступала, и тогда, когда все было наоборот, причем

во многих случаях подобное было не единожды и продолжалось многие месяцы. Во время этих сражений гибло огромное количество не только военнослужащих, но и гражданского населения. Только при бомбардировках Сталинграда погибло более 40 тыс. человек. Десятки тысяч человек погибли от бомбардировок Севастополя, Одессы, Керчи, Новороссийска, Смоленска, Тулы, Харькова, Минска, Мурманска и многих других городов и сел. В результате войны были, как уже говорилось, фашистами полностью или частично разрушены и сожжены 1,7 тыс. городов и поселков и более 70 тыс. сел и деревень. Там везде жили люди и они гибли вместе с уничтожением домов и других строений. Об отношении оккупантов к тому населению, которое оставалось живым, говорится подробно в первой главе третьего раздела. Здесь лишь напомним, что в одном лишь Ленинграде погибло не менее 1–1,5 млн мирных граждан. К тому же фашисты уничтожили только евреев 700 тысяч [70, с. 971]. Сверхсмертность в годы войны лишь в России достигла 4 млн человек. На оккупированных территориях в течение трех лет повсеместно проводился геноцид, т.е. систематическое уничтожение мирных граждан в соответствии с идеологией фашизма относительно славянских народов. Особенно жестоко расправлялись с населением тех районов, где активно действовали партизаны и подпольщики.

Великая Отечественная война продолжалась с июня 1941 г. по май 1945 г., т.е. 46 месяцев. Она была самой масштабной по охвату территории и проживавшего на ней населения, по участию в сражениях с обеих сторон огромных армий и колоссального количества современной техники, по многократности для многих регионов боевых действий, захвату и освобождению населенных пунктов, а главное по осуществлению на советской земле фашистами своих чудовищных планов по уничтожению десятков миллионов советских людей с тем чтобы «очистить» для гитлеровской Германии «жизненное пространство». Только безумец может предположить, что сколько-нибудь достоверный учет всех погибших, пропавших

без вести, замученных оккупантами, умерших от голода и т.д. мог осуществляться в таких условиях. Именно поэтому величину людских потерь лучше всего давать в виде вилки значений. В отличие от зарубежных исследователей масштабов людских потерь Советского Союза во Второй мировой войне ряд отечественных ученых уже в 80-е гг. прошлого века свои оценки предлагали именно в виде вилки. В частности, А. Кваша, А. Самсонов Ю. Поляков давали оценку потерям в 26–27 млн человек, Л. Рыбаковский – 27–28 млн, Лебедев – 35–37 млн человек. Уже с 90-х гг. подобные оценки стал публиковать и ряд зарубежных авторов. У С. Максудова и М. Эллмана – 26–27 млн, Д. Валлечинского и М. Клодфельтера – 20–26 млн и у Н. Девиса – 24–28 млн человек. В настоящее время ряд отечественных демографов в своих публикациях также считают, что оценку людских потерь лучше давать не одним числом, а вилкой значений [84]. Эта правильная точка зрения, тем не менее для официального применения не очень удобная, а потому какая бы не была оценка потерь, она будет на всех торжественных мероприятиях все равно озвучиваться в виде одной цифры.

Другое дело, как эти потери будут выглядеть: в виде целых чисел или с дробями. До настоящего времени разными исследователями приводятся цифры потерь с точностью не только до сотен тысяч, но и до десятков тысяч человек, а случается, что «точность» доводится до одного человека, как это сделали представители военного ведомства. Как будто предвидя ситуацию с оценками людских потерь, известный советский статистик и демограф А. Боярский писал: «...тонкость "точных" методов оказывается в чересчур большом контрасте с грубостью и сомнительностью исходных предпосылок» [6]. При той исходной информации, которая имеется по каждому расчетному элементу, оценки могут быть только примерными, и лучше их представлять в целых числах. Но даже если в расчетах они получаются не в целых числах, то их всегда можно округлить. Исходя из правила округления целых чисел, величина 26,6 млн может быть только 27 млн. Поэтому оценки людских по-

терь, сделанные НК еще на стыке 80-х и 90-х гг. прошлого века, а именно 26,6 млн (Госкомстат СССР) и 27 млн (АН СССР), по существу, означают одну и ту же величину людских потерь Советского Союза в Великой Отечественной войне. Немного больше эта цифра или немного меньше – это не имеет ни малейшего значения, поскольку 27 млн как и 26 млн – это чудовищно огромные жертвы советского народа.

Глава 3

ОЦЕНКА ЛЮДСКИХ ПОТЕРЬ РОССИИ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

В Великую Отечественную войну население всей советской страны вместе сражалось с врагом, вместе погибало на полях сражений, в концлагерях, от рук карателей и т.д. И во время войны, и в более поздний период никто не делил ни общей победы, ни общих потерь. Это не противоречит тому, что еще до распада СССР предпринимались попытки оценить для отдельных союзных республик потери населения в военные годы. Методологически это делалось не корректно, поскольку эти оценки не были связаны между собой не объединены общими балансовыми расчетами. Тем не менее, приведем некоторые из таких оценок. В 1974 г. впервые были названы А.А. Раковым, а в 1990 г. повторены А.Я. Квашей, потери населения Белоруссии в годы войны. Согласно этим оценкам, с 1941 по 1944 г. фашисты уничтожили 1409 тыс. человек и 378 тыс. угнали в Германию [27, с. 60]. В 1980 г. Ю.Е. Власьевичем опубликованы уже другие сведения по Белоруссии. По его данным, там немцы истребили свыше 2,2 млн местных жителей и военнопленных. В некоторых источниках называется иная цифра потерь – 3 млн человек в Белоруссии и свыше 1,1 млн в Прибалтике, в том числе в Латвии и Эстонии – 449 тыс. [46]. Ю.Е. Власьевич в той же работе пишет, что в годы войны было уничтожено в Латвии – 250 тыс. мирных жителей, в Эстонии – 152 тыс. (вместе – 402 тыс.), Львовской области – 700 тыс., Смоленской области – 135 тыс., Одесской – 200 тыс. и т.д. [57, с. 49]. В дальнейшем Л.Е. Поляков и

ряд других авторов повторили эти цифры. Некоторые оценки, например по Белоруссии, в 1985 г. были опубликованы в Демографическом энциклопедическом словаре [17, с. 33]. Причем в словаре оценки потерь по другим республикам были сделаны таким образом, что свести их воедино не представляется возможным. Так, сообщается, что потери по Латвии достигли почти 1/3 численности населения (17, с. 218), в Литве уничтожено 0,5 млн мирных граждан [17, с. 226], население Молдавии за годы войны также сократилось [17, с. 261], на Украине погиб каждый шестой житель и 2 млн было угнано на восточные работы [17, с. 491], число жителей Эстонии уменьшилось на 19,3% [17, с. 540]. В этом словаре данные по России отсутствуют. Но даже если бы они и были, то при такой трактовке потерь по отдельным республикам получить общие цифры просто не возможно. К тому же в общих потерях участвовали и другие республики, из которых гибли военнослужащие. Имеются, правда, попытки подсчитать гибель не только военнослужащих, призванных в тыловых республиках, но и оценить гибель титульного народа, находившегося в годы войны на оккупированных территориях или в местах сражений. Так, Г.П. Лежава считает, что в 1941–1945 гг. Грузия потеряла 350 тыс. своих граждан [34, с. 117].

Таким образом, до сих пор оценки людских потерь, выполненные методически одинаково, по бывшим союзным республикам отсутствуют. По России, насколько нам известно, имеется лишь одна оценка потерь мирного населения, сделанная М.В. Филимошиным. Он считает, что из гражданского населения России в годы войны погибло 6,1 млн человек [34. с. 129]. В эту цифру он включает потери мирного населения на оккупированных территориях – 5,7 млн и гибель от голода и холода 0,7 млн ленинградцев. Получается не 6,1, а 6,4 млн. Эта неточность, тем не менее, не умаляет значимости оценки потерь гражданского населения, единственной для 90-х гг. Между тем потребность в оценках общих людских потерь и их обосновании слишком очевидна, но отнюдь не для того, чтобы показать, кто внес более весомый вклад в общую победу или кто

больше потерял людей в этой общей борьбе с фашистским агрессором, а исключительно для того, чтобы воссоздать историю населения России, чтобы оценить ущерб, нанесенный демографическому развитию страны. Подобного рода задача стоит не только перед Россией, но и перед государствами – республиками бывшего СССР, в первую очередь теми, на чьей территории велись сражения.

Как было показано раньше, расчеты людских потерь по Советскому Союзу в целом сопряжены с огромными трудностями. Но когда они делаются для отдельных частей государства, то возрастают многократно. Оценки людских потерь для стран, бывших в годы войны частями единого государства, сопряжены с часто неустранимыми информационными пробелами. Когда гремят орудия, о статистике думают в последнюю очередь. Да и без этого война всегда оставляет много неизвестного. Независимо от того, какой метод оценки людских потерь используется, будь то метод прямого счета, метод демографического баланса, пропорционального распределения потерь или какой-то другой, он, тем не менее, должен исходить из единой предпосылки – общей для СССР величины людских потерь. Иначе сумма оценок людских потерь ныне независимых, а еще недавно союзных республик бывшего СССР, составит несопоставимую величину. Сразу заметим, что мы изначально, с момента работы научного коллектива, который исчислял общие для Советского Союза людские потери в Великой Отечественной войне, считали и продолжаем до настоящего времени полагать, что эти потери составляют примерно 27 млн человек. Этой цифры мы и придерживаемся в дальнейших расчетах. Если опираться на данные специалистов военного ведомства о том, что потери военнослужащих равны 8,7 млн человек, то тогда на долю гражданского населения будет приходиться 18,3 млн. Собственно, приняв иную, чуть меньшую цифру общих потерь, например – 26,6 млн, мы выходим на оценку потерь гражданского населения в 17,9 млн (26,6 – 8,7). Если округленно принять потери военнослужащих в 9 млн, то на долю гражданского населения, как уже отмечалось, придется 18 млн человек.

Среди населения России, попавшего в оккупацию, были и местные жители, и бежавшее туда от войны население из Украины, Белоруссии, Прибалтики. В свою очередь в этих республиках оказалось много представителей России, лиц, проводивших там отпуска, семей военнослужащих и т.д. Поэтому среди погибших были и те, кто с довоенных времен проживал на данной территории, и те, кто туда мигрировал из других местностей, и кто там оказался случайно. Эти категории населения смешивались. К тому же записи велись со слов тех, кто остался живым в районах оккупации, достоверными сведениями они могли и не располагать, тем более что судьба многих отсутствующих оставалась неизвестной еще долгое время после освобождения не только этой местности, но и страны в целом.

Наглядный пример достоверности оценки гибели населения – уже упоминавшиеся сведения по Ленинграду. До сих пор неизвестно, сколько мирного населения погибло в блокадном городе. К сказанным цифрам добавим, что для Ленинграда и одноименной области А.А. Шевяковым приводится цифра погибших в 1,4 млн человек [73, с. 4]. По данным П. Поляна, погибло, прежде всего, вследствие блокады, более 700 тыс. человек [56, с. 369]. Этой же цифры придерживается и М.В. Филимошин [34, с. 129]. По мнению академика Д. Лихачева, подобные цифры о гибели ленинградцев сильно приуменьшены. Он считал, что во время блокады в осажденном городе погибло значительно больше, мотивируя тем, что туда бежали от наступающего врага многие жители сельских районов, которых никто не учитывал, хотя они и пополняли число погибших. К цифре Д. Лихачева в 1,5 млн человек добавим уже упоминавшуюся цифру 2,3 млн.

Особенно большие искажения в оценки людских потерь для отдельных частей единого государства вносят внутренние миграции населения. Приводимые в публикациях сведения о численности эвакуированного или мигрировавшего населения из районов, откуда отступали наши войска, не только противоречивы, но порой

просто фантастичны. В таблице 2.9 приводится далеко неполный их перечень. До начала перестройки в публикациях об эвакуированном населении обычно приводилась цифра около 25 млн человек. Исключение – работа военных историков [24]. А далее – «полная демократия». Даже данные о миграции населения из оккупированных фашистскими войсками районов, приводимые в статьях М. Филимошина, Г. Куманева и Ю. Полякова, опубликованные в одном и том же сборнике, отличаются весьма существенно [34].

Таблица 2.9

Численность населения, мигрировавшего (эвакуированного) в тыловые районы страны

Численность мигрантов (млн человек)	Автор	Год	Источник
10,4	Мин. обороны СССР	1961	24
Около 25	Ш. Мунчаев	1975	38
Около 25	Л. Поляков	1985	57
Более 12	Госкомстат СССР	1987	43
10	А. Шевяков	1991	72
Около 15	М. Филимошин	1995	34
17	Г. Куманев	1995	34
Более 20	Ю. Поляков	1995	34
Вилка 10–25	-	1961–1995 гг.	-

Наиболее подробные сведения о численности мигрировавшего населения приводит Г. Куманев. По его данным, на начальном этапе войны из Прибалтики успели выехать 100 тысяч человек, в т. ч. из Эстонии – 60 тыс., из Украины выехало 4 млн, Белоруссии – 1,5 млн, Молдавии – 300 тыс., Ленинграда – 773,6 тыс., Мурманской области – до 200 тыс., Карелии – 500 тыс., Москвы – до 2 млн человек. В 1942 г. мигрировали из Донбасса, Черноземья и Северного Кавказа до 1 млн человек [34, с. 141–144]. К сожалению, подробность – еще не достоверность. В частности, большие сомнения вызывают цифры по Карелии. Как могло из этого района выехать 500 тысяч человек при общей численности населения республики, составлявшей накануне войны 470 тыс.? Численность населения,

эвакуированного из Ленинграда, у Г. Куманева значительно меньше, чем ее называет Л. Поляков. По его данным, в январе – ноябре 1942 г. из Ленинграда через Ладожское озеро было эвакуировано около 1 млн человек. Данные об объемах миграции Л. Поляков заимствует из работ И. Гурвича. Ну и наконец, информация Госкомстата СССР обо всем эвакуированном населении в военные годы включает 10 млн тех, кто воспользовался железнодорожным (у И. Гурвича и Л. Полякова – 10,4 млн), и 2 млн – водным транспортом. Добавим, наверняка было много тех, кто покидал районы боевых действий на автомобильном и гужевом транспорте, а также пешком.

По мере освобождения оккупированных территорий от фашистских войск многие возвращались обратно. Часть мигрантов была призвана в армию, некоторые из них погибли. Остаются неизвестными данные не только о миграции в начале войны, но и о перемещениях населения во второй половине 40-х гг., когда возросли масштабы обратной миграции и т.д. Все эти явления не поддаются сколько-нибудь объективному измерению, а ведь на их основе делаются оценки численности населения для послевоенных лет, вплоть до первой послевоенной переписи (1959 г.). К сказанному необходимо добавить, что для районов, откуда мигрировало население в годы войны, оценки людских потерь завышаются, а для районов, принявших мигрантов, соответственно, – занижаются. Очевидно, что столь ненадежные исходные данные о гибели гражданского населения и военнослужащих, а также абсолютная неопределенность сведений о возможных масштабах миграции, обесценивают все более или менее часто используемые методы исчисления людских потерь, и не могут гарантировать получение сколько-нибудь точных результатов. Это надо всегда иметь в виду, когда выполняются оценки людских потерь, будь то для России, Украины или других ныне независимых государств.

При определении людских потерь в прошлом или в настоящем отдельных частей государств используют разные методы (мы о них подробно пишем в работе о людских потерях, опубликованной в

2001 г. и переизданной в 2010 г. [61]. Нами для этой цели был разработан этнодемографический метод, примененный для оценки численности остарбайтеров, приходящихся на долю России и доживших к началу 1999 г. [60]. В модифицированном виде этот метод может быть применен и для оценки людских потерь. Отличие методик оценки численности остарбайтеров и людских потерь состоит в том, что в первом случае из общей совокупности остарбайтеров определяется то их число, которое дожило до наших дней и относится к гражданам России, а во втором – потери населения СССР в годы Великой Отечественной войны распределяются по его частям, бывшим союзным республикам. Таким образом, применение этнодемографического метода предполагает использование в качестве исходной величины общие для страны людские потери (в данном случае 27 млн человек). Второе общее условие заключается в том, что необходимы оценки потерь гражданского населения и военнослужащих. В качестве общих исходных потерь первых и вторых принимаются цифры – 18,3 (18) и 8,7 (9) млн человек. Потери гражданского населения должны быть распределены по бывшим союзным республикам, территории которых полностью или частично во время войны находились в оккупации, а потери военнослужащих – по всем государствам, возникшим на постсоветском пространстве.

В общих чертах суть этнодемографического метода состоит в том, что людские потери для отдельных частей (ныне государств), определяются из потерь тех этносов или точнее национальностей, которые относятся к государствообразующим. Перенесение расчетов на этносы сразу же устраняет основную информационную трудность: становятся ненужными данные о миграции населения. Тем не менее, как и при использовании других методов, применение этнодемографического также сталкивается с информационными трудностями. Главная из них состоит в том, что остается еще более неопределенным, чем численность населения территорий, вошедших в состав СССР, его национальный состав. Это существенно затрудняет получение исходной для расчетов информации.

Оценка людских потерь с помощью этнодемографического метода предполагает оценку людских потерь по каждому из основных этносов и распределение этих потерь по отдельным частям бывшего государства. В данном случае все расчеты ведутся для России, хотя они также могут быть выполнены для Украины, Белоруссии и других государств нового зарубежья. Суммарные потери гражданского населения России формируются из потерь лиц основных национальностей, являющихся титульными для наиболее крупных союзных республик, территория которых полностью или частично находилась в оккупации.

Для осуществления расчетов, прежде всего, необходимы сведения об общей численности населения и основных национальностей тех республик, которые полностью или частично находились в оккупации, по состоянию на начало и окончание войны. К сожалению, первая послевоенная перепись была проведена лишь в начале 1959 г. Поэтому послевоенная демографическая динамика существенно зависит как от миграции, так и от естественного движения населения. Еще хуже обстоит дело с информацией о национальном составе предвоенного населения. Она имеется по переписи 1937 г. и 1939 г. и может быть использована без существенной корректировки лишь для России. По другим республикам, бывшим в оккупации, она либо неполная (Украина, Белоруссия), либо полностью отсутствует (Прибалтика). Причем численность населения этих республик накануне войны значительно изменилась (табл. 2.10).

Можно предположить, что в составе населения территорий, вошедших в Украину и Белоруссию, было не очень много представителей титульных народов России, а распределение остальных этносов соответствовало переписной (1937 г.) структуре того же набора национальностей в населении этих союзных республик. Необходимо, правда, из численности населения, влившегося в состав Украины, исключить один млн поляков – результат межгосударственного миграционного обмена, осуществленного по окончании войны. С учетом этого обстоятельства прирост населения Украины составит не 8,7, а

7,7 млн человек. Исключив из состава населения русских и белорусов, окажется, что доля украинцев составляет почти 90%. Остальные – это поляки, евреи, чехи, венгры, молдаване, румыны и др. Численность украинцев на конец 1939 г. может быть увеличена более чем на 7,8 млн человек. Таким же образом численность белорусов возрастет на 3,1 млн. Ни по Молдавии, ни по республикам Прибалтики нет, по сути, никаких сведений, позволяющих хоть как-то оценить национальный состав населения. Да, собственно, для оценки людских потерь России эти сведения не нужны в связи с тем, что доля титульных народов этих республик незначительна в составе ее населения.

Таблица 2.10

Численность населения союзных республик, находившихся в оккупации в годы войны (тыс. человек)

Республики	1937 г.	1939 г.			1959 г.
		В границах до 17 сентября 1939 г.	В границах после 17 сентября 1939 г.	Прирост за счет новых территорий	
Россия	103 968	108 263	108 379	-	117 534
Украина	28 388	31 786	40 469	8 683	41 869
Белоруссия	5 197	5 569	8 910	3 341	8 055
Молдавия	570	288	2 452	2 164	2 885
Прибалтика	…	…	5 817	5 817	6 001
Итого по группе республик	138 123	145 906	166 027	20 005	176 344
СССР	162 039	170 557	190 678	20 005	208 827

Динамика численности русских, украинцев и белорусов, а только по ним, могут быть выполнены расчеты, зависит от сальдо миграции в военные и послевоенные годы. Чтобы учесть миграционную составляющую, нужно из общего итога по СССР исключить численность русских, украинцев и в очень малой степени белорусов, которые проживали до войны в республиках, не бывших в оккупации. Исключению подлежит и возможный естественный прирост русских и украинцев (численность белорусов там статистически не

значима), проживавших в указанных республиках. Остаток будет представлять миграционное сальдо.

Согласно переписи 1937 г., в Закавказье проживало 795,4 тыс. русских и 43,8 тыс. украинцев, в республиках Средней Азии – соответственно 1255,2 и 136,6 тыс. Основная численность русских и украинцев приходилась на Казахстан – 1917,7 и 550,0 тыс. человек. А всего в этих республиках было 3968,3 тыс. русских и 730,4 тыс. украинцев [59, с. 90–92]. Очевидно, что в течение 1937–1958 гг. численность русских, проживавших в Закавказье, Средней Азии и Казахстане, менялась вследствие естественного движения. Используя методику, предложенную Б.Ц. Урланисом, и допустив, что показатели естественного движения русских и украинцев, проживавших в этих регионах, близки к аналогичным параметрам в России и Украине, можно получить оценки их миграционного и естественного прироста. Добавим, что до войны дифференциация показателей рождаемости и, в какой то мере, смертности была не очень заметной. Так, в 1940 г. число родившихся в расчете на тысячу жителей в России составляло 33, в Узбекистане – 33,8 и Туркмении – 36,9 человек [47, с. 70–81]. Приняв российские и украинские показатели рождаемости и смертности для русских и украинцев, проживавших в данной группе республик, получим естественный прирост для 1937–1940 гг. Допустив, что в годы войны естественный прирост русских в этих республиках соответствовал тем параметрам, которые были в России, определим эту величину. Для послевоенного периода естественный прирост рассчитывается по показателям 50-х гг. Таким образом, весь естественный прирост русского населения в Казахстане, Средней Азии и Закавказье в 1937–1958 гг. составит примерно 1,2 млн человек. Численность украинцев за счет их естественного прироста в течение 22 лет видимо возросла на 200 тыс. человек. При таких достаточно условных расчетах, но все же фиксирующих порядок величин, оказывается, что в 1937–1958 гг. численность русских в Закавказье, Средней Азии и Казахстане возросла за счет их миграции из России, Украины и Белоруссии на 1,8 млн че-

ловек, а численность украинцев – почти на 200 тыс. человек. В этих республиках значимой стала и численность белорусов, мигрировавших туда в военные и послевоенные годы.

Возможны два варианта расчета: первый – принимать всю численность русских, украинцев и белорусов, проживавших до войны на территории СССР, и второй – только ту их численность, которая приходилась на республики, бывшие в оккупации. Эти данные пересчитаны на 1937 г. Другой датой может быть 1959 г. – время проведения послевоенной переписи. Из сведений о численности русских, украинцев и белорусов в 1959 г. также могут не исключаться, или быть исключены цифры, относящиеся к 1937 г., о тех из них, кто проживал в Закавказье, Средней Азии и Казахстане. Во втором случае одновременно должен быть учтен и естественный прирост, приходящийся на весь межпереписной период (1937–1958 гг.) Иначе говоря, величина, принимаемая для расчетов, корректируется на миграционное сальдо. Поскольку гражданское население гибло лишь на тех территориях, которые находились в зоне боевых действий и в оккупации, то, очевидно, что для расчетов необходимы сведения о численности русских, украинцев, белорусов и лиц других национальностей, находившихся во время войны на оккупированных территориях. Такая информация с учетом всех необходимых поправок приведена в таблице 2.11.

Таблица 2.11

Численность русских, украинцев и белорусов, проживавших на территориях, бывших в оккупации

Национальности	1937 г. (млн чел.)		Население территорий, бывших в оккупации		1959 г. (млн чел.)		Темпы изменения: 1959 к 1937 г., %	
	I	II	млн чел.	%	I	II	I	II
Русские	93,9	89,9	34,1	38,1	108,9	103,7	1,16	1,154
Украинцы	32,5	31,8	31,8	35,5	36,9	36,0	1,135	1132
Белорусы	7,7	7,7	7,7	8,6	7,9	7,8	1,026	1,013
Другие	16,0	16,0	16,0	17,8	18,3	18,2	1,146	1,136
Всего	150,1	145,4	89,6	100,0	172,0	165,7	1,146	1,1136

В первом варианте расчетов принята численность населения данной национальности, проживавшего на всей территории Советского Союза, а во втором варианте – только в республиках, которые во время войны находились полностью или частично в оккупации. В численность украинцев, белорусов и других народов, проживавших на оккупированных территориях, включено население районов, присоединенных накануне войны (исходная цифра – 20,1 млн человек). В результате по состоянию на начало 1937 г. численность украинцев и белорусов, соответственно, была увеличена на 6,1 и 2,8 млн человек. Эти цифры распределяются пропорционально доле России в численности лиц данной национальности в целом по СССР в 1937 г. (табл. 2.12).

Таблица 2.12

Оценка потерь гражданского населения России в Великой Отечественной войне

Национальности	**Потери среди лиц данной национальности (млн чел.)**	**Доля лиц данной национальности среди жителей России (%)**	**Потери Россией лиц данной национальности в войне (млн чел.)**
Русские	6,9	0,912	6,3
Украинцы	6,5	0,095	0,6
Белорусы	1,7	0,045	0,1
Другие	3,2	0,113	0,4
Всего	18,3	X	7,4

В итоге получена цифра 7,4 млн человек. Это – потери только гражданского населения. Они включают три компоненты: а) гибель мирных жителей в районах боевых действий, в результате бомбардировок и артиллерийского обстрела населенных пунктов, карательных операций, проводимых противником, уничтожения населения в газовых камерах и т.д.; б) невозвращение части остарбайтеров и другого населения, добровольно или по принуждению, служившего оккупантам; и в) увеличение смертности населения сверх нормального уровня от голода и других лишений [27]. Последняя компонента нуждается в комментариях. Население, погибшее от голода, со-

стоит из двух частей. С одной стороны, от голода погибало население, оставшееся на оккупированных территориях, угнанное на принудительные работы и т. д., но с другой стороны, голод был и причиной повышенной смертности того населения, которое находилось вне досягаемости противника. Обе эти части составляют сверхсмертность населения. Погибшие от голода в блокадных городах, концлагерях, гетто и т.д. входят в прямые потери опосредованно – через гибель военнослужащих и гражданского населения. Сверхсмертность населения в тыловых районах заключена в общей смертности населения и отделить ее можно лишь условно.

Оценки численности населения, которое осталось по разным причинам за пределами страны, не только не велики по масштабам, но и отличаются не существенно. М.В. Филимошин считает, что из общего количества советских граждан, вывезенных на работу в Германию (примерно 5,3 млн человек), не возвратилось 451,1 тыс. [34, с. 126]. Согласно данным В.Н. Земскова, не возвращенцев было почти 0,5 млн человек [19, с. 5]. А.А. Шевяков их численность определяет в 688 тыс. [34, с. 180]. Это цифры одного порядка, тем более что относительно России они сократятся в разы. П. Поляном приводятся сведения о невозвращенцах, распределенных по национальностям. Нет необходимости доказывать, что русские – это в основном россияне. Невозвращенцев – русских из числа остарбайтеров и военнопленных – было чуть больше 30 тыс. человек [56, с. 392], хотя на долю выходцев из России среди остарбайтеров по разным оценкам приходилось 27,3, 31,8, 39,2 и 39,7% [56, с. 69]. Таким образом, число невозвращенцев в прямых потерях мирного населения составляет незначимую величину.

Следующий компонент прямых потерь – сверхсмертность населения. То, что в годы войны выросла смертность населения, неоднократно отмечали демографы, приводя соответствующие расчеты, об этом достаточно убедительно, подкрепляя свои суждения архивными данными, пишут многие историки [34]. Увеличение смертности, в т.ч. и в тыловых районах, объясняется тем, что резко ухуд-

шился и сократился рацион питания (нормы выдачи хлеба опустились до 200–400 грамм в сутки, хлеб, не вполне доброкачественный, часто оставался единственным продуктом, «отовариваемый» по карточкам). С началом войны, отмечает В.Ф. Зима, производство мяса сократилось в 2,5 раза, сахара – в 8 раз, хлеба – в 2 раза и т.д. [34, с. 160]. Не случайно, как уже отмечалось, во многих районах России (Читинская, Вологодская области, Татария, Мордовия и др.) и ряде тыловых республик отмечался массовый голод, имели место случаи каннибализма. В промышленности, на транспорте и других отраслях вместо ушедших на фронт мужчин стали работать женщины и дети. Интенсивность труда существенно увеличилась, хотя работу выполняли в большинстве полуголодные, истощенные люди. Ухудшилось медицинское обслуживание, многие медицинские работники, прежде всего квалифицированные врачи, ушли на фронт, исчезли лекарства и т.д. Положение одинаково стало плохим и в городе, и в деревне, на воле и в колониях, в европейской части страны и в Сибири. Смертность возросла повсеместно, причем и в результате того, что эвакуированное вместе с заводами население подселялось в переуплотненные и без того дома, бараки и квартиры, размещалось в неприспособленных к зимним условиям палатках, вагончиках, землянках, ютилось в антисанитарных условиях, в первое время было лишено такого источника продовольствия, как личное подсобное хозяйство. Ко всем тем факторам, которые обусловили рост смертности в тыловых районах, нужно прибавить, говоря о территориях, находившихся в оккупации, также такой фактор, как геноцид, т.е. преднамеренное создание условий для вымирания мирного населения. Об этом пишут многие, в частности А.А. Шевяков, М.В. Филимошин и др. [34].

Дать количественную оценку сверхсмертности в военные годы можно, используя для этого опубликованные сведения о фактической смертности населения в 1941–1945 гг. Они приводятся в статьях многих историков, среди которых: Н.А. Араловец, О.М. Вербицкая, В.Н. Земсков, В.Ф. Зима, И.П. Остапенко, А.А. Шевяков и др.

[34]. Несмотря на некоторую противоречивость приводимых указанными авторами данных, они тем не менее позволяют воссоздать динамику показателей смертности населения в военные годы для тыловых районов России. Так, во второй половине 1941 г. смертность увеличилась по отношению к первой половине в 1,2 раза. Эти данные относятся не только к России, но и к 8 тыловым союзным республикам [34, с. 133]. В четвертом квартале 1941 г. смертность возросла по отношению к первому кварталу в 1,3 раза [46, с. 101, 105]. Можно допустить, что в 1941 г. смертность возросла относительно 1940 г. в 1,2 раза.

На сопоставимой территории России в мае 1942 г. общие коэффициенты смертности населения были выше, чем в мае 1941 г. в 2 раза. Смертность городского населения тыловых районов в 1942 г. превысила уровень 1941 г. в 1,5 раза [34, с. 155–156]. В целом по России показатели смертности городского населения в 1942 г. были выше, чем в предыдущем году на 50% [34, с. 150]. В отличие от рождаемости, где максимальное падение ее уровня приходится на 1943 г., смертность всего значительнее возросла в 1942 г., когда ее уровень увеличился не менее чем в 1,5 раза. 1943 г. – начало снижения смертности. В этом году показатели смертности были выше, чем в 1941 г. лишь в 1,2 раза, а в 1944 г. стали даже ниже. Подобная динамика наблюдалась и в младенческой смертности. В 1942 г. в тыловых районах показатели смертности детей в возрасте до одного года возросли по отношению 1941 г. в 1,7 раза, в 1943 г. составили к уровню 1941 г. – 87% и в 1944 г. – 57% [34, с. 155–156]. По данным В.А. Исупова, младенческая смертность, снизившись в 1941 г., затем в 1942 г. возросла по сравнению с последним предвоенным годом в 1,5 раза [46, с. 101, 105]. Можно считать, что в два последних года войны показатели смертности населения были не выше, чем в 1940 г.

Приведем еще данные о динамике смертности населения в тыловых районах СССР, приняв показатель общий для городского населения страны в 1940 г. в качестве базового. Он был равен 20,5 про-

милле при 20,6 для всего населения Советского Союза. В 1941 г. смертность горожан увеличилась на 2,5%, в 1942 г. – в 1,6 раза, в 1943 г. – на 12% и в 1944 г. – снизилась на 22%. Динамика младенческой смертности выглядит соответственно: 1941 г. – 97,5% по отношению к 1940 г., 1942 г. – 167,6%, 1943 г. – 84,3% и 1944 г. – 55,1% [34, с. 156]. Исходя из приведенных фактических данных, можно установить следующие корректировочные коэффициенты: 1941 г. – 1,1, 1942 г. – 1,5, 1943 г. – 1,2, 1944 г. – 0,8, и 1945 г. – 0,6. Тогда общее число умершего населения в годы войны как естественной смертью, так и в результате голода и других лишений составит на всей территории России примерно 11,4 млн человек. Младенческая смертность из этого числа не должна вычитаться, поскольку она относится только к тем детям, которые родились в годы войны.

В довоенные 1936–1940 гг. общее число умерших составляло 11,0 млн человек, в т.ч. 3,8 млн детей в возрасте до одного года, в военные 1941–1945 гг. число умерших, относимое к «естественным» причинам, оценивается в 11,4 млн при возможной младенческой смертности в 1,4 млн и для 1946–1950 гг. цифры соответственно равны 5,7 и 1,3 млн человек. Согласно выполненным выше расчетам, естественная смертность в нормальных условиях, т.е. в случае отсутствия войны, составила бы 7,2 млн. Эта цифра соответствует общей динамике смертности в сравниваемые три пятилетия. Разность между той фактической смертностью населения, которая вероятно была в условиях войны (11,4 млн), и естественной смертностью, возможной при отсутствии войны (7,2 млн), представляет собой сверхсмертность. Она равна 4,2 млн человек. Сюда входит население, проживавшее как на оккупированных в годы войны территориях, так и в тыловых районах, как находившееся в блокадном Ленинграде, так и умиравшее от голода и лишений в концлагерях, гетто и других местах принудительного содержания. Остальные потери мирных граждан приходятся на убитых, расстрелянных, сожженных, повешенных и т.д. Их было, вероятно, – 3,2 млн человек.

Чтобы получить общие людские потери России в войне, к потерям гражданского населения нужно прибавить потери военнослужащих, приходящиеся на ее долю. Поскольку нами принята общая для СССР величина потерь военнослужащих, предложенная военным ведомством, то ничего иного не остается, как принять на веру и ту информацию, которая относится к распределению этих потерь по союзным республикам и национальностям. Подробные сведения о том и другом распределении приводятся в статье Г.Ф. Кривошеева [34, с. 71–81]. В этой и других его работах, включая и опубликованные под его редакцией, приводится подробный анализ потерь Вооруженных сил СССР в войне. Г.Ф. Кривошеев отталкивается от общей цифры потерь, в которую включаются: убитые, умершие от ран на этапах санитарной эвакуации и в госпиталях, осужденные на расстрел, умершие от болезней и несчастных случаев, пропавшие без вести и попавшие в плен, неучтенные потери первых месяцев войны. Сюда же входит и 0,5 млн военнообязанных, захваченных противником. Сумма по всем этим категориям составляет общие потери в 11,9 млн человек. После исключения из этой величины повторно призванных, вернувшихся из плена и указанные полмиллиона военнообязанных, остается цифра 8,7 млн человек – потерь военнослужащих. Г.Ф. Кривошеевым приводятся данные, как о распределении потерь по союзным республикам, так и по национальностям, что позволяет сопоставить данные военного ведомства о потерях военнослужащих, призванных в России, с расчетными, выполненными с помощью этнодемографического метода. Согласно сведениям, приводимым Г.Ф. Кривошеевым, на долю России приходится 7,9 млн погибших военнослужащих, что составляет 66,3% общих для СССР потерь. Но эта цифра берется не от 8,7 млн, а от безвозвратных потерь в 11,9 млн человек. Если принять, что доля России в потерях, составляющих 8668,4 млн так же равна 66,3%, то их величина составит 5,7 млн человек. При пропорциональном распределении потерь (доля России в населении СССР накануне войны была 56,4–56,8%) на ее долю пришлось бы 4,9 млн военнослужащих. Потери военно-

служащих, приходящиеся на долю России, можно посчитать и иначе, отталкиваясь от потерь лиц разных национальностей. Их оценка также дается военным ведомством. Для того чтобы пересчитать эти потери и оценить их величину для России, исходя из гибели лиц разных национальностей, применен и этнодемографический метод. Кстати, сопоставление результатов, дает возможность проверить правомерность применения этого метода оценки людских потерь (табл. 2.13).

Таблица 2.13

Оценка потерь военнослужащих, приходящаяся на долю России

Национальности	Людские потери СССР (тыс. чел.)	Доля лиц данной национальности – жителей России (%)	Людские потери России (тыс. чел.)
Русские	5747,1	0,912	5241,4
Украинцы	1376,4	0,095	130,8
Белорусы	251,4	0,045	11,3
Другие	1293,5	0,323	417,8
Всего	8668,4	X	5,801

Безвозвратные потери военнослужащих, относящиеся к России, полученные с помощью этнодемографического метода, составили, таким образом, 5,8 млн человек, т.е. на 0,1 млн больше, чем полученные путем пересчета данных о потерях России, приводимые в статье Г.Ф. Кривошеева. Это не столь большая разница, чтобы сомневаться в приемлемости пропорционального распределения безвозвратных потерь военнослужащих (8,7 млн человек) по национальной структуре общих потерь (11,9 млн).

Сделанная оценка людских потерь этнодемографическим методом дает приближенную величину людских потерь России в Великой Отечественной войне. Они составляют примерно 13 млн человек. Было бы наивно претендовать на большую точность при той исходной информации, которой можно располагать в настоящее время. В совокупных людских потерях доля России составляет 48,5%.

На долю остальных 14 союзных республик приходится 3 млн потерь военнослужащих. Шесть республик, территория которых длительное время находилась в оккупации, потеряли 10,9 млн мирного населения. В общей убыли населения СССР (с 1940 по 1951 г.) на долю Украины приходится 33%, Белоруссии – 10,1% и Прибалтики вместе с Молдавией – 2,6%. Эти цифры, на которых отразились результаты естественного и особенно миграционного движения населения в 1940–1950 гг., резко отличаются от распределения потерь мирного населения, полученного П. Поляном. По его расчетам, опирающимся на данные ЧГК, доля России составляет 10,8%, Украины – 52%, Белоруссии – 22,4% и т.д. [56, с. 8]. Даже гибель населения в Ленинграде (у П. Поляна – 642 тыс. человек) не очень влияет на эти пропорции. По его данным, Россия потеряла 1,3 млн человек мирного населения, тогда получается, что все другие республики недосчитались 17 млн, и это при условии, что численность их населения к началу 1951 г. сократилась лишь на 5,3 млн человек?!

В людских потерях Советского Союза в войне 1941–1945 гг. на долю России приходится 2/3 погибших военнослужащих и 2/5 – гражданского населения. Масштабы потерь России, как и распределение их между гражданским населением и военнослужащими (56 и 44%), не соответствуют подобному по СССР в целом (68 и 32%), а тем более – по остальным республикам (78 и 22%). Если общие потери России отнести к численности ее населения в 1940 г., то окажется, что они составляют 11,9%, при 13,9% по стране в целом. Однако потери военнослужащих по стране составляют 4,5%, а по России – 5,2%. Подобные сравнения для гражданского населения как отдельно, так вместе с военнослужащими, должны исходить из понимания того, что не вся Россия была в оккупации. Если исключить из совместных потерь военнослужащих и гражданского населения от сверхсмертности ту часть, которая приходится на тыловые районы, то получатся потери, относящиеся к населению районов, бывших в оккупации. Сравнительно населения, бывшего в ок-

купации, эти потери составят 20–21%, т.е. на территориях, временно захваченных врагом, погиб каждый пятый, включая и тех военнослужащих, которые были призваны в этих районах.

Масштабы людских потерь России, как и их распределение между мирным населением и военнослужащими, вполне объяснимы. Можно назвать несколько причин. Одна из них заключается в том, что война началась с западных рубежей Советского Союза, и сразу же боевые действия охватили территории, протянувшиеся от Баренцева до Черного моря. Первые потери понесли пограничные войска и военные округа, находившиеся в западной части страны: Ленинградский, Прибалтийский, Западный, Киевский и Одесский. Эти округа в значительной мере были укомплектованы призывниками из России. Округа уже в первый день войны были преобразованы в соответствующие фронты. Особенно большие потери понесли Северо-Западный и Западный фронты. В течение 3-го и 4-го кварталов 1941 г. потери Красной армии достигли 3 млн человек, или 99%, среднемесячного личного состава. Не легче оказался и 1942 г. Хотя потери равнялись 56,3% относительно среднемесячного числа военнослужащих, но в абсолютном выражении они составляли также 3 млн человек. За 1,5 года войны Красная армия потеряла 6 млн человек. Потери в последующие годы были намного меньше и последовательно сокращались, что было показано раньше.

До 1943 г. основную тяжесть потерь несла Россия. Ее доля в безвозвратных потерях Красной армии составляла: в 1941 г. – 65% от общесоюзных, в 1942 г. – 77,1% и в 1943 г. – 69,5%. В последующие годы, когда сражения, в основном, велись на территории Украины, Белоруссии, Прибалтики и Молдавии, а затем за пределами СССР, и когда началось пополнение Советской армии призывниками из освобожденных районов, доля России в безвозвратных потерях заметно упала: в 1944 г. – 51,8% и в 1945 г. – 50,9%. Таким образом, потери российских солдат приходятся на наиболее трудные годы кровопролитных в большей мере оборонительных боев, когда вооруженным силам страны был нанесен наибольший урон.

Вторая причина иных масштабов и структуры людских потерь в России в сравнении с другими республиками тесно связана с первой. Дело в том, что интенсивность призыва пополнений из России была в годы войны в целом выше, чем из других республик. Так, военными комиссариатами за годы войны было призвано 22,7% граждан России, около 17% – граждан республик Средней Азии и Закавказья, 12,5% – Украины и 12% – Белоруссии [34, с. 79]. Объяснений здесь несколько. Одни республики еще в 1943–1944 гг. полностью или частично находились в оккупации, в других был иной возрастной состав населения и уровень его социализации. Были и другие причины.

По данным Г.Ф. Кривошеева, в годы войны было мобилизовано в целом по Советскому Союзу 29,6 млн человек, что вместе с кадровыми военнослужащими составляло 34,5 млн человек. В России, по его же словам, каждый пятый надевал шинель, т.е., надо понимать, был призван на военную службу [34, с. 74]. Это означает, что доля России в числе призванных по стране составляла 84,5%. Удивительно, однако то, что потери военнослужащих относительно числа мобилизованных во всех остальных республиках равнялись 65,2%, а в России – 22,8%. Именно потому, что в России масштабы мобилизации были в 5,4 раза больше, чем в остальных республиках, на ее долю и пришлись основные безвозвратные потери вооруженных сил. Сказанное не соответствует тому, о чем говорится в книге «Братский боевой союз народов СССР в Великой Отечественной войне», в которой утверждается, что удельный вес воинов каждой национальности был пропорционален доле в населении страны [5, с. 177]. Приводимые в книге данные о национальном составе стрелковых дивизий, извлеченные из архивов Министерства обороны СССР, не подтверждают этот тезис. Так, в январе – июне 1943 г. в личном составе 166 стрелковых дивизий доля русских была 63,8–65,6% [5, с. 58]. Но ведь перед войной доля русских в населении страны составляла не более 50%.

В чем прав автор книги, так это в том, что по мере освобождения территории страны, доля украинцев, белорусов и некоторых других национальностей возрастала, а русских снижалась. В частности, в тех же стрелковых дивизиях в 1943 г. за период с 1 января по 31 декабря доля русских упала на 6,3 процентных пункта (64,6 и 58,3%), украинцев возросла почти в 2 раза (11,8 и 22,3%) и белорусов – с 1,9 до 2,7%. Это объяснимо: мобилизация стала проводиться на освобожденных территориях. Кто вместе с русскими еще в 1943 г. активно пополнял вооруженные силы, так это казахи, представители закавказских республик, да, пожалуй, киргизы. Понятно, что все, кто говорил о пропорциональном участии наций в освободительной войне советского народа, преследовали благородную цель. Но ложь остается ложью, даже если она объясняется благими намерениями.

К причинам большой гибели мирного населения, оставшегося в районах, оккупированных врагом, и находившегося в зоне боевых действий, относится то, что на российских территориях крупномасштабные сражения, по сути, проходили четырежды: Красная армия дважды отступала – в 1941 г. вплоть до Москвы и в 1942 г. – до Сталинграда, а гитлеровские войска вначале были отброшены от Москвы, а затем разгромлены под Сталинградом и в районе Курской дуги. Собственно, почти 2 года на российских территориях шли кровопролитные бои. Наибольшие потери Красная армия несла в летне-осенние кампании 1941 и 1942 гг. Населенные пункты по несколько раз переходили из рук в руки, многие из них просто уничтожались в результате бомбежек и артиллеристских обстрелов. Гибли солдаты, но ведь гибло и мирное население, остававшееся в поселениях. Существенный вклад в потери мирного населения внесла и многомесячная блокада Ленинграда.

Наконец, потери как гражданского населения на оккупированных территориях, так и военнослужащих, оказались для России, особенно среди русских, столь велики, вследствие той расовой политики, которую проводили фашисты в захваченных областях. Рус-

ские, как было показано выше, в наибольшей мере были представлены среди военнослужащих, и преобладали в мирном населении оккупированных районов России (96–98%). Из общих потерь военнослужащих на долю русских пришлось 66,3%, украинцев – 15,9%, белорусов – 2,9%, татар – 2,2%, евреев – 1,6% и т.д. [34, с. 79]. По данным, приводимым П. Поляном, в 1941 г. было захвачено врагом 58.3% общего количества пленных. Среди них преобладали, если исходить из структуры потерь, особенно первого этапа войны, выходцы из России. Из числа пленных 1941 г. дожило до победы только 20%, тогда как доживаемость пленных в 1944 г. составила 48% [56, с. 68]. Конечно, сказалось и большее время пребывания в плену, но главное – изменился состав пленных. Кстати, и из числа военнопленных и из тех, кто оказался на работах в Германии, невозвращенцев среди русских оказалось всего 31,7 тыс., среди украинцев – 144,9 тыс. и белорусов – 10,0 тыс. человек [56, с. 392]. Относительно числа угнанных на принудительные работы доля невозвращенцев составляет для России – 1,7%, для Белоруссии – 2,5% и для Украины – 6%. Отнесение количества невозвращенцев к потерям лиц тех же национальностей дает соответственно: 0,5%, 0,6% и 2,2%. И наконец, соотнесение невозвращенцев с числом репатриированных советских граждан выглядит так: 2%, 1,9% и 8,8%. Столь высокие проценты по Украине в значительной мере объясняются тем, что накануне войны в ее состав вошли западные территории, население которых, по сути, еще не было интегрировано в новые для него советские условия.

Отношение к русским со стороны оккупантов было намного хуже, чем, например, к украинцам. Сошлемся на П. Поляна, который в данном вопросе весьма далек от предвзятости. В своей книге, фундаментальной по объему собранного в немецких архивах материала, он пишет о том, что в начале войны нацистами ставка делалась на «превосходство» украинца перед русским. Военнопленных украинцев даже отпускали из плена, были и другие привилегии, отмененные в конце 1941 г. Конечно, не только украинцы,

но и ряд других народов: из стран Балтии, немцы Поволжья и особенно крымские татары, находились в более щадящем режиме, чем русские. Хуже, пожалуй, было только евреям, подлежавшим поголовному уничтожению. Подобная практика была связана с тем, что фашисты на первом этапе войны, рассчитывая на ее молниеносный характер, не были готовы к такому количеству пленных. Поэтому в 1941 г. было освобождено из плена 318,8 тыс. человек, в т.ч. – 277,8 тыс. украинцев. Вскоре, отказавшись от подобных мер, они вновь в 1943 г. к ним вернулись. Послабления были не только для украинцев, но и для лиц ряда других национальностей. В основном освобождались те, кто вступал в охранные и другие формирования. До мая 1944 г. было освобождено свыше 0,8 млн военнопленных. Таковы факты. Естественно, что народы Советского Союза не виноваты в том, что такая судьба выпала на долю России, прежде всего русского народа. Так получилось, что основные сражения первых этапов войны, когда особенно велики были потери, совершались на территории России. Никакие народы СССР не повинны в том, что нацисты, стремясь разрушить традиционную дружбу братских народов, проводили для этого дифференцированную расовую политику, не считая при этом ни русских, ни украинцев, ни белорусов полноценными нациями. Мы не говорим уже о своеобразной национальной политике собственно руководства СССР, и многом другом. Это все наша общая история, и она не должна ни искажаться, ни повторяться вновь.

Таким образом, людские потери России в Великой Отечественной войне могут быть оценены примерно в 13 млн человек. Это, считая от 27 млн – 48% всех потерь Советского Союза. В эту цифру входят потери военнослужащих (5,7 млн), гибель мирных жителей (3,2 млн) и сверхсмертность населения как бывшего в оккупации, так и находившегося в тыловых районах (4,2 млн).

Источники

1. Андреев Е., Дарский Л., Харькова Т. Оценка людских потерь в период Великой Отечественной войны // Вестник статистики. 1990. № 10.

2. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Демографическая история России: 1927–1959. М., 1998.

3. Аргументы и факты. 1990. № 13.

4. Аргументы и факты. 1990. № 19.

5. Артемьев А.П. Братский боевой союз народов СССР в Великой Отечественной войне. М., 1975.

6. Боярский А.Я. Население и методы его изучения. М., 1975.

7. Брежнев Л.И. Великая победа Советского народа. М., 1965.

8. Бреев Б.Д. Подвижность населения и трудовые ресурсы. М., 1977.

9. Валентей Д.И., Кваша А.Я. Основы демографии. М., 1989.

10. Вечерняя Москва. 1991. 8 августа.

11. Гареев М. Социально-политическое значение и цена Победы // Международная жизнь. 1994. № 9.

12. Гельфанд В.С. Население СССР за 50 лет (1941–1990). Пермь, 1992.

13. Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование / Под ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 1993.

14. Гурвич И.С. К вопросу о влиянии Отечественной войны 1941–1945 гг. на ход этнических процессов в СССР //Советская этнография. 1976. № 1.

15. Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг. – М.: Воениздат, 1968–1971.

16. Демографические последствия Великой Отечественной войны // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3. № 2.

17. Демографический энциклопедический словарь / По ред. Д.И. Валентея. М., 1985.

18. Документы русской истории // Приложение к журналу «Родина» 1994. № 5 (12).

19. Земсков В.И. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944–1956 гг.) //Социологические исследования. 1995. № 5.

20. Знамя. 1989. № 12.

21. Известия. 1990. 9 мая.

22. Ильенков С.А. Память о миллионах павших защитников Отечества нельзя предать забвению // Военно-исторический архив. 2001. № 7 (22).

23. Интервью тов. И.В. Сталина с корреспондентом «Правды» относительно речи г. Черчилля // Большевик. 1946. № 5.

24. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. Т. 2. М., 1961.

25. Итоги Второй мировой войны: Сб. статей / Пер. с немецкого. М., 1957.

26. Каминский Л.С. Потери в прошлых войнах (1756–1918). М.: Медгиз, 1947.
27. Кваша А.Я. О методике определения людских потерь в Великой Отечественной войне //Социологические исследования. 1990. № 1.
28. Кваша А.Я. Демографические потери СССР во Второй мировой войне // Вестник Московского университета. Серия «Экономика». 1993. № 4.
29. Книжное обозрение. 1988. № 8.
30. Книжное обозрение. 1991. № 19.
31. Козлов В.Н. О людских потерях Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов // История СССР. 1989. № 2.
32. Кожурин В.С. О численности населения СССР накануне Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1991. № 2.
33. Литературная газета. 1990. 31 января.
34. Людские потери СССР в Великой Отечественной войне. СПб., 1995.
35. Марианьский А. Современные миграции населения. М., 1969.
36. Михалев С.Н. Людские потери в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (статистическое исследование). Красноярск, 2000.
37. Моисеев М.А. Цена победы // Военно-исторический журнал. 1990. № 3.
38. Мунчаев Ш.М. Эвакуация населения в годы Великой Отечественной войны // История СССР. 1975. № 3.
39. Народное хозяйство СССР. 1922–1982. Юбилейный стат. Ежегодник. М. «Финансы и статистика». 1982
40. Народное хозяйство СССР в 1961 г.: Статистический ежегодник. М., 1962.
41. Народное хозяйство СССР: Статистический сборник. М., 1956.
42. Народное хозяйство СССР в 1962 году: Статистический ежегодник. М., 1963.
43. Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный статистический ежегодник. М., 1987.
44. Население СССР за 70 лет / Под ред. Л.Л. Рыбаковского. М., 1988.
45. Население и общество // Информационный бюллетень. 1995. № 5.
46. Население России в 1920–1950 годы: Численность. Потери. Миграции: Сборник научных трудов. М., 1994.
47. Население СССР. 1973: Статистический сборник. М.: Статистика, 1975.
48. Население СССР 1987: Статистический сборник. М.: Госкомстат, 1988.
49. Новая газета. 1999. 17 ноября.
50. Оценка военных потерь: поиски истины, невежество или предвзятость? / С. Максудов // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4. № 3.
51. Огонек. 1990. № 15.
52. Письмо Председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущева премьер-министру Швеции Т. Эрландеру (5 ноября 1961 г.) // Международная жизнь. 1961. № 12.

53. Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995.
54. Правда. 1990. 3 февраля.
55. Поиск. 1989. № 5.
56. Полян П. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе, и их репатриация. М., 1996.
57. Поляков Л.Е. Цена войны. Демографический аспект. М., 1985.
58. Правда. 1990. 25 ноября.
59. Перепись населения 1937 года. История и материалы / Экспресс-информация. Серия «История статистики». Выпуск 3-5 (часть II). М., 1990.
60. Рыбаковский Л.Л., Князев В.А., Захарова О.Д. Остарбайтеры: численность, здоровье и условия жизни в современной России. М., 1999.
61. Рыбаковский Л.Л, Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне. М.: Экон-Информ, 2010.
62. Рыбаковский Л.Л. Двадцать миллионов или больше? // Политическое образование. 1989. № 10.
63. Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947.
64. Советская культура. 1988. 3 октября.
65. Соколов Б. Цена Победы. Великая Отечественная. Неизвестное об известном. М., 1991.
66. Соколов Б.В. Правда о Великой Отечественной войне. СПб., 1998.
67. Соколов Б.В. О соотношении потерь в людях и боевой технике на советско-германском фронте в ходе Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1988. № 9.
68. Сталин И.В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. М., 1952.
69. Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963.
70. Харенберг Б. Хроника человечества. 2-е изд., доп. М.: Слово/ Slovo, 2000.
71. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 1999 г.: Стат. бюллетень. М., 1999.
72. Шевяков А.А. Гитлеровский геноцид на территориях СССР // Социологические исследования. 1991. № 12.
73. Шевяков А.А. Жертвы среди мирного населения в годы Отечественной войны. // Социологические исследования. 1992. № 11.
74. Экспресс-информация. Серия «История статистики». Выпуск 3-5 (часть 1). История населения СССР 1920–1959 гг. М., 1990.
75. Эрлихман В. Потери народонаселения в XX веке: Справочник. М.: Русская панорама, 2004.
76. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. 2009 г. URL: http//www.soldat.ru/news/1064.html.
77. URL: https://clck.ru/NBLnC (дата обращения: 10.02.2020).
78. URL: http://www.nnre.ru/istorija/srazhenija_vyigrannye_i_proigrannye_novyi_vzgljad_na_krupnye_voennye_kampanii_vtoroi_mirovoi_voiny/p14.php, обр.

79. Священная война. В.Н. Земсков. О масштабах людских потерь СССР в Великой Отечественной войне (в поисках истины). URL: https://www.politpros.com/journal/read/?ID=1571 (дата обращения: 27.06.2019).

80. Голотик С.И., Минаев В.В. Демографические потери СССР в Великой Отечественной войне: история подсчетов // Журнал Российского государственного гуманитарного университета. URL: http://www.nivestnik.ru/2007_2/33.shtml.

81. Первышин В.Г. Людские потери в Великой Отечественной войне // Вопросы истории. 2000. № 7. URL: http://annales.info/rus/small/poteri.html (дата обращения: 27.06.2019).

82. Кравченко А. Потери СССР и Германии в ВОВ. URL: http://topwar.ru/11444-poteri-sssr-i-germanii-v-vov.html.

83. URL: http://www.portalus.ru/modules/rushistory/rus_readme.php?archive=1309634993&id=1228071283&start_from=&subaction=showfull&ucat=7.

Раздел 3

ПРИЧИНЫ ГРОМАДНЫХ ПОТЕРЬ СОВЕТСКОГО НАРОДА И ФАКТОРЫ ЕГО ПОБЕДЫ В ВОЙНЕ 1941–1945 гг.

Глава 1

ЛЮДСКИЕ ПОТЕРИ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ И ДОЛЯ В НИХ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Великая Отечественная война была частью Второй мировой войны, как уже говорилось, союзники считали ее восточным фронтом. Одно из ее отличий от других частей Второй мировой войны состояло в том, что хотя советско-германское вооруженное противостояние длилась не с сентября 1939 г., а с июня 1941 г. и по продолжительности было меньше примерно на 22 месяца, тем не менее и за этот более короткий срок людские потери Советского Союза оказались не сопоставимыми не то, что с той или иной отдельно взятой страной, участницей мировой бойни, но и со всеми европейскими странами вместе взятыми, как входившими в гитлеровский блок, так и противостоящими ему. Сразу заметим, что громадность военных потерь Советского Союза – это не специфика страны, о чем свидетельствует хотя бы соотношение потерь России и других воевавших стран в Первой мировой войне, продолжитель-

ность которой не отличалась от восточной части Второй мировой войны. В годы Первой мировой войны было мобилизовано в вооруженные силы воевавших стран примерно 70–74 млн человек, из которых погибло 9,5–10 млн, или 13,5–14%, от числа мобилизованных. В России было мобилизовано 12 млн и погибло 1,7 млн, т.е. также примерно 14%. Для всех остальных стран эта цифра в среднем чуть больше – 13,5%. Из числа мобилизованных в Германии погибло 16,4%, в Австро-Венгрии – 15,4%, во Франции – 16,7%, в Италии – 12% и в Великобритании – 10,1% [41]. Процент потерь, по сути, одинаковый, хотя величины потерь немного отличаются. Так, за годы войны Франция потеряла 1,4 млн человек, Великобритания – 0,9 млн, а совокупно страны Антанты лишились 5,2 млн человек, в которых доля России была примерно 33%. Германия потеряла 1,8 млн, Австро-Венгрия – 1,2 млн, а все страны блока – 3,4 млн человек.

Хотя Вторая мировая война, эта самая значительная по результатам и последствиям человеческая драма, закончилась 75 лет назад, тем не менее до настоящего времени существуют различные оценки людских потерь, приходящихся на эту войну. Нижней границей этих потерь еще три десятка лет назад называлась цифра в 50 млн человек. Эта цифра возникла в то время, когда потери Советского Союза оценивались в 20 млн человек. В более поздние годы стало справедливо считаться, что в течение Второй мировой войны погибло от 55 до 62 млн человек [24, с. 160]. Нижняя граница числа погибших в 55 млн человек, из которых 16 млн относятся к военнослужащим, приводится в немецких источниках [11]. Бодо Харенберг в «Хронике человечества», распределяя людские потери по странам мира, пишет, что во время «Второй мировой войны погибло около 60 млн человек» [24, с. 971]. Распределение людских потерь европейских стран во Второй мировой войне задолго до этого представил также Гельмут Арнтц [11]. В этих двух источниках, публикация которых отделена полувеком, величины потерь по некоторым странам заметно отличаются. В таблице 3.1 приводятся более поздние сведения о потерях, взятые из работы Бодо Харенберга.

Отсутствующие страны, а также для некоторых из них распределение дополняется из публикации Г. Арнца [24, 11].

Таблица 3.1

Людские потери стран, в той или иной мере участвовавших во Второй мировой войне

№ п/п	Страны	Потери, тыс. человек			Доля потерь, в %		Население, млн человек	Доля потерь в населении, в %
		все потери	в/с*	г/н**	в/с*	г/н**		
1	Германия	5250	4750	500	90	10	69,8	7,5
2	Италия	415	330	85	80	20	43,8	0,9
3	Венгрия	420	140	280	33	67	9,3	4,5
4	Румыния	460	200	260	43	57	15,9	2,9
5	Финляндия	84	82	2	98	2	3,7	2,3
6	Болгария	20	10	10	50	50	6,3	0,3
	Австрия	334	230	104	69	31	6,7	5,0
	Всего	**6983**	**5742**	**1241**	**82**	**18**	**155,5**	**4,5**
7	СССР	27000	8700	18300	32	68	194,1	13,9
8	Великобритания	386	324	62	84	16	48,2	0,8
9	США	259	259	-	100	-	132,1	0,2
	Всего	**27645**	**9283**	**18362**	**34**	**66**	**374,4**	**7,4**
10	Франция	810	340	470	42	58	39,8	2,0
11	Нидерланды	210	12	198	6	94	8,9	2,4
12	Бельгия	88	12	76	14	86	8,3	1.1
13	Чехословакия	365	150	215	59	41	14,7	2,5
14	Греция	160	20	140	13	87	7,3	2,2
15	Дания	1,4	0,4	1	29	71	3,8	0,04
16	Норвегия	10	6	4	60	40	3,0	0,3
17	Люксембург	5	4	1	80	20	0,3	1,7
	Всего	**1649,4**	**544,4**	**1105**	**33**	**67**	**86,1**	**1,9**
18	Польша	6020	320	5700	5	95	35,1	17,2
19	Югославия	1690	410	1280	24	76	15,8	10,7
	Всего	**7710**	**730**	**6980**	**9**	**91**	**50,9**	**15,1**
20	Китай	11800	6400	5400	54	46	508	2,3
21	Япония	1800	1200	600	67	33	72,5	2,5

* военнослужащие

** гражданское население

Людские потери европейских стран, приведенные в таблице 3.1, близки к 36 млн человек. Если их сложить с людскими потерями США, таких, формально считавшихся нейтральными сравнительно крупных европейских государств, как Испания, Португалия, Швеция, Швейцария и Турция, а также стран, входивших в Британскую империю, то они все равно не превысят 37 млн человек (потери Австралии, Новой Зеландии, Канады, Южно-Африканского Союза и Индии суммарно составили 119 тыс. [25, с. 133]. В этих потерях доля Советского Союза достигнет 73–75%. Наконец, если в общий список включить Китай, Японию и другие азиатские и африканские страны, так или иначе участвовавшие во Второй мировой войне, то тогда общие для всего мира людские потери достигнут 55–60 млн. Это, конечно, снизит удельный вес Советского Союза в людских потерях, но он все равно останется на уровне, близком к 50%. В этой цифре заложена принципиальная разница между тем, как людские потери распределялись между странами-участницами в Первой и Второй мировых войнах. В общих людских потерях в Первой мировой войне доля России (до 1917 г. – Российская империя) и во Второй мировой войне, доля, образованного на ее территории государства, ставшего с 1922 г. Советским Союзом, отличаются в разы: 17–18% и 45–49% (для 55 и 60 млн).

В Первой мировой войне ни одна из воющих стран не ставила перед собой задачу уничтожения гражданского населения. В отличие от той войны, в которой погибали в основном военнослужащие (на долю гражданского населения из 9,5–10 млн человек пришлось всего 0,5 млн), во Вторую мировую войну большая часть людских потерь приходится на гражданское население. Военнослужащих погибло 2/5 и гражданских лиц – 3/5. Цифры потерь военнослужащих и гражданского населения для стран, включенных в таблицу 3.1, составляют 24 и 34 млн человек. Доля Советского Союза в потерях военнослужащих равна 36–37%, тогда как в потерях гражданского населения она составляет 53–54%. Чтобы ответить на вопрос, почему на долю Советского Союза приходятся такие колоссальные людские потери и осо-

бенно так много погибшего гражданского населения, нужно, по крайней мере, сопоставить три группы цифр, приводимых в таблице 3.1.

Начнем с цифр, относящихся к потерям военнослужащих. Основные потери военнослужащих, а это в абсолютном большинстве мужчины, приходятся на Советский Союз и Германию. У этих двух стран общие потери военнослужащих составили почти 14 млн. Потери Советского Союза превышают германские в 1,8 раза (8,7 и 4,75 млн). Одно из объяснений этого превышения принадлежит российскому генералу В.В. Гуркину: во «…многих публикациях сравниваются несоразмерные величины. У противника берутся потери солдат и офицеров фашистской Германии (без ее союзников и граждан других государств, воевавших на стороне Германии), а у Советского Союза – безвозвратные потери всего населения…» [9]. Это объяснение справедливо, если иметь в виду, что союзники Германии сражались не только на советско-германском фронте (особенно это относится к Италии и Болгарии) и к тому же не все время войны (в ее конце некоторые из них перешли на сторону антигитлеровской коалиции). Кроме того, какая-то часть потерь немецких, итальянских и некоторых других вражеских войск должна быть отнесена на долю Великобритании, США и участников движений сопротивления, включая и Освободительную армию Югославии и т.д. Несмотря на сказанное, тем не менее основная часть потерь Германии – это следствие ее войны с Советским Союзом. Большинство оценок потерь немецких войск на советско-германском фронте находятся в диапазоне от 70 до 90% всех потерь.

Но имеются еще две другие причины более значительных потерь военнослужащих Советского Союза по сравнению с гитлеровской Германией. *Первая из них – внезапное нападение на неподготовленную к обороне страну*, с необстрелянными красноармейцами и т.д. Вот что по этому поводу пишет К.К. Рокоссовский: «Нанесенный врагом неожиданный удар огромными силами и его стремительное продвижение вглубь территории на некоторое время ошеломили наши не подготовленные к этому войска. Они подверглись шоку. Чтобы

вывести их из этого состояния, потребовалось длительное время» [13]. В течение 1941 г. безвозвратные потери советских войск составили 98,9% к среднемесячной численности военнослужащих. В первые шесть месяцев боев без вести пропало почти 3 млн человек из 5 млн, приходящихся на все годы войны [16]. Особенно болезненным для Красной армии был 3-й квартал 1941 г. В июле – сентябре безвозвратные потери советских войск составили свыше 2,1 млн человек. Позже цифры потерь, превышавшие всего один миллион человек, были лишь дважды: в 4-м квартале 1941 г. (1,0 млн) и 3-м квартале 1942 г. (1,2 млн). В последующем потери чуть больше, чуть меньше одного миллиона приходились на целые полугодия.

Если бы Советский Союз готовился к обороне, своевременно укрепил границы, отрабатывал взаимодействие войск и пограничников и предпринял многое другое, что нужно делать в таких случаях, то не произошло бы того, что произошло. На преодоление шока, судя по всему, ушло не менее полгода. Но преодолев его, Красная армия стала сражаться с гитлеровскими полчищами на равных. Так, немцы под Москвой в течение трех недель (с 6 по 27 декабря 1941 г.) потеряли убитыми 120 тыс. человек. Безвозвратные потери Красной армии вместе с необученными ополченцами за четыре недели боев под Москвой (с 3 декабря 1941 г. по 7 января 1942 г.) составили 140 тыс. человек. Другой пример из того же источника. В Сталинградской битве советская сторона потеряла убитыми, ранеными и пропавшими без вести 480 тыс. человек, а немцы и их союзники – 800 тыс. человек [15, с. 388].

В число 8,7 млн погибших советских военнослужащих входят не только убитые в сражениях и умершие от ран, но и те, кто погиб, будучи взят в плен. Имеются разные цифры попавших в плен советских солдат и офицеров и не меньшее количество погибших среди них. Приведем две оценки. Так, Генеральным прокурором СССР Р.А. Руденко названо 3,9 млн человек советских военнопленных, замученных и истребленных на оккупированной территории. В свою очередь П. Полян, исходя из цифры в 5,7 млн советских военноплен-

ных, считает, что в живых осталось к концу войны самое большее 2,4 млн. Таким образом, остальные 3,3 млн человек (или 57%) умерли или погибли в плену, причем около 2 млн – до февраля 1942 г. [10]. В Первую мировую войну из 3,4 млн военнослужащих русской армии, захваченных Германией и ее союзниками, вернулось домой 94%. В отличие от этого в годы Великой Отечественной войны доля погибших военнопленных в безвозвратных потерях Вооруженных сил Советского Союза составила почти 40%. Из советского плена вернулось 75% немецких пленных. Доля погибших немецких пленных не превышала 14% всех потерь вермахта, т.е. была втрое меньше, чем доля погибших пленных Советской армии. Очевидно, что без 3–4 млн уничтоженных военнопленных, советские потери не сильно бы отличались от германских, учитывая, что Красная армия вела сражения также с финнами, румынами, венграми и итальянцами, да и сворой добровольцев из многих европейских стран и теми бывшими советскими людьми, которые предали свою родину. Только потери сателлитов Германии на советском фронте достигли 850 тыс. человек.

Другая составляющая людских потерь – гражданское население. Огромная гибель гражданского населения, как уже говорилось, – особенность Второй мировой войны. Население СССР и другие славянские народы, в т.ч. поляки и югославы (не все, а только славяне) были провозглашены «низшей расой» и подлежали уничтожению, как и евреи. В 1939–1945 гг. было уничтожено от 4 до 6 млн евреев, в т.ч. в Польше – 2 350 тыс. человек, на оккупированной территории СССР – 700 тыс., Чехословакии – 233 тыс., Румынии, Венгрии и Германии – 540 тыс., Голландии и Франции – 164 тыс., в Австрии, Греции, Югославии, Бельгии Италии – свыше 200 тыс. человек [47, с. 971]. В трех странах – Польше, Югославии и СССР – было уничтожено свыше 3 млн евреев, или 75%, от их числа погибших во всей Европе.

Помимо евреев погибло также по разным причинам (бомбежки, прямое уничтожение гражданских лиц участников сопротивления, партизан, заложников и других, в т. ч. стариков, женщин и детей) свыше 22,6 млн человек. В их числе 21,9 млн гражданских лиц Совет-

ского Союза, Польши и Югославии, трех в то время самых крупных славянских государств [24, с. 971]. Доля этих трех стран в общем числе погибшего гражданского населения европейских стран составила примерно 97%. В СССР – это русские, украинцы и белорусы, в Польше – поляки, в Югославии – в основном сербы (по разным источникам их в числе погибших в Югославии – 1/3). Надо признать, что *холокост, осуществляемый фашистами в отношении евреев, только более масштабный, проводился и в отношении славянского населения.*

Для уничтожения гражданского населения и пленных фашисты создавали концлагеря с крематориями и газовыми камерами. Только в Освенциме погибло от рук фашистов почти 4 млн человек [24, с. 971]. Военнопленные и гражданское население уничтожались по политическим и расовым мотивам. Уничтожалось население разных национальностей, среди которого были и те, кто боролся с оккупантами (партизаны, подполье, сопротивление и пр.), и те, кто находился во фронтовой, да и прифронтовой полосе (артиллерийские снаряды и авиабомбы не разбирались кто солдат, а кто мирный житель), и те, кого угоняли в неволю и т.д. Надо сказать, что, в отличие от гитлеровской Германии, союзники не создавали концлагеря с газовыми камерами. Тем не менее применение в больших масштабах современных вооружений союзниками после открытия второго фронта, особенно к концу войны, также вело к огромным потерям гражданского населения Германии. Так, при бомбардировке Гамбурга, продолжавшегося 9 дней, союзники сбросили на город 9 тыс. бомб. В результате уничтожили 40 тыс. жителей и 4/5 всего жилья. В феврале 1945 г., т.е. в самом конце войны англичане и американцы с вечера до утра бомбили Дрезден, который должен был войти в советскую зону оккупации. На город сбрасывали бомбы в т.ч. и зажигательные, американцы применили напалм, все горело, а тех, кто пытался спастись, с самолетов расстреливали из пулеметов и пушек. Это была преднамеренная бойня перед капитуляцией, чтобы устрашить СССР. Как следствие, было уничтожено 35,5 тыс. зданий и погибло более 135 тыс. мирных жителей. Для Германии –

это свыше четверти всех потерь гражданского населения, приходящегося на 68 месяцев войны (сентябрь 1939 – май 1945 г.). Согласно другому источнику, в это злополучное 13 февраля 1945 г. в результате налета авиации союзников погибло 250 тыс. жителей.

В Японии за годы войны погибло примерно 600 тыс. человек гражданского населения. Это – 1/3 всех людских потерь. В эти потери входит также гражданское население, погибшее 6 и 9 августа 1945 г. в городах Хиросима и Нагасаки в результате американских атомных бомбежек. Считается, что от этого первого в человеческой истории применения в войне двух по теперешним меркам не очень мощных атомных бомб погибло от 150 до 250 тыс. мирных японцев. На два дня из всех 1365 дней, которые длилась война между Японией и США, приходится примерно 1/3–1/4 часть всех потерь гражданского населения. Оправдывая свой варварский поступок, американцы говорили, что бомбы были сброшены на Хиросиму и Нагасаки, унесшие 300 тыс. гражданского населения, для того, чтобы спасти жизнь тысячам американских солдат. Скорее всего, это было сделано для устрашения Советского Союза.

Во всем мире в результате Второй мировой войны, исключая Советский Союз, гражданского населения погибло 16 млн человек (34 – 18 млн). Из них на долю погибших граждан европейских стран приходится 10 млн. В них входят 5,7 млн погибших гражданских лиц в Польше и 1280 тыс. – в Югославии, т.е. почти 7 млн человек. Остальные 3 млн – это граждане стран, разгромленных и остававшиеся в оккупации все годы Второй мировой войны, Германии, ее союзников, а также Великобритании и США. Потери гражданского населения Польши и Югославии достигли 14%, тогда как всех остальных стран (без США) – были в пределах 0,8% (в следующей главе при анализе причин огромных потерь Советского Союза дается и объяснение этим несоразмерным с другими странами потерям гражданского населения Польшей и Югославией).

В Советском Союзе соотношение погибшего гражданского населения к военнослужащим составляет 2/3 и 1/3. Среди всех погиб-

ших гражданских лиц во Второй мировой войне на долю Советского Союза приходится 55% (эта цифра для СССР среди европейских стран равна почти 58%). Потери гражданского населения составили в Польше 95%, в Югославии – 76%, во Франции – 58%, в Нидерландах – 94%, в Греции – 88% и в Бельгии – 86%. Такой процент потерь гражданского населения для Польши и Югославии связан с оказываемым сопротивлением оккупантам (особенно это относится к Югославии) и с геноцидом еврейского населения, осуществлявшимся фашистами. В Польше за все время оккупации на долю евреев приходится свыше 40% всего погибшего гражданского населения. В отличие от Польши и Югославии, такие высокие цифры потерь гражданского населения в четырех последних странах – это следствие того, что там практически не было сколько-нибудь серьезного сопротивления фашистам и потому военнослужащих погибло немного. Доля погибшего гражданского населения в Германии составила 9–10%, в Италии соответственно – 20% и в Венгрии – 67%. Там бои были особенно ожесточенными. Добавим, что в странах-союзниках СССР во Второй мировой войне, в Великобритании и США соотношения между потерями гражданских лиц и военнослужащих равны 16 и 84% – в первом случае и 0 и 100% – во втором [24, с. 971].

Еще одна особенность Второй мировой войны в том, что участники фашистского блока в отличие от антифашистской коалиции несли сравнительно одинаковые потери. За исключением Италии, которая вела непродолжительные боевые действия с США и Великобританией на собственной территории (потери ее населения были ниже 1%) и Болгарии, которая не участвовала в сражениях не то что с СССР, но даже и с другими участниками антигитлеровской коалиции, у всех остальных доля потерь населения сравнительно близка. Она составляет 7,5% в Германии, 5% – в Австрии, 4,5% – в Венгрии и вдвое меньше у тех, которые с наступлением советских войск порвали с Германией и выступили против нее.

Иное дело людские потери в основных трех странах, входивших в антигитлеровский блок (СССР, США и Великобритания), которые в

целом составили 27 645 тыс. человек. Доля Советского Союза в этих потерях – 97–98%. Если людские потери Великобритании, сражавшейся с гитлеровской Германией с сентября 1939 г., т.е. на 22 месяца больше, чем Советский Союз, относительно численности ее населения составили всего 0,8%, а США и того меньше – 0,2%, то СССР потерял почти 14% своего населения. Великобритания вместе с доминионами и колониями потеряла не более 500 тыс. человек. Это относительно населения Британской империи всего-то 0,1%.

О потерях США следует сказать особо. Все людские потери США во Второй мировой войне равны 259 тыс. военнослужащих. Потерь среди гражданских лиц нет вовсе. Соединенным Штатам, прежде всего, в силу ее географического положения и геополитического статуса на американском континенте (там они по своей силе и бог, и царь) крупно повезло. На материковую часть США за всю ее историю не упала ни одна бомба, тогда как в Европе нет стран, не переживших бомбежки уж, по крайней мере, во время Второй мировой войны. Это относится и к ряду азиатских стран, причем одну из них американцы «познакомили» и с атомной бомбой. Уже более 150 лет как на территории США не было также слышно артиллерийской канонады. США – это страна с минимальными людскими потерями: в двух мировых войнах она потеряла менее 350 тыс. человек. За время общечеловеческой трагедии такое, как Вторая мировая война, США не только сохранили свои позиции в мире, созданные еще в годы Первой мировой войны, но и значительно укрепили их, нажившись на бедах и трудностях других государств. США стали самой богатой страной в мире. Население США ни в годы Первой, ни в годы Второй мировой войны не испытывали таких трудностей, как граждане других реально воевавших стран, в числе которых Великобритания, Франция, Италия, Германия, не говоря уже о Советском Союзе. Те «трудности», которые испытывало американское население в годы войны, описал Илья Эренбург. Он вспоминает, что в разговоре с ним, одна американка сказала, что США во время Второй мировой войны терпели лишения. Так она с большим трудом купила

мужу белую рубашку, т.к. всюду продавали только кремовые и бежевые. Из-за этих «лишений» для США стало нормой: чужая жизнь копейка, собственная – бесценна. Американское население не сталкивалось напрямую с фашистскими или японскими войсками, гибли только военнослужащие, находившиеся далеко от родных мест, в самих же Штатах все было мирно и спокойно. Эта особенность США точно подмечена Зб. Бжезинским, по мнению которого преимущество США в том, что не война приходила в Америку, а американцы уходили на войну. Видимо, этим и объясняется воинственное настроение многих современных высокопоставленных деятелей США, подогреваемое тем, что по окончании Второй мировой войны США также вели все свои сражения, будь то Корея, Вьетнам или Югославия, Ирак и Ливия далеко за пределами собственной территории.

В таблице 3.1 приводятся данные об удельных весах потерь в численности населения стран, участвовавших во Второй мировой войне. Наибольшая доля людских потерь приходится на три славянских государства: Советский Союз – 13,9%, Польшу – 17,2% и Югославию – 10,7%. Если исключить уничтоженное фашистами еврейское население в Польше, то доля погибших относительно населения Польши составит 10,5%. Столь высокие проценты потерь связаны с тем, что гитлеровцы, развязывая войну, поставили основной задачей уничтожение миллионов и миллионов советских людей, прежде всего русских, белорусов и украинцев. Вместе с тем поляки и югославы (в первую очередь сербы) также попали в то число славян, уничтожением которых бредил Гитлер. Из общего числа этих народов вместе с теми, кто с ними проживал в одной стране, было уничтожено почти 35 млн человек (это свыше 70% того числа, которое было намечено фюрером). На долю трех славянских стран (СССР, Польша и Югославия) приходится 3/5 всех людских потерь во Второй мировой войне. Значительно меньше потеряли Великобритания, находившаяся в войне с гитлеровским блоком с 1940 г., и даже Франция, бывшая в оккупации после ее разгрома в том же году. Численность населения Франции или Великобритании больше, чем Польши, на 14 и 37%,

а людские потери меньше соответственно в 7,4 и 15,6 раза. Относительно Югославии численность населения Франции и Великобритании больше в 2,5 и 3,1 раза, а потери составили меньше в 2 и в 4,4 раза. Наконец, численность населения Франции и Великобритании была накануне войны меньше, чем Советского Союза всего в 2,2 раза, а величина людских потерь оказалась меньше в 22 раза!

В результате Второй мировой войны в послевоенной численности и структуре населения воевавших стран произошли существенные сдвиги (табл. 3.2).

Таблица 3.2

Изменение доли европейских стран в их общей численности населения в 1950 г. по сравнению с 1940 г.

Страны Европы	Численность населения, тыс. человек		Изменение численности населения в 1950 г. к 1940 г.	
	1940 г.	1950 г.	в млн человек	в %
Великобритания	48,2	50,6	2,4	105,0
Франция	39,8	41,7	1,9	104,8
Нидерланды	8,9	10,1	1,2	113,5
Бельгия	8,3	8,6	0,3	103,6
Греция	7,3	7,6	0,3	104,1
Дания	3,8	4,3	0,5	113,2
Норвегия	3,0	3,3	0,3	110.0
Югославия	15,8	16,3	0,5	103,2
Польша	35,1	24,8	-10,3	70,7
Чехословакия	14,7	12,4	-2,3	84,4
Итого	169,1	179,7	10,6	106,3
Германия	81,0*	66,2	-14,8	81,7
Болгария	6,3	7,3	1,0	115,9
Венгрия	9,3	9,3	0,0	100,0
Румыния	15,9	16,3	0,4	102,5
Италия	43,8	46,8	3,0	106,8
Австрия	6,7	6,9	0,2	103,0
Финляндия	3,7	4,0	0,3	108,1
Итого	166,7	156,8	-9,9	94,1
СССР	194,1	178,5	-15,6	92,0
в т.ч. Россия	110,1	101,4	-8,7	92,1

Источник: [19, с. 26].

* 1937 г. до включения в Германию других территорий.

За прошедшее с 1940 г. десятилетие, включающее и годы войны, в Великобритании численность населения увеличилась на 2,4 млн. Остальной прирост в группе стран, захваченных Германией и ей сопротивлявшихся в той или иной мере, составил 8,2 млн человек и это притом, что население Польши и Чехословакии уменьшилось (частично в связи с депортацией немцев) на 12,6 млн. Если исключить эти две славянские страны из общего списка тех, кто был захвачен Германией (часть из них продолжала сопротивляться) или находится с ней в состоянии войны (Великобритания), то численность населения у этой группы стран за десятилетие возросла на 23,2 млн, или на 19,4%. За тот же период население стран, входивших в фашистский блок, сократилось на 9,9 млн человек, но если из него исключить Германию, то окажется, что население этой группы стран возросло на 4,9 млн человек, или на 5,7%. Среди приведенных в таблице стран (исключив СССР) четыре относятся к славянской группе. Болгария, воевавшая на стороне Германии, нарастила свое население, как и Югославия, где одна часть страны вела кровопролитную борьбу с фашистскими оккупантами, а другая сражалась на ее стороне, увеличила свое население на 0,5 млн человек (на 3,2%). В Чехословакии население сократилось по разным причинам. Польша в этом отношении оказалась самой пострадавшей. В целом же в этой группе, в разной мере славянских стран, за десятилетие численность населения уменьшилась на 11,1 млн человек, а доля этих стран среди перечисленных в таблице уменьшилась с 21,4% в 1940 г. до 18,1% в 1950 г. Цифры эти станут еще более значительными, если в них включить уменьшение населения России, Украины и Беларуси. По этим в те годы союзным республикам имеются официальные данные о численности населения на начало 1940 и 1951 г. В 1951 г. численность населения была ниже, чем в 1940 г. в России на 7,2 млн, в Украине – на 4,1 млн и в Беларуси – на 1,3 млн человек (к уровню 1940 г. – 93,5, 90,0 и 85,7% соответственно). Численность населения в Югославии, Польши, Чехословакии, Болгарии, России, Украины и Беларуси в начале 50-х гг. по

сравнению с 1940 г. суммарно оказалась меньше на 24–26 млн человек. Доля этих стран среди тех, которые перечислены в таблице 2 сократилась на 3,5 процентных пункта, что заметно изменило этническую структуру населения Европы. Но не это главное, а то, что спустя 45–50 лет по завершении Второй мировой войны славянский мир, освобождение которому принес Советский Союз, оказался еще более расколотым, чем это было до ее начала.

Подытоживая анализ людских потерь, включая военнослужащих и гражданское население, относящихся как ко Второй мировой войне, так и к Первой мировой войне, можно сделать ряд обобщающих выводов.

Во-первых, общие потери во Вторую мировую войну были многократно большими, чем в Первую мировую войну. Если принять оценки в 60 и 10 млн человек, то различие составляет 6 раз, а при 55 и 9,5 млн человек – 5,8 раза. Если даже из общих потерь (60 и 10 млн человек) исключить Советский Союз и царскую Россию (27 и 1,7 млн), то окажется, что в Первую мировую войну погибло 8,3 млн и во Вторую мировую войну – 33 млн человек, т.е. в 4 раза больше. В Первой мировой войне из каждых 7 мобилизованных погибал только один военнослужащий, а во Второй мировой войне погиб каждый четвертый. Если потери России в Первой мировой войне можно сравнивать по отдельности с любой другой страной, то во Второй мировой войне потери Советского Союза можно сопоставить только с потерями всех ее участников вместе взятых.

Во-вторых, доля погибшего гражданского населения в Первую мировую войну составляла 5% (10 млн всего и 0,5 млн гражданские лица), тогда как во Вторую мировую войну – 59%. В первом случае число погибших военнослужащих больше, чем гражданского населения в 20 раз, во втором случае гражданских лиц погибло больше, чем военнослужащих в 1,4 раза. Если исключить Советский Союз из погибшего гражданского населения, то его останется на остальные страны 16 млн человек, или менее 50% всех потерь гражданских лиц (остальные свыше 50% приходятся на СССР). Тот же ре-

зультат для военнослужащих будет – 15 млн из 24 млн (свыше 60%). Из всех потерь военнослужащих доля Советского Союза – около 40%. Для всех европейских стран (без СССР) численность погибших гражданских лиц превышает потери военнослужащих на 7%, тогда как для Советского Союза – в 2 раза (18 и 9 млн).

Оба этих вывода во многом объясняют природу огромных потерь Советского Союза на Восточном фронте Второй мировой войны, или в Немецко-советской войне, как называли ее бывшие наши временные союзники и наши враги. Для советских людей, для народа России эта война как была, так и осталась Великой Отечественной войной.

Глава 2

ПРИЧИНЫ СТОЛЬ МАСШТАБНЫХ ЛЮДСКИХ ПОТЕРЬ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Столь значительные людские потери, в т. ч. гражданских лиц, как, собственно, и уменьшение численности населения отнюдь не является следствием того, что Советскому Союзу пришлось вести активные боевые действия длительное время на собственной территории. Многие страны (Франция, Нидерланды, Бельгия, Греция и др.) еще большее время находились в оккупации. Но потери Советского Союза составили 13,9% довоенной численности населения, а этих стран соответственно 2,0, 2,4, 1,1 и 2,2%. Причины – в другом. Среди них есть и схожие с теми, что были у целого ряда стран, участвовавших во Второй мировой войне, но есть и специфически присущие только народам СССР и в какой-то мере еще двум славянским странам. В материале, размещенном в интернете под заголовком «Взгляд русских эмигрантов на День Победы» (автор А. Некрич), приводится вполне объективное, хотя и со смещенным акцентом, представление о том, в чем были причины огромных потерь советской страны в войне с фашистской Германией. Приведем дословно это объяснение: «…эти потери определялись тремя основными факторами: жестокостью немецких захватчиков, преследовавших политику уничтожения советских военнопленных, а их было до 5 миллионов, и политикой геноцида и голода, проводимой на оккупированных нацистами советских территориях. Вторым фактором была сама война с сопутствующими ей несчастьями – бегством и

эвакуацией мирных жителей, болезнями, обнищанием населения. Третьим фактором была жестокость самой советской системы, просчеты, ошибки и преступления, совершенные высшим советским политическим и военным руководством» [42]. Наше современное представление о причинах огромных потерь советских людей в Великой Отечественной войне в чем-то совпадает с процитированным, а в чем-то расходится. Нынешнее понимание причин отличается от того, которое было опубликовано в 2001 г., большим обобщением и выделением, во-первых, причины, общей для всех стран-участниц Второй мировой войны, и, во-вторых, и это главное, концентрацией внимания на причине, специфически присущей только Великой Отечественной войне [23].

Первая причина имманентная всем странам-участницам (СССР – не исключение) мировой драмы, разразившейся спустя два десятка лет после Первой мировой войны, состояла в том, что за это короткое время был достигнут в ряде стран, ставших участницами Второй мировой войны, колоссальный прогресс в производстве орудий убийства. Причем за время, длившееся с конца 1939 г. вплоть до середины 1945 г., был также сделан огромный рывок как в техническом усовершенствовании применяемого оружия, так и в создании нового, неизвестного до Второй мировой войны. Но Вторая мировая война отличалась от Первой мировой войны не только высочайшим уровнем технологий и техники убийства людей, но и широкомасштабным ее применением. В Первой мировой войне у Германии и ее союзников было 9,8 тыс. орудий и 300 самолетов. У Антанты их было соответственно 10,1 тыс. и 500. Иное дело Вторая мировая война. Она была войной огромного количества моторов, брошенных на истребление населения. В боевых, а часто и карательных операциях, использовались десятки тысяч самолетов, бронетехники, мощных орудий и минометов, в массовом масштабе применялось автоматическое оружие. Начнем с советской промышленности. Ею с 1 июля 1941 г. до 30 июня 1945 г. было произведено: 12 млн винтовок и карабинов, 6,1 млн пистолет-пулеметов,

955 тыс. ручных и станковых пулеметов, 348 тыс. минометов, 98 тыс. полевых орудий (75 мм и выше), 95 тыс. танков и САУ, 108 тыс. боевых самолетов. В свою очередь Германия в течение 1941–1944 гг. произвела соответственно 7,5 млн винтовок и карабинов, 1247 тыс. пистолет-пулеметов, 617 тыс. ручных и станковых пулеметов, 68 тыс. минометов, 44,8 тыс. полевых орудий (75 мм и выше), 53,8 тыс. танков и САУ, 78,9 тыс. боевых самолетов [3, с. 561]. Только две страны произвели и использовали в сражениях почти 1,6 млн пулеметов, 560 тыс. орудий и минометов, почти 150 тыс. танков и САУ, а также около 190 тыс. боевых самолетов. Но еще были Великобритания и особенно США. США, например, с июля 1940 г. по август 1945 г. произвели 21 тыс. танков и САУ, 59 тыс. самолетов, 48 тыс. орудий, 22 тыс. минометов и 545 тыс. пулеметов [3, с. 587]. Порой эти сотни, тысячи технических средств применялись в отдельных крупных сражениях. Так, при наступлении на Ленинград немцы задействовали 4 300 самолетов, правда, к городу прорвалось только 508, было сбито 302 [3, с. 85]. Для бомбардировки Дрездена англичане и американцы задействовали более тысячи самолетов. У советских войск, штурмовавших Берлин, было 41,6 тыс. орудий и минометов, 6 250 танков и САУ, 7,5 тыс. самолетов. У немцев, прикрывавшим Берлин, было 10,4 тыс. орудий и минометов, 1,5 тыс. танков и штурмовых орудий и 3,3 тыс. самолетов.

Ныне в разных источниках встречаются и другие цифры производимого оружия. К сожалению, в данных о производстве вооружений столько же неточностей и фантазий, сколько и в оценке людских потерь. Добавим, что по своим техническим данным вооружения, применяемые во Второй мировой войне, не сопоставимы с той техникой, которая использовалась в 1914–1918 гг. К концу войны в США появилось уже атомная бомба, в той же Германии широко применялись реактивные самолеты, ракеты и пр. Все это оружие, обладающее колоссальной мощью, использовалось обеими сторонами для убийства военнослужащих противника, не говоря уже о граж-

данском населении. В годы Второй мировой войны в большинстве стран, которые были оккупированы нацистами, а также в Советском Союзе, единственном государстве континентальной Европы, не побежденном фашистскими полчищами, гибло большое количество гражданского населения. К примеру, в августе 1942 г. лишь в одном городе Сталинграде в результате массированных налетов фашистской авиации погибло свыше 40 тыс. человек гражданского населения [16, с. 127]. Другой пример. В результате боевых действий, применения с обеих сторон артиллерии и авиации, Ржев, а также соседние города и села были полностью разрушены. Из 20 тысяч человек, оказавшихся в оккупации, ко времени освобождения (март 1943 г.) в Ржеве оставалось 150 человек, а вместе с районом – 362 человека. Из 5 443 жилых домов Ржева уцелело лишь 297 [39]. При освобождении европейских стран от немецко-фашистских захватчиков и сражениях советских войск с вооруженными силами стран, бывших союзниками Германии, наиболее кровопролитные бои велись в Венгрии. Будапештская операция 2-го Украинского фронта продолжались с 29 октября 1944 г. до 13 февраля 1945 г. [3, с. 609]. В этот период применялось огромное количество артиллерии, танков и авиации. Не случайно из всех стран, входивших в гитлеровский блок, лишь в Венгрии доля погибшего гражданского населения превысила потери военнослужащих. Как и в Советском Союзе первых было 2/3 и вторых – 1/3. Вместе с тем не крупномасштабное применение совершенных орудий убийства является основной причиной столь колоссальных людских потерь советского народа в Великой Отечественной войне, этой самой кровопролитной части Второй мировой войны.

Главная причина столь масштабных людских потерь советских людей в Великой Отечественной войне, несопоставимых не только с потерями любой другой страны-участницы сражений во Второй мировой войне, но даже и с суммарными данными для всех европейских стран, заключена в том замысле, которым руководствовался Гитлер и его фашистское окружение, нападая на Совет-

ский Союз. Уже говорилось в первом разделе при характеристике особенностей Великой Отечественной войны, что гитлеровская Германия, нападая на Советский Союз, стремилась не только захватить его территорию с людскими, природными и экономическими ресурсами, как это было с другими странами, но и преследовала чудовищную по своему замыслу цель – истребить значительную часть проживающего там населения. С приходом Гитлера к власти эта цель вдалбливалась в сознание германского народа. В 1940 г. Главным управлением СС и Управлением образования гитлеровский замысел был воплощен в так называемой «Расовой гигиене и демографической политике в национал-социалистической Германии». В этом документе провозглашалось, что «более сильные призваны господствовать, а не сливаться с более слабыми…» В том же году (31 июля) решение о войне с СССР и общий план будущей кампании были оглашены Гитлером на совещании с высшим военным командованием, вскоре после победы над Францией. В нем было сказано, что Россия должна быть ликвидирована. Срок – весна 1941 года… Операция будет иметь смысл только в том случае, если мы одним стремительным ударом разгромим все государство целиком. Только захвата какой-то части территории недостаточно [38]. Как поступить с захваченной территорией СССР определял Генеральный план «Ост». Он, следуя директиве Гитлера, предусматривал уничтожить в течение нескольких лет 46–51 млн русских и других славянских народов. Население СССР и другие славянские народы были провозглашены «низшей расой» и подлежали уничтожению.

В предписания по уничтожению русского населения особое место занимали указания, направленные на политработников и интеллигенцию. Вот поручение Гитлера, записанное Гальдером 30 марта 1941 г.: «Борьба против России: уничтожение большевистских комиссаров и коммунистической интеллигенции... Эта война будет резко отличаться от войны на Западе. На Востоке сама жестокость – благо для будущего. Командиры должны пожертвовать многим, что-

бы преодолеть свои колебания» [15]. В другой раз, уже в марте 1941 г., по словам генерала А. Йодля, Гитлер заявил следующее: «…Еврейско-большевистская интеллигенция, представляющая собой угнетателя народа, должна быть удалена со сцены». Более того, перед самым нападением на Советский Союз, т.е. 6 июня 1941 была издана «Инструкция об обращении с политическими комиссарами», которой солдатам и офицерам вермахта предписывалось истреблять на месте всех попавших в плен политработников Красной армии.

Надо сказать, что указания об уничтожении населения Советского Союза, независимо военнослужащие это, или гражданские лица, давались не только Гитлером, но и другими представителями фашистской верхушки. Вот некоторые из них. Гитлер: «Эти народы имеют одно единственное оправдание своего существования – быть полезными для нас в экономическом отношении». Геринг: (в беседе с итальянским министром иностранных дел Чиано): «В этом году в России умрет от голода от 20 до 30 миллионов человек. Может быть, даже хорошо, что так произойдет, ведь, некоторые народы необходимо сокращать...» Гиммлер: «Надо организовать эксплуатацию этой территории, обеспечив одновременно условия для планомерного вымирания русского населения...» [28]. А вот еще одно высказывание руководителя гестапо: «Целью похода на Россию является истребление славянского населения» [16, с. 5].

Оккупация советской территории сопровождалась созданием концлагерей, как это имело место в других частях покоренной Европы. В концлагерях уничтожение славян, прежде всего русских, как, впрочем, и евреев, являлось идеологической «харизмой» нацистского режима. Этим объясняется тот факт, что, с одной стороны, немцы отпускали домой военнопленных, например, из Голландии, Греции и ряда других стран, позволяли получать посылки и почту пленным из армий западных государств, а с другой стороны, методически уничтожали советских пленных. Еще перед самым нападением на Советский Союз, как показал генерал Гальдер на Нюрнбергском процессе, Гитлер на одном из совещаний напомнил

командующим и лицам, связанным с верховным командованием, что «…методы, используемые в войне против русских, должны отличаться от методов, применяемых против Запада… Он заявил, что поскольку русские не подписали Гаагской конвенции, в обращении с их военнопленными не следует придерживаться статей этой конвенции … так называемые комиссары не должны рассматриваться как военнопленные» [41]. Дополним то, о чем говорилось в первой главе. Из советских солдат и офицеров, попавших в плен в 1941 г., согласно немецким источникам погибло 2 млн. Ежедневно в концлагерях расстреливалось и погибало до 6 тысяч советских военнопленных [2]. По другим данным, к концу 1941 г. немцами было взято в плен 3,9 млн советских военнослужащих, из которых к февралю 1942 г. остался 1 миллион. Согласились служить в полиции и вспомогательных подразделениях вермахта – 280 тыс., а остальные 2,6 млн, видимо, погибли [5]. Из числа попавших в плен лишь каждый пятый дождался конца войны [20]. К сожалению, до сих пор иногда встречаются рассуждения о том, что гитлеровцы уничтожали советских пленных потому, что СССР не подписал Женевскую конвенцию, регламентирующую обращение с пленными. Ну подписал бы, все равно было бы то же самое.

Уничтожению подлежали не только пленные, но и гражданское население. Так, приказ, подписанный 10 октября генерал-фельдмаршалом фон Рейхенау, предписывал немецким войскам не останавливаться перед уничтожением мирных жителей, включая женщин и детей. Война против СССР должна вестись, не считаясь с международным правом. А вот указание уже не для командующих, а для простых рядовых, сформулированное в гитлеровской инструкции «Военная подготовка в войсках». Ее приводит в своей монографии о войне В. Мединский. В ней сказано: «Для твоей личной славы ты должен убить ровно 100 русских. У тебя нет ни сердца, ни нервов – на войне они не нужны. Уничтожив в себе жалость и сострадание, убивай всякого русского; не останавливайся – старик перед тобой, женщина, девушка или мальчик. Убивай! Этим ты спасешь себя от

гибели, обеспечишь будущее своей семьи и прославишься навеки» [18, с. 123]. Как бы в продолжение этому «наставлению» генерал-фельдмаршал В. Кейтель издал указ «Об особой подсудности в районе "Барбаросса" и особых полномочиях войск». Этот документ снимал с солдат и офицеров вермахта любую ответственность за будущие уголовные преступления на оккупированной территории СССР. Им предписывалось быть безжалостными, расстреливать на месте без суда и следствия всех, кто окажет хотя бы малейшее сопротивление или будет сочувствовать партизанам. В соответствии с этим документом за две недели до нападения на СССР была издана «Инструкция об обращении с политическими комиссарами», которой предписывалось солдатам и офицерам вермахта истреблять на месте всех попавших в плен политработников Красной армии [38]. Помимо истребления славянского населения как такового, а среди него особенно комиссаров и интеллигенции, ну и конечно, евреев, ставилась также, исходя из указания Гитлера, задача уничтожить такие крупнейшие города России, как Москва и Ленинград, в которых проживало 7–8 млн человек. Причем Москву планировали окружить и стереть с лица земли, а Ленинград – уморить голодом (финны предлагали его затопить).

Подобных планов и задач, как уничтожение целых народов, не ставила ни одна война. Нечто подобное встречалось, пожалуй, во времена разгула испанских конкистадоров Кортеса и Писарро. Начатое ими уничтожение индейцев закончилось в Северной Америке уже после того, как возникли США. С этого времени стало уходить в прошлое изречение американского генерала Шеридана «Хороший индеец – мертвый индеец». Правда, за прошедшее время от Кортеса до становления США были истреблены десятки миллионов индейцев и негров, уничтожены цивилизации майи и ацтеков. Во всех остальных известных войнах решались совершенно другие задачи. После походов Александра Македонского и Юлия Цезаря, татаро-монгольских набегов и сражений Наполеона Бонапарта, даже кровопролитной Первой мировой войны, все народы, подвергшиеся

нападению вражеских войск, сохранились. В этих и подобных войнах задачи уничтожения народов не ставилось. Даже захват Гитлером европейских стран не сопровождался уничтожением их людских ресурсов и разрушением экономики. Более того, пленные из этих стран в немецком плену чувствовали себя достаточно уютно. В отличие от этого, в войне против советского народа задача его уничтожения, как свидетельствуют высказывания Гитлера, была определена изначально.

Помимо общей причины, относящейся ко всем странам-участницам Второй мировой войны, а именно крупномасштабному применению современного оружия, от которого гибли многие сотни тысяч военнослужащих и гражданского населения, а также причины, специфически присущие только Великой Отечественной войне, состоящей в неистребимом желании фашистов уничтожить сорокпятьдесят миллионов советских людей, чтобы очистить жизненное пространство для Германии, было еще множество разнообразных причин, влиявших на величину людских потерь. Их значительную часть можно рассматривать в русле устройства и применения той власти, которая была в СССР при жизни Сталина. Принято считать, что *одной из значимых причин огромных потерь советского народа было вероломное, в данном случае, неожиданное нападение гитлеровской Германии на СССР*. Вопрос лишь в том, было ли это нападение столь неожиданным? Ответ на этот риторический вопрос начнем с того, о чем уже говорилось. И.В. Сталин, скорее всего, понимал, что война с гитлеровской Германией неизбежна. Об этом свидетельствует такой факт. В последние предвоенные дни советским руководством предпринимается ряд шагов, показывающий, что о возможном нападении все же думали. Буквально за 10 дней до нападения западным округам было приказано выдвигать части первого и второго эшелонов к границе, в ночное время и под видом учений. В ночь с 13 на 14 июня с западных территорий начинается выселение «социально-чуждого элемента» в глубь страны (было депортировано около 100 тысяч человек). Без указания Сталина это

не сделали бы. Кстати, из приграничных районов можно было заранее эвакуировать, по крайней мере, и семьи военнослужащих, многие из которых погибли после нападения. Так в свое время поступили поляки перед тем, как немцы приблизились к Брестской крепости. За несколько дней до этого были вывезены семьи польских военнослужащих.

Несмотря на сообщения разведчиков Р. Зорге (из Японии) и А. Короткова (из Берлина) о ближайшем нападении Германии, Сталин упорно не верил или скорее не хотел верить, что война начнется в 1941 г., не говоря уже об июне того года. Почему так считал Сталин, свидетельствует А.И. Микоян, говоривший, что И.В. Сталин был знатоком Бисмарка и полагал, что Гитлер будет следовать принципам великого канцлера и не отважится, как это было в Первой мировой войне, воевать на два фронта. Сталин был убежден, что пока гитлеровская Германия не завершит разгром Великобритании, она не нападет на Советский Союз, и значит, имеется еще несколько лет в запасе для укрепления обороны страны. Добавим, что Гитлер в отличие от Сталина понимал его поведение. Поэтому фюрер безбоязненно готовился к нападению на СССР. К сожалению, он оказался прав. Тем не менее Сталин, идя на заключение с фашистской Германией пакта о ненападении, не совершил ошибки. Другое дело, что он допустил просчет о времени нападения Германии на Советский Союз. С этим связана недоукомлектованность частей, не укрепленность новых границ, медленное переоснащение войск современными видами вооружения, такими, например, как танки Т-34 или штурмовики Ил-2. Повторим, что подобная техника только осваивалась, тогда, как войска были оснащены устаревшими, по сути непригодными к условиям современной войны, танками, самолетами и т.д. Так половина всех танков имела на вооружении только пулеметы. В западных округах, например, полностью боеспособными были только 27% танков старых типов, 25 авиадивизий находились еще в процессе формирования и т.д. Все это было понятно со времени Советско-финской войны, показавшей не

только слабость руководства Красной армии, отсутствие у части командного состава современных военных навыков, но и то, что применяемое СССР оружие во многих случаях не соответствует требованиям современной войны.

Советское военное руководство должно было знать предвоенную обстановку и в отличие от Сталина представлять надвигающуюся опасность. Некоторые из них (много их было или мало, пойди, теперь разберись), скорее всего, понимали, что война вот, вот должна начаться. Действительно, если против будущей жертвы интенсивно ведется разведка, у ее границы концентрируются вооруженные силы предполагаемого агрессора, тем более такого, который последние годы только тем и занимался, что захватывал другие страны, то наивно не понимать для чего все это делается. Это – аксиома, она понятна любому, а не только военному, да еще высокого ранга. Наверняка у советского военного руководства не было иллюзий относительно того, что в ближайшее время гитлеровская Германия нападет на СССР. Намерения Гитлера знала вся Европа, он не скрывал их не устно, не письменно. Не знать это, было невозможно. Позже Г.К. Жуков говорил, что просчет в оценке времени нападения крайне негативно сказался на положении нашей страны. Этот отрицательный фактор усугубил преимущества врага, обусловил тяжелую ситуацию в начале войны. И далее будущий маршал сетует, что они (военное руководство) не сделали всего, чтобы убедить Сталина в неизбежности войны. Но кто рискнет спорить с вождем. Все еще помнили недавно закончившийся период политического террора в стране и что случилось с частью высокопоставленных военных.

Боясь спровоцировать нападение фашистов, Сталин, по сути, не препятствовал разведывательной деятельности, которую достаточно откровенно осуществляла гитлеровская Германия, в первую очередь ее авиация. Захватив Польшу, немцы стали интенсивно осуществлять разведку приграничных районов СССР. Летая на высотах, недоступных для советских истребителей, группа выполнила обширный объем фотосъемки стратегических объектов в западной

части СССР, включая военные аэродромы. Часть вылетов осуществлялась на большую глубину, вплоть до городов Уфа, Баку и Горький (Нижний Новгород). Именно эти снимки обеспечили высокую эффективность первого удара по советским аэродромам. Вместо того чтобы пресекать нарушение воздушного пространства страны, прислушаться к информации, поступающей от разведки, Сталин требовал от командующих округами и пограничных войск не поддаваться провокациям, боялся провести мобилизацию и начать перестройку работы промышленности, что могло быть сделано, как показал опыт первых месяцев войны, в кратчайшие сроки.

Он же виновник того, что нападение Германии на Советский Союз стало неожиданным и вооруженные силы страны, в первую очередь, сосредоточенные в западных округах, оказались не готовы к этому. Начнем с такого эпизода, описанного К.К. Рокоссовским. Вечером 21 июня 1941 г. перешел границу ефрейтор немецкой армии – поляк из Познани. Он сообщил, что на следующее утро немцы нападут на СССР. К.К. Рокоссовский сразу же отменил планируемый с командирами дивизий отдых, они 22 июня утром собирались на рыбалку. Будь войска на чеку, о какой рыбалке думали бы командиры. Командующий корпусом тут же дал указание дивизиям быть наготове. О сказанном ефрейтором было тотчас сообщено в Киевский особый военный округ, а оттуда генерал М.А. Пуркаев об этом сообщил в Москву. После того как начальник генерального штаба Г.К. Жуков доложил Сталину о том, что перебежчик с немецкой стороны назвал дату нападения Германии на Советский Союз, Сталин приказал направить в военные округа директиву. В этой двусмысленной директиве сообщалось, что 22–23 июня возможно нападение немцев. А дальше говорилось о том, чтобы наши войска не поддавались ни на какие провокации. Более того, даже располагая сведениями об уже состоявшемся нападении на СССР гитлеровских войск, им не был отдан приказ о приведении войск в боевую готовность. Он на совещании высших военных, партийных и государственных деятелей, не представляя того, что происходит на за-

падных границах страны, принимает не соответствующее обстановке решение: войскам обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили границу. Впредь до особого распоряжения границу не переходить. Сталин все еще не мог поверить, что началась «большая война».

Многие военачальники боялись немилости вождя, строго следовали его указаниям. Правда, были и смельчаки, такие, например, как нарком Военно-морского флота адмирал Н.Г. Кузнецов, оказавшийся даже в условиях сталинского режима смелым и инициативным человеком. Как пишет сам Н.Г. Кузнецов, освоенная флотом перед войной «система оперативных готовностей» позволила «буквально за несколько часов до начала войны объявить на флоте тревогу, привести его в состояние боевой готовности» [7]. Более того, 22 июня, т.е. в разгар немецкого нападения, которое для Сталина было еще очередной провокацией, начальник штаба Черноморского флота контр-адмирал Иван Елисеев приказал открыть огонь по германским самолетам, вторгшимся в воздушное пространство СССР. Это был самый первый приказ дать отпор фашистам [5].

Очевидно, что поведение Сталина накануне нападения Германии на Советский Союз не могло не привести к тяжелым последствиям первых дней вторжения немецко-фашистских войск. Внезапность нападения позволила фашистской армии сосредоточить огромные силы в приграничных районах. Они смогли на ряде направлений сконцентрировать силы, превосходящие части Красной армии в 3–4 раза. Перед самым нападением диверсанты нарушили связь в войсках и с центром. Как отмечал К.К. Рокоссовский, в момент нападения отсутствовала связь и с руководством округа (находился в Киеве), и с Москвой [13]. Сосредоточенная на постоянных аэродромах авиация понесла огромные потери, а фашисты уже в первые два дня получили полное господство в воздухе, выведя из строя прямо на аэродромах, по немецким источникам, около 1 200 самолетов или даже несколько тысяч, по советским данным – около 900 самолетов. Большая часть из них сгорела на аэродромах.

Это обеспечило фашистам полное господство в воздухе. Тем не менее в этих невыгодных для советских ВВС условиях, в тот первый день было уничтожено в воздушных боях свыше 200 немецких самолетов. Приведем свидетельство об этом событии в то время командира корпуса К.К. Рокоссовского. «Днем в небе пролетали немецкие бомбардировщики, даже не прикрываемые истребителями. Их беззастенчивость была связана с тем, что на советских аэродромах догорали сожженные советские самолеты» [13, с. 156]. В первый же день была уничтожена значительная часть боеприпасов, горючего и военной техники. Было потеряно 200 складов (52% окружных складов и складов Наркомата обороны на территории приграничных округов), что привело к острому недостатку боеприпасов, горючего и продовольствия в советских частях и соединениях. Немецкая армия смогла покрыть трофейными запасами около одной трети расхода горючего. Примерно за три недели войны немецкие войска оккупировали всю Прибалтику, Белоруссию, значительную часть Украины и Молдавии. На северо-западном и юго-западном направлении противник вторгся на территорию СССР до 500 км, на западном – до 600 км. Средний темп наступления немецких войск составил от 15 до 30 км в сутки.

Можно назвать еще несколько причин, связанных со Сталиным в большей или меньшей степени повлиявших на масштабы людских потерь Советского Союза. Одни им были допущены еще до начала Великой Отечественной войны. Это относится в первую очередь к политическому террору 1937–1938 гг., не обошедшему и вооруженные силы страны. В этой работе мы не будем выяснять, чем руководствовался Сталин, осуществляя репрессии против командного состава Красной армии. Его мотивация находится в русле общего политического террора. Здесь лишь отметим, что репрессии захватили и легендарных командиров времен гражданской войны, и тех, кто уже достиг командирских должностей в советские годы. На этот счет цифр много и они разнообразны. Приведем опубликованную нами в 2013 г. подборку цифр о погибших в те годы [22].

Среди авторов этих цифр (даются в тыс. человек): В.Г. Клевцов – 35,2; Д.А. Волкогонов и Д.М. Проэктор – 40,0; В. Снитковский – не менее 32; Н.Г. Павленко – 36,8 (с мая 1937 по сентябрь 1938 г.); А.М. Самсонов – 43,0; Н.М. Романичев – 44,0; Ю.А. Горьков – 48,8; Г.А. Куманев – 50,0; А.Н. Яковлев – 70,0; В.Н. Рапопорт и Ю.А. Геллер – 100,0. Кроме того, Л.А. Киршнер считает, что было репрессировано 50% всего офицерского корпуса, а В.С. Коваль идет дальше всех остальных, безответственно заявляя, что был уничтожен весь офицерский корпус, не задумываясь при этом, а кто же командовал подразделениями разного уровня от взвода до фронта.

Следует сказать, что движение командного состава в Красной армии достаточно строго учитывалось: переводы, повышение по службе и уж точно – арест и осуждение, которые сопровождались снятием с воинского учета. Поэтому нам представляется, что наиболее объективные и притом близкие данные о репрессиях в Красной армии приводят и И. Пыхалов, и А.Н. Голенков. Они используют отчеты управления кадров Наркомата обороны от 5 мая 1940 г. А.Н. Голенков говорит о выбытии из РККА 36,9 тыс., из которых были подвергнуты репрессии 9,6 тыс., из них осталось арестованными 8 тыс. и приговорены к высшей мере 70 человек, причем расстреляло 17. А вот цифры И. Пыхалова. В 1937 г. из армии было уволено 18,7 тыс. человек. До этого в 1935–1936 гг. было уволено около 12 тыс., в их числе 11,1 тыс. человек, исключенных из партии. В 1938 г. было уволено 4,1 тыс. военнослужащих немецкой, польской и т.д. национальности, а всего 34,8 тыс., т.е. чуть меньше, чем цифра у А.Н. Голенкова. Согласно архивным данным Военной коллегии Верховного суда СССР, в 1936 г. от командного до рядового состава было осуждено за контрреволюционные преступления 925 человек, в 1937 г. – 4 079, в 1938 г. – 3 132, в 1939 г. – 1 099 и в 1940 г. – 1 603 человека. При этом в 1938 г. к высшей мере были приговорены 52 человека, в 1939 г. – 112 и в 1940 г. – 528 военнослужащих. Правда, среди расстрелянных оказались 3 из 5 маршалов и другие высокопоставленные командиры, в чис-

ле которых 15 командармов 1–2 рангов, 57 комкоров и т.д. Армия оказалась без командиров всех корпусов, почти всех дивизий, половины полков и т.д. В числе репрессированных, а с началом войны освобожденных (примерно одна четверть их общего количества), оказались будущие маршал К.К. Рокоссовский, генерал армии А.В. Горбатов и другие. В 1938–1939 гг., не говоря уже о времени начала войны, были восстановлены в армии свыше 10 тыс. командиров РККА.

Урон Красной армии был нанесен не только самими репрессиями, но и их последствиями. Во-первых, ко времени нападения Германии на СССР высшие командные кадры составляли либо выдвиженцы, которые, не получив соответствующего военного опыта, перескочили несколько должностей и званий, либо оставшиеся командиры и комиссары, профессионализм которых сохранился на уровне гражданской войны. О воинской подготовке командных кадров накануне войны говорят следующие факты. К началу 1940 г. примерно 70% командиров дивизий и полков работали в этих должностях менее года. Проверка боевой подготовки, проведенная в декабре 1940 г., т.е. за полгода до начала войны, показала, что из 225 командиров полков, привлеченных на сбор, только 25 окончили военные училища. Накануне войны лишь 7% кадрового командного состава окончили военные академии, а 16% не имели даже полного среднего образования. Ни одна армия в мире не оказалась в таком плачевном состоянии, как Вооруженные силы СССР. «Подобные потери не единожды в истории имели своим следствием полный военный разгром», – отмечается в книге «Вторая мировая война», подготовленной исследовательским институтом Министерства обороны ФРГ [6, с. 462]. Во-вторых, и об этом уже говорилось, многие командиры Красной армии, в первую очередь, занимающие высокие посты, понимали, чем им может грозить инициатива, идущая вразрез с указаниями вождя. Раз не поддаваться на провокации, значит, не поддаваться, какими бы они не были. В то время генерал армии Г.К. Жуков отмечал, что советское командование, исходившее

из наступательной стратегии будущей войны, не уделяло должного внимания разработке оборонительных операций. Он, будучи начальником генерального штаба (второе лицо в армии), от которого зависела разработка подобных операций, понимал, чем может грозить несогласие с вождем и подобная инициатива, когда вся страна пела «Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим». Вообще в предвоенные годы не скупились на военную браваду. До войны по радио только и слышались песни о силе Красной армии. Помнятся такие слова: «Если завтра война. Если завтра в поход. Будь сегодня к походу готов!» или «Но от тайги до британских морей Красная армия всех сильней» и др. Попробуй тут сказать вождю, что страна не готова к войне.

Сложность взаимодействия с верховным главнокомандующим помимо его характера состояла также в том, что Сталин, как и ряд его близких соратников, не имели ни опыта, ни знаний о современной войне. У него был лишь опыт обороны Царицына, где он в основном занимался разборками с командованием войск, оборонявшими этот город от белогвардейцев, да опыт члена военного совета одной из армий, разгромленных поляками в 1920 г. Советско-финская война к этому опыту добавила лишь победу, добытую ценой многократно превышающих потерь относительно побежденного противника. Сталиным не были сделаны из этого должные выводы все по той же причине: он не верил в скорое нападение на Советский Союз гитлеровской Германии, только что ввязавшейся в войну с Великобританией и Францией. Сразу же после Советско-финской войны, со слов А.М. Василевского, Сталин сказал, что «мир должен был знать, что уроки конфликта с Финляндией полностью учтены. Это важно для того, чтобы произвести на наших врагов должное впечатление…» [1, с. 107]. Это заявление Сталина, судя по тому, что уже в том же 1940 г. Гитлер решил напасть на Советский Союз, произвело на него впечатление, но противоположное. Если бы только впечатление. Но и меры принимались не как накануне неминуемой войны, а как будто до ее начала еще много времени. Отсюда и подготовка к обороне велась

явно не достаточно. То, что могли это делать ускоренно, показали дни и недели после нападения фашистов на СССР.

Нельзя не сказать еще об одной из причин огромных людских потерь советского народа, причине, которая имманентно присуща нашей стране. *Суть этой причины в том, что и в Советском Союзе, и в Российской империи, да и при становлении современной России, человеческая жизнь не стоила ни гроша.* В Великой Отечественной войне, как и в большинстве прошлых, да и современных локальных войн, умение воевать подменялось использованием огромных людских масс. Так победа над Наполеоном стоила огромной крови: французы потеряли шестисоттысячную армию, а русские почти 2 млн человек, включая ополченцев и мирных жителей. Да и в бородинской битве, которая считается нашей победой, русские потеряли больше, чем французы и вынуждены были отступить. В годы Великой Отечественной войны было мобилизовано более 31 млн человек. Это треть всего мужского населения страны. Наличие огромных людских масс и отсутствие ответственности за их жизнь объясняют проведение неподготовленных штурмов населенных пунктов и высот, взятие больших городов обязательно к памятным датам. Особенно наглядный пример бесчеловечного применения человеческих ресурсов, т.е. бойцов и командиров Красной армии, это битва за Ржев. Вот что пишет о ней ветеран и историк Петр Михин: «Если бы не поспешность и нетерпение Сталина да если бы вместо шести необеспеченных наступательных операций, в каждой из которых для победы не хватало всего-то чуть-чуть, были бы проведены одна-две сокрушительные операции, не было бы ржевской трагедии». В начале января 1942 г. Красная армия разгромила немцев под Москвой и подошла к Ржеву. Сталин, видимо, еще не представляя, какая идет война, посчитал, что надо переходить в общее наступление на всех основных направлениях – от Ладожского озера до Черного моря, и им был отдан приказ: «Ни в коем случае не позднее 12 января овладеть Ржевом. … Получение подтвердить, исполнение донести. И. Сталин» [39]. О результатах боев за Ржев пишет их участник, бывший начальник Генерального штаба:

«…я с полной ответственностью заявляю, что на Ржевском плацдарме погибло более миллиона наших воинов…» [40].

К безответственному отношению к собственным вооруженным силам можно отнести и оказание помощи союзникам в Арденнах, хотя советские войска не были еще готовы к наступлению. Такой шаг был сделан, несмотря на то, что Сталин и его окружение прекрасно понимали, что те же союзники не открывали второй фронт, с тем, чтобы сохранить собственные ресурсы и измотать силы Советского Союза и Германии. Подобное уже было в нашей истории, когда российские императоры, пренебрегая национальными интересами, посылали русские армии для оказания помощи другим странам, в т.ч. и своим царственным родственникам в Европе. К этому добавим амбициозность маршалов, спорящих о том, кто первым войдет в Берлин, спешное взятие рейхстага, когда можно было просто стереть его с поверхности земли и не губить красноармейцев накануне победы.

Конечно, легко оценивать исторические события, не участвуя в них и видя их издалека. Любые, подобные события никогда не проходят без ошибок и даже преступных действий их режиссеров. Никто от этого не застрахован. Но все дело в количестве ошибок и трагизме их последствий. Очевидно, что жертв среди военнослужащих, партизан, ополченцев и вообще мирного населения было бы меньше, не будь преступных ошибок Сталина и его окружения. Несмотря на это гражданское население и армия боролись за выживание, за свое отечество, возможно, не совсем ласковое, но все же родное, и потому выстояли и принесли освобождение народам Европы от гитлеровского нацизма. Цена победы над фашизмом досталась многомиллионными людскими потерями.

Глава 3

ФАКТОРЫ ПОБЕДЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Любые войны, в том случае, если страны, подвергшиеся нападению капитулируют еще до начала боевых действий, а нападающие не уничтожают уже сдавшегося противника, заканчиваются отсутствием людских потерь, как со стороны военнослужащих, так и гражданского населения. Так, в первое время, когда немецкие войска вступили в Данию, и правительство этой страны обратилось к населению с тем, чтобы оно не сопротивлялось, вообще не было никаких потерь. Но если этого нет, то помимо оценки величины людских потерь и определения причин, обусловивших их размеры, о чем говорилось в предыдущей главе, огромное значение имеет выявление факторов, приведших к поражению страны, подвергшейся нападению, или ее победы над страной-агрессором. Говоря об этих факторах, что в полной мере относится и к Великой Отечественной войне, надо заметить, что их анализ можно осуществить только на качественном уровне, проще говоря, лишь выявлять, в каком направлении они осуществляли детерминацию рассматриваемого явления, содействовали или нет успешному решению тех задач, которые война поставила перед страной. Мы к числу факторов, в разной степени повлиявших на победу Советского Союза в Великой Отечественной войне, относим пять основных, хотя очевидно, что их можно насчитать гораздо больше. Выделенные нами факторы, как внешние, так и внутренние, существенно отличаются друг от друга своей значимостью в разгроме фашистской Германии.

Начнем с внешних факторов. *Первый из них, с одной стороны, это просчет Гитлера, т.е. его пренебрежение к оборонным возможностям Советского Союза, а с другой – преувеличение непобедимости германских войск.* Еще до нападения на СССР немецкая армия без больших усилий и потерь сокрушила все европейские страны. Кроме тех стран, которые стали ее союзниками, либо безропотно подчинились Германии, были еще и некоторые разгромленные, но продолжавшие ей сопротивляться, как это делала, к примеру, часть народов Югославии. Окрыленный успехами фюрер, оценивая оборонные возможности Советского Союза, полагал, что победа над ним будет такая же легкая и быстрая, как это случилось с Францией или Польшей. Гитлеру не терпелось сокрушить советский народ, поскольку он, как раньше говорилось, его люто ненавидел, ассоциируя с большевизмом. В 30-е гг., став канцлером, он смог эту многократно возросшую ненависть воплотить в жизнь, совершив нападение на Советский Союз. Гитлером и в целом военным руководством Германии недооценивались и силы Красной армии, и главное мобилизационные возможности СССР. Еще до начала войны общее количество и состав советских войск немецким командованием были определены достаточно верно, но у него была неверная оценка способности СССР по формированию и вооружению новых соединений и объединений сухопутных войск. К третьему месяцу войны ожидалось встретить не более 40 новых дивизий Красной армии, тогда как на деле советское руководство только летом 1941 г. направило на фронт 324 дивизии [32].

Гитлер, будучи поглощен ненавистью к стране Советов, не мог трезво оценивать и свои действия, а тут еще Советско-финская война, показавшая военную слабость Советского Союза. Мы уже приводили данные о потерях сторон в этой войне, но повторимся еще раз. Советский Союз превосходил Финляндию по численности населения примерно в 50 раз, притом по объему промышленного производства уже к концу 30-х гг. занимал первое место в Европе. И СССР, обладая этой мощью, не смог без значительных людских

потерь добиться победы. Безвозвратные потери Красной армии были в 2,6 раза больше, чем финские вооруженные силы. После этой войны еще больше укрепилось мнение Гитлера о Советском Союзе, как о государстве, которое не сможет противостоять германской армии. Он в своих речах применительно к Советскому Союзу употреблял выражение о том, что «Россия – колосс на глиняных ногах, и она рухнет после нескольких крепких ударов». Он полагал, что народы России «перегрызутся» между собой.., что колхозная деревня не выдержит массового ухода мужиков в армию.., что народ, «удерживаемый комиссарами», взбунтуется... Более того, капиталистический мир поддержит его поход на восток [28].

О самоуверенности в быстрой победе говорит и такой факт. В предвоенные годы в Германии велись работы по созданию атомного оружия, производству ракет и реактивной авиации. «Урановый проект» не был осуществлен до конца войны, правда, в ее конце в войне с Великобританией уже применялись ракеты «Фау-2». Это были первые в мире баллистические ракеты дальнего действия, их боевой пуск состоялся в сентябре 1944 г. К концу войны появились на фронте также недоработанные в полной мере реактивные самолеты. Их насчитывалось более тысячи. Тем не менее советские летчики справлялись с ними на обычных машинах. Все эти наработки в послевоенное время, доведенные до нужного уровня, станут оружием сдерживания противоборствующих блоков во главе с СССР и США. А в 1941 г. Гитлер не стал дожидаться завершения разработок этого оружия. В 1945 г. американцы на примере японских городов Хиросима и Нагасаки показали, какими могли быть последствия, создай Гитлер это оружие. А ведь это были комариные укусы по сравнению с сегодняшними крокодильими пастями, раскрой которые и они разорвут все человечество.

Другим внешним фактором, в определенной мере облегчавшим победу Советского Союза над Германией и ее сателлитами, была незавершенная Гитлером война с Великобританией. В конце 1941 г. США также объявили войну Германии. Следует заметить,

что Гитлер, развязывая войну с Советским Союзом, не учел исторический опыт, в т. ч. и поход Наполеона в Россию. Примерно 130 лет назад Бонапарт совершал единственную в своей военной карьере ошибку, отправившись с шестисоттысячной армией, тоже состоящей не только из французов, но и из представителей многих европейских стран, завоевывать Россию. Для Наполеона этот поход закончился тем, что он остатки своей жизни провел на Святой Елене. Гитлер не только не учел французский опыт, но и не внял предостережениям Бисмарка, т.е. тому, во что как раз верил Сталин, и что явилось одной из причин его просчетов. Отто фон Бисмарк за 70 лет до нападения фашистской Германии на Советский Союз, разгромив Францию, объединил 25 разрозненных германских королевств и т.д. (в них проживало 36 млн немцев) в единое германское государство. Казалось бы, ему все по плечу, но он понимал, что такое Россия и потому советовал с ней не воевать, поскольку это было бы, по его мнению, крайне опасно для Германии. Но Гитлер не только не прислушался к совету железного канцлера, но и развязал войну на два фронта. Приводя эти факты, мы не фантазируем, что могло бы случиться, если бы Великобритания оказалась заодно с Германией. У. Черчилль не скрывал, что он в любой момент мог заключить с Гитлером мир. Гитлер также предпринимал усилия, как он сам говорил об этом в рейстаге [31]. Даже если быть большим оптимистом при оценке этой ситуации, то все равно придется признать, что Советскому Союзу было бы неизмеримо труднее.

Что означало для Великобритании нападение Германии на Советский Союз, оценил бывший в то время ее премьер-министром Черчилль: «Вступление русских в войну отвлекло немецкую авиацию от налетов на Великобританию и уменьшило угрозу вторжения» [4, с. 123]. И продолжал далее. Гитлер «…хочет уничтожить русскую державу потому, что в случае успеха надеется отозвать с Востока главные силы своей армии и авиации и бросить их на наш остров… Его вторжение в Россию – это лишь прелюдия к попытке вторжения на Британские острова» [4, с. 111]. Но как только Совет-

ский Союз преодолел драматические события первых месяцев войны и стал все более успешно противостоять фашисткой армии, Черчилль да и Рузвельт, тут же пересмотрели свои обязательства о втором фронте и вместо Европы их войска высадились в Африке. В августе 1942 г. Черчилль посетил Москву, где вел переговоры со Сталиным о втором фронте, доказывая, что союзники не готовы к началу военных действий в 1942 г. Спустя год союзники (Великобритания, США, Канада) высадились в Сицилии. С этого времени началось их противостояние германским войскам, длившееся вплоть до мая 1945 г.

Но даже уже эти события исключили войну Советского Союза в одиночку с гитлеровским блоком. На западной границе у Германии был реальный противник, грозившийся высадиться на материк и начать против нее сухопутные сражения. Тем не менее даже после нападения немецко-фашистских армий на Советский Союз, несмотря на то, что Англия находилась в состоянии войны с Германией, сражения, тем не менее, велись лишь на территории СССР, где гитлеровским войскам противостояли только советские вооруженные силы, непрерывно отступавшие весь первый период, вплоть до битвы под Москвой. СССР в то время практически принял на себя всю силу удара вермахта и сателлитов Германии вместе с «добровольцами» из стран, покоренных фашистской Германией и просто вставших перед ней на колени (см. раздел 1, глава 4).

Спустя примерно месяц с начала Великой Отечественной войны, уже в июле 1941 г. Советский Союз пытался привлечь к активизации боевых действий Великобританию (чуть позже и США), даже понимая, что они не его единомышленники, верные соратники по оружию, а временные партнеры, которых жизнь, а точнее вынужденное противостояние гитлеровской агрессии, заставило вступить в союз с тем, кого они ненавидели, как и фашистскую Германию. Важно отметить, что в те далекие военные годы советское предложение об открытии второго фронта встретило широкую поддержку общественности западных стран. Со всех концов Соединенных Штатов Бе-

лый дом получал тысячи резолюций, писем, петиций, в которых американцы требовали открытия второго фронта с целью скорейшей победы в войне [30]. Это нельзя было игнорировать правящим кругам, особенно в США, где Франклин Рузвельт собирался в четвертый раз баллотироваться в президенты США, в связи с чем, стремился показать себя сторонником скорейшего открытия второго фронта. И уже с 8 июля 1941 г. между Советским Союзом и его союзниками начался почти трехлетний торг об открытии второго фронта. Сроки открытия второго фронта переносились с одного года на другой. Сталину через дипломатов и в переписке с Черчиллем и Рузвельтом давались обещания открыть второй фронт в 1942 г. затем в августе-сентябре 1943 г. и наконец, в мае 1944 г. Затягивание открытия второго фронта союзниками делалось для того, чтобы сберечь свои ресурсы и переложить основное бремя войны на СССР, более того, чтобы достигнуть взаимного истощения советских и германских сил. Вспомним, что говорили на этот счет (см. раздел 1, главу 3) британский премьер-министр Черчилль и вице-президент США Трумэн.

Вместо открытия второго фронта в ноябре 1942 г. войска союзников, как уже сказано, высадились в Северной Африке, в июле 1943 г. – в Сицилии и чуть позже – в Южной Италии (в июне 1944 г. ими был освобожден Рим). Эти операции не вызвали значительного отвлечения германских вооруженных сил, которые в то время были заняты на советском фронте, где шли наиболее кровопролитные сражения (битвы под Москвой, под Сталинградом и на Курской дуге. Лишь, когда стало ясно, что советские вооруженные силы могут сами освободить народы Европы от гитлеровского ига, что они уже приближаются к границам Германии, союзники, наконец, приняли решение открыть второй фронт. Произошло это лишь спустя три года с начала Великой Отечественной войны и, по сути, истечения такого же срока, в течение которого союзники всячески уклонялись от своих обещаний открыть второй фронт. Войска США и Великобритании (43 дивизии), форсировав Ламанш, высадились на Северо-Западе Франции. 6 июня 1944 г. второй фронт был открыт.

До высадки союзников в Нормандии в 1941–1943 гг. количество немецко-фашистских дивизий на советском фронте составляло от 153 (июнь 1941 г.) до 297 (июль 1943 г.), тогда как на других фронтах от 2 до 8 дивизий. Такова была помощь союзников в тот период. После открытия второго фронта, в июне 1944 г. и январе 1945 г. на советском фронте было 181 и 179 дивизий, а на других фронтах 82 и 119, включая и 12 на фронте против Народно-освободительной армии Югославии [3, с. 556]. Через месяц при поддержке французских партизан был освобожден Париж, а 15 августа американские и французские войска высадились в южной части Франции [29]. Началось успешное продвижение войск союзников в направлении германской границы, что обеспечивалось их огромным превосходством над силами противника. Тем не менее в декабре 1944 г. немцы развернули наступление на союзников в районе Арденн, где прорвали фронт и продвинулись на 90 км. Создалась угроза союзническим войскам. Черчилль тут же обратился к Сталину за помощью. Не доведя приготовлений до намеченных сроков начала наступления на фронте от Балтики до Карпат, Советская армия пришла на помощь союзникам. Немцы вынуждены были часть сил с запада перебросить на восток. После чего союзники остановили наступление немцев в Арденнах.

Советские войска, несмотря на то, что начали наступление раньше срока, тем не менее сокрушили фашистские армии и вышли на Одер в 70 км от Берлина. Войска союзников, пользуясь огромным превосходством в силах и средствах над вермахтом, к началу мая 1945 г. вышли на р. Эльбу и в западные районы Австрии и Чехословакии, где встретились с советскими войсками. К этому времени было завершено также освобождение Италии. Сразу же после открытия второго фронта Великобритания и США (а тут еще умер Рузвельт и президентом стал Трумэн) стали предпринимать усилия, чтобы сохранить германский потенциал для его использования в интересах союзников, одновременно максимально разрушая то, что должно остаться в зоне оккупации Советского Союза (такова бомбежка Дрездена, о чем уже говорилось). Вот строки из

документа английского Министерства обороны, относящиеся к июлю 1944 г., когда уже был открыт второй фронт: «Рано или поздно наши интересы столкнутся с интересами России, и в этих условиях позиция и мощь Германии приобретут решающее значение». Через месяц английский Объединенный комитет разведслужб представил руководству страны меморандум с соображениями по ведению военных действий против СССР [28]. 2 мая 1945 г. фельдмаршал Монтгомери принимает одностороннюю капитуляцию немецких войск на Западном фронте и приказывает с 4 мая прекратить бомбежку немецких баз и кораблей, чтобы дать им возможность уйти от захвата советскими войсками [28].

Несмотря на различные ухищрения союзников, связанных с открытием второго фронта, их нескрываемое желание, как можно больше истощить материальные и людские ресурсы Советского Союза, все равно было бы наивно отрицать их вклад в разгром фашистской Германии. Но то, что решающий вклад в разгром Германии с ее сателлитами внесла советская армия, вообще нет вопросов, так же как спорить о том, что союзники тоже участвовали в победе. Об этом лучше всего говорят цифры о количестве немецко-фашистских дивизий в разное время, бывших на фронтах – советско-германском и том, где вермахту противостояли союзники. Эти цифры наглядно говорят о том, что доля участия в противостоянии Германии была разная: мизерная до лета 1944 г. и не такая уж маленькая, как ее часто представляют в последующем. Судите сами (табл. 3.3).

Резюмируя, заметим, что в продолжение всей войны у союзников отношение к ней было двойственное. Бесспорно, Великобритания и США, во-первых, хотели победить Германию, избавив себя от того, что могло случиться, окажись Советский Союз поверженным. Но, во-вторых, они, участвуя в войне, хотели в максимальной степени переложить основные усилия на своего временного союзника с тем, чтобы максимально истощить его ресурсы, а еще лучше, чтобы он, по словам уже цитируемого Черчилля, оказался на операционном столе.

Таблица 3.3

Распределение немецко-фашистских дивизий в 1941–1945 гг.*

Даты	Количество немецко-фашистских дивизий				То же, в процентах	
	общее количество дивизий	в том числе:			на советско-германском фронте	на других фронтах
		на советско-германском фронте	на других фронтах	в Германии и на оккупированных территориях		
к 01.12.1941 г.	223,5	156,5	2,0	62,5	70,0	0,8
к 01.11.1942 г.	269,5	193,5	4,5	71,5	72,0	1,5
к 01.07.1943 г.	297	196	8	93	66,0	2,7
к 01.06.1944 г.	326,5	181,5	81,5	63,5	55,6	25,0
к 01.01.1945 г.	314,5	179,0	119,0**	16, 5	57,0	38,0

* [3, с. 556].

** В том числе 12 дивизий действовали против Народно-освободительной армии Югославии.

Чтобы не стать очередной жертвой фашистской Германии, если будет разгромлен Советский Союз, союзники вынуждены были принять решение об оказании ему также материальной помощи. Эта помощь осуществлялась в соответствии с программой ленд-лиза. В отличие от второго фронта, который был открыт на завершающей стадии войны, поставки по Ленд-лизу начались уже в конце 1941 г. Ленд-лиз (давать взаймы) был государственной программой (принятой Конгрессом США 11 марта 1941 г.). Ее название – «Закон по обеспечению защиты Соединенных Штатов». Согласно этому закону Соединенные Штаты Америки поставляли своим союзникам во Второй мировой войне боевые припасы, технику, продовольствие, медицинское оборудование и лекарства, стратегическое сырье, включая нефтепродукты. Президент США имел полномочия помогать любой стране, чья оборона признавалась жизненно важной для его страны. Программой предусматривались следующие условия: поставленные материалы, машины, и др., уничтоженные, утраченные и использованные во время войны, не подле-

жат оплате; переданное в рамках ленд-лиза имущество, оставшееся после окончания войны и пригодное для гражданских целей, должно быть оплачено полностью или частично на основе предоставленных Соединенными Штатами долгосрочных кредитов; в случае заинтересованности американской стороны, не разрушенная и не утраченная техника и оборудование должны быть возвращены после войны в США [34].

Первоначально в программу ленд-лиза вовлекались страны Британской империи и Китай. С ноября 1941 г. к программе присоединили СССР, а к концу войны практически все союзники США стали ее участниками. 21 августа 1945 г. президент Трумэн объявил об окончании программы ленд-лиза, правда, Великобритания и Китай продолжали получать товары на основе наличных расчетов и кредитов [34]. По программе в 1941–1945 гг. материалы на общую сумму в 50,1 млрд долларов предоставлены нескольким десяткам стран-получателей. Основными были Великобритания, получившая 31,4 млрд долларов, Франция и Китайская Республика – 4,8 млрд и Советский Союз – 11,3 млрд (в ценах 2008 г. – 384,1 млрд долларов). Доля Великобритании была почти 63% и превышала долю Советского Союза в 2,8 раза. Послевоенные выплаты по ленд-лизу составили 7,8 млрд долларов, из которых 0,7 млрд долларов – от СССР [34]. В период, когда осуществлялась помощь по ленд-лизу, США были единственной страной мира, обладавшей достаточными производственными мощностями для оказания такой поддержки в достаточно сжатые сроки, чтобы влиять на ход боевых действий в 1942 г. В течение всего 1941 г. США продолжали наращивать военную помощь Великобритании. 1 октября 1941 г. Рузвельт одобрил подключение к ленд-лизу СССР, хотя такое решение для него было не простым, т.к. президент был повязан конгрессом, в котором были группировки против этой помощи, о чем писал К. Хэлл, бывший государственным секретарем во время войны [4, с. 348]. Поставки Советскому Союзу по ленд-лизу продолжались до конца войны и были прекращены в августе 1945 г.

Говоря о ленд-лизе, для нашей цели неважно, какими маршрутами доставлялись грузы, единственно, что отметим, наиболее безопасным был тихоокеанский путь из Аляски на Дальний Восток (по нему доставлено 46% от общего объема поставок) [31]. Неважно так же, как по завершении войны велись расчеты, за те машины и другие товары, которые использовались в Советском Союзе уже в мирные годы. Об этом и многом другом можно прочитать во многих статьях, помещаемых в интернете. Можно только порекомендовать работу историка П. Сутулина, которую мы используем для характеристики ленд-лиза [31]. Остановимся на перечне завозимых грузов и мнениях о том, какую роль сыграли эти поставки.

В целом за годы войны в СССР по ленд-лизу были поставлены сотни тысяч тонн грузов. В их числе – 12,2 тыс. танков, 1,8 тыс. САУ и подобной техники. Помимо танков и САУ, в СССР поставлялись английские (1 212 шт.), канадские (1 348 шт.) и американские (7 185 шт.) бронетранспортеры. Критики ленд-лиза очень часто обращают внимание на низкое качество поставлявшейся союзниками бронетехники. Эта критика действительно имеет определенные основания, поскольку американские и британские танки по своим характеристикам зачастую уступали и советским, и немецким аналогам. Союзники лучшие виды техники оставляли себе, предвидя их использование после открытия второго фронта. Кто же отдаст лучшее, чтобы себе оставить худшее? За годы войны в СССР было поставлено 18,3 тыс. самолетов, из США (14,1 тыс.) и Англии (4,2 тыс.). При этом союзники отказались поставлять в СССР лучшие свои стратегические бомбардировщики, которых за войну было произведено 35 тыс. штук. По ленд-лизу было поставлено также 8 тыс. зенитных и 5 тыс. противотанковых орудий. Всего же СССР получил 38 тыс. единиц зенитной и 54 тыс. противотанковой артиллерии. В годы войны СССР по ленд-лизу были переданы около 580 судов. В этом списке наиболее заметными были ленд-лизовские поставки автомобилей. Всего было поставлено 480 тыс. автомобилей (из них 85% – из США). В их числе около 430 тыс. грузовых и

50 тыс. джипов. Кроме того, из США было поставлено 35 000 мотоциклов. Поставки стрелкового оружия были весьма скромными, всего порядка 150 тыс. единиц. За годы войны по ленд-лизу было поставлено 318 тыс. тонн взрывчатых веществ (из США – 295,6 тыс.), кроме того, поставлено 35,8 тыс. радиостанций, 5,9 тыс. приемников, 15,5 млн пар армейских ботинок, 5 млн тонн продовольствия, в т.ч. 610 тыс. тонн сахара и т.д.

В осуществлении поставок по ленд-лизу советские представители в США встречались с большими трудностями. При размещении заказов многие подрядчики отказывались от заключения сделок с советскими представителями. Немалые трудности возникали и в транспортировке в Советский Союз закупленных в США военных материалов. Все это приводило к тому, что программа американских поставок, согласованная между правительствами СССР и США, выполнялась лишь частично. Так, США обязались поставить с октября 1941 г. по 30 июня 1942 г. 900 бомбардировщиков, 900 истребителей, 1125 средних и столько же легких танков, 85 тыс. грузовых машин и т. д. Фактически Советский Союз получил от США за это время только 267 бомбардировщиков (29,7%), 278 истребителей (30,9%), 363 средних танка (32,3%), 420 легких танков (37,3%), 16 502 грузовика (19,4%) и т. д. К тому же поставляемое союзниками вооружение зачастую было устаревших образцов или с дефектами [30]. Благодаря мерам, предпринятым Рузвельтом, тоннаж грузов, отправленных в СССР из Соединенных Штатов, возрос с 91 тыс. тонн в феврале до 214 тыс. в марте. В том же марте отчалили из портов США в Советский Союз 43 корабля с грузами, т.е. примерно столько, сколько было отправлено в январе и феврале, вместе взятых. В апреле 1942 г. мартовский тоннаж был более чем удвоен. К сожалению, не все грузы, отправлявшиеся из США, достигали Советского Союза. В частности, в марте – мае 1942 года 1/4 всех судов, следовавших северным маршрутом, была потоплена немцами [30].

П. Сутулин отмечает, что история ленд-лиза мифологизирована как противниками советской власти, так и ее сторонниками.

Первые считают, что без военных поставок из США и Англии СССР не смог бы выиграть войну, вторые – что роль этих поставок совсем несущественна [31]. Чтобы дать объективную оценку вклада ленд-лиза в общую борьбу с фашистской Германией, по нашему мнению, нужно принять во внимание два факта. Во-первых, подавляющее большинство техники, оборудования и материалов было поставлено в СССР в 1943–1945 гг., т.е. уже после перелома в ходе войны. Так, в 1941 г. по ленд-лизу было поставлено менее 1% от общего объема поставок, тогда как в 1942 г. – уже 27,6%. П. Сутулин пишет, что «таким образом, более 70% поставок по ленд-лизу пришлись на 1943–1945 гг.» [31]. Здесь все верно, но только не учтено, что количество месяцев в эти три периода разное. В 1941 г. вопрос о поставках был решен только в октябре. Даже не принимая во внимание время, обязательное на подготовительные работы, все равно в 1941 г. остается всего 2 месяца на организацию ленд-лиза. В 1942 г. – уже 12 месяцев и с января 1943 г. до августа 1945 г. – 31 месяц. Тогда в течение 1941 г. в среднем на один месяц по ленд-лизу приходится 0,5% всех поставок. Но ведь грузы надо было доставить морем. Если следовать дальневосточным маршрутом, это не день или неделя. Так что правильнее оставить на один месяц 1941 г. 1% поставок. В 1942 г. в расчете на один месяц приходится 2,3%, это не так уж несопоставимо с 1941 г. Наконец, на один месяц 1943–1945 гг. приходятся те же 2,3% и даже немного меньше.

Во-вторых, Советский Союз во время войны не только получал по ленд-лизу различную технику, боеприпасы, продовольствие и пр., но и все это производил сам, причем, как было показано раньше, с каждым годом все больше и больше. Всего за годы войны число танков по ленд-лизу составило 12,3% от общего количества произведенных в СССР и поставленных за это время, САУ и подобной техники – 7,8%. Доля иностранных самолетов, поступивших в отечественный авиапарк, – 13%. Доля ленд-лиза по орудиям и минометам в целом за войну во всех поступлениях (вместе с производимыми в СССР) составила 2,7%. За годы войны за счет ленд-

лизовских поставок военно-морской флот СССР получил 22,4%, а доля ленд-лизовской техники в советском автопарке составила 64%. Ниже всего доля поступлений по ленд-лизу приходится на стрелковое оружие, она составляет менее 0,8%. Доля ленд-лизовского авиационного топлива от общего количества бензина, поставленного и произведенного в СССР, равна 40%. Доля поступлений взрывчатых веществ составляет 36,6%. В обеспечении страны продовольствием и сырьем разным продуктам принадлежат различные доли: в поставках сахара – 29,5%, хлопка – 6% и т.д. [31].

Приведенные доли поставок по ленд-лизу, рассматриваемые вместе с собственным производством в Советском Союзе тех или иных видов продукции, свидетельствуют, с одной стороны, о том, какое значение имело обеспечение ими фронта и тыла в годы войны, а с другой стороны, чего не хватало в первую очередь для военных и гражданских нужд. Повторимся, потребность автопарка удовлетворялась по ленд-лизу на 64%, а в стрелковом оружии – менее чем на 1%, в сахаре – на 29,5%, а в хлопке – на 6%. Это повторение важно для понимания того, что эти цифры можно представлять и как недостаточность поставок, и как отсутствие острой нужды в них. Завершая, приведем вывод, сформулированный в указанном в конце абзаца источнике. *При всем значении американских поставок они, разумеется, никак не могли оказать решающего влияния на ход Второй мировой войны. Только совместные, объединенные военные усилия государств антигитлеровской коалиции были способны изменить ее ход* [30].

Завершая анализ этих двух внешних факторов, следует сказать, что открытие второго фронта, несмотря на то, что затянулось на три года, а также начавшиеся в более ранние сроки африканская и итальянская кампании союзников, внесли заметный вклад в победу над фашизмом. В этих сражениях союзники не только боролись с немецко-фашистскими войсками, отвлекаемыми с советско-германского фронта, но и несли людские потери, несмотря на то, что они были многократно меньше, чем у Советского Союза. К примеру, в годы

Второй мировой войны американцы потеряли убитыми 405 тыс. чел., в том числе в Европе – 186 тыс. [33]. Не будь всего этого, Советскому Союзу было бы намного труднее. Это же можно сказать и о ленд-лизе. Помимо использования на фронтах ленд-лизовских танков, орудий, минометов, самолетов и др., что, несомненно, усиливало мощь Красной армии, войска к тому же, а частично и гражданское население получали еще и продовольственную помощь. Не зря же американскую тушенку на фронте называли «вторым фронтом».

Несомненно, определенное значение в разгроме фашистской Германии, не говоря уже о решающей роли в прекращении сопротивления одного из ее основных сателлитов – Италии, союзники сыграли. Более того, они, в первую очередь американцы, внесли больший или меньший вклад в обеспечение советского фронта и тыла различными видами продукции (военной и гражданской). Но это делали они, не искренне желая помочь советскому народу в его кровопролитной борьбе с фашистскими ордами, а руководствуясь тем, во-первых, что окажись победителем гитлеровская Германия, и союзникам тогда пришлось бы разделить участь остальной Европы, и во-вторых, тем, о чем говорили и Черчилль, и Трумэн, что чем больше Германия и Советский Союз будут уничтожать друг друга, тем больший выигрыш они получат. Так оно и вышло.

Начнем характеристику внутренних факторов победы Советского Союза в Великой Отечественной войне с его природно-географических особенностей. Повторимся, что Советскому Союзу принадлежала 1/6 часть суши земного шара. Это не намного меньше, чем вся Северная Америка, но в 2,2–2,4 раза больше, чем территория любых других самых крупных по этому показателю стран мира – Канады, Китая и США. Территория Германии в довоенные годы была примерно в 40 раз меньше, чем Советского Союза. В зависимости от рассматриваемой широты расстояние от крайней северной точки, принадлежавшей Советскому Союзу, до южной точки составляло 4,5–5 тыс. км, правда, как уже отмечалось, в момент нападения линия фронта протянулась лишь немногим больше, чем на 2 тыс. км.

С запада на восток Советский Союз простирался на 10 тыс. км. Это упоминание о масштабности территории земной суши, принадлежавшей Советскому Союзу, необходимо для того, чтобы оценить одно из положений, высказанных примерно за два столетия до наших дней К. Клаузевицем. Имея в виду факторы, способствующие успешности войн, он отмечал, что «страна с ее поверхностью и населением, помимо того что она является источником всех вооруженных сил … составляет сама по себе одну из основных величин, определяющих ход войны…» [14, с. 54]. Одна часть страны образует театр военных действий, а вторая оказывает на него влияние. К этому следует добавить, что одну часть страны или ее всю, в случае успешности сражений, победитель занимает (оккупирует) на все или на какое-то время. Оккупация примерно 1/10 части Советского Союза произошла уже в первые месяцы Великой Отечественной войны.

Повторимся, спустя три недели после нападения на Советский Союз фашистско-немецкие войска оккупировали всю Прибалтику, Белоруссию, значительную часть Украины и Молдавию. Вражеские войска вторглись вглубь территории СССР на 500–600 км. В первые месяцы войны с Германией и ее сателлитами были захвачены 6 союзных республик, т.е. примерно 4,5% территории СССР. Кроме того, захватчики удерживали в разное время 3–4% территории, относящейся к европейской части России. Оставались свободными от захватчиков города и регионы, составлявшие свыше 90% площади страны, где проживало более 110–120 млн человек, производивших необходимую фронту продукцию и пополнявших призывниками и добровольцами Красную армию. Находившееся в глубине страны военное производство, проживавшие там советские люди, были недоступны для авиации врага. Это касалось и Урала, где в 1942–1944 гг. его заводы производили 40% всей военной продукции страны [12, с. 379].

Но это не все. Та территория, которую захватил враг, доставалась ему не так, как это было в Европе. С продвижением врага по территории Советского Союза нарастало сопротивление Красной

армии, в тылу врага начинали действовать партизанские отряды и как результат – главная задача плана «Барбаросса» – «разгромить Советскую Россию в ходе одной кратковременной кампании», оказалась блефом. Этим планом предусматривалось, что на двадцатые сутки войны немецкие войска достигнут рубеж южнее Киева, городов Витебск, Великие Луки, Псков и т.д. После этого, предполагалось, что в течение двадцати дней, пока будет идти перегруппировка соединений и готовиться новая база снабжения, войска будут отдыхать. Прямо-таки как на курорте – трехнедельный отдых. Затем на сороковой день войны должна начаться вторая фаза наступления, в ходе которой намечалось захватить Москву, Ленинград и Донбасс. Этой операцией предполагался полный разгром Красной армии. Но обещанного Гитлером отдыха у солдат вермахта не получилось. Прежде всего фашистская армия, оказавшись на громадных просторах советской земли, помимо неизвестного для нее в европейских войнах сопротивления, столкнулась еще с целым рядом неблагоприятных для нее обстоятельств.

Начнем с того, что советские люди в довоенные годы, ограничивая себя во всем, строили заводы и фабрики, тогда как на обустройство дорог не было ни сил, ни средств. Потребности во многом удовлетворял гужевой транспорт. Так что не везде и не всегда можно было чувствовать себя как на благоустроенных европейских дорогах, маршируя по которым, занимать столицы и заканчивать войну в несколько дней или недель. Да и расстояния там были другие. Во время немецко-французской кампании фашистские войска без труда преодолели по хорошим дорогам примерно 260 км от Брюсселя до Парижа, и на сорок четвертый день войны Франция капитулировала. В Советском Союзе «сорокового дня» не получилось и не только потому, что было дальше (От Бреста до Москвы по прямой было 997 км, т.е. почти вчетверо больше, чем от Брюсселя до Парижа), и не потому, что были плохие дороги, а по другим причинам. Приближение осени, а за ней и зимы, познакомило самонадеянных европейских победителей с тем, о чем надо было думать, напа-

дая на СССР. И тут Гитлеру надо отдать должное, он, принимая еще в 1940 г. решение о нападении на Советский Союз, предупреждал командование, что остановка действий (наступления) зимой опасна [38]. Так и получилось. К началу октября 1941 г. фашистские войска приблизились к Москве, началось их двухмесячное противостояние с защитниками советской столицы, переросшее в декабре в контрнаступление Красной армии, завершившееся первым крупным поражением Германии в годы Второй мировой войны. В те далекие месяцы обороны Москвы и разгрома немецко-фашистских войск, а это октябрь 1941 г. – январь 1942 г., температура воздуха была не как в Европе, где, например, в Берлине или Париже она и зимой остается плюсовой. Температура в московском регионе в начале ноября 1941 г. составляла минус 7 градусов. Поднявшись на несколько дней до нуля, затем с 11-го опустилась до 15–18 градусов, а потом до конца ноября держалась в границах минус десяти. В декабре температура в основном не превышала минус 20°, правда, кое-где она опускалась и до минус 28–30 градусов. Холодновато для западноевропейских жителей. Кстати, спустя год уже в битве под Сталинградом немцы вновь столкнулись с морозами. Температура опускалась там ниже 30 градусов, непобедимое войско замерзало.

Немцам, привыкшим к мягким европейским зимам, пришлось воевать при таких температурах, да еще в летней одежде [37]. Немецкие солдаты получали сапоги строго по размеру, поэтому они не могли не намотать портянки (неизвестно, знали они или нет, что это такое), не воспользоваться теплыми носками, почему и обмораживали ноги. Остальную часть немецкого обмундирования составляли легкие продуваемые шинели, пилотки и матерчатые перчатки. Считается, что у 40% фашистских солдат, воевавших на передовой, были обморожены ноги, а всего из-за обморожений выбыли из строя около 133 тысяч человек. Солдатам пришлось надевать на себя женские платки, греть руки в дамских меховых муфтах, отбирать зимнюю одежду у советских пленных и гражданских лиц. О внешнем виде немецких солдат можно судить из документальных филь-

мов о разгроме и пленении немецких солдат под Москвой и позже в Сталинграде. Не армия, а оборванцы в чужих пожитках. Еще одна проблема заключалась в том, что смазочные масла при низкой температуре замерзали, и сотни единиц немецкой техники становились не пригодными. «Кризис наступил, когда у танков в нескольких десятках километров от Москвы кончилось горючее, а пехотинцы не хотели выходить на открытый воздух» [37].

В отличие от немцев советские солдаты были привычными к зиме. К тому же у них сапоги обычно были больше по размеру, так что в них можно было набить для тепла газет, портянок. Они, конечно, также страдали от мороза, но, тем не менее, были подготовлены к зимним условиям лучше, чем противник. Советские бойцы (особенно это относится к прибывшим сибирским дивизиям) были облачены в меховые шапки-ушанки, шинели из толстого сукна, полушубки, стеганые ватные штаны и валенки. Такое обмундирование сковывало движения, но зато надежно защищало от холода. По поводу зимнего обмундирования советских солдат маршал Г.К. Жуков заметил: «Полушубки, валенки, телогрейки, теплое белье – все это тоже оружие» [37]. Добавим, что советские солдаты держали свои автоматы в меховых чехлах, а пулеметные затворы смазывали специальным маслом, способным выдержать мороз. В завершение процитируем автора, откуда взят в основном приведенный выше материал: «…наша армия победила под Москвой не только благодаря русским морозам, но, в первую очередь, благодаря мужеству и отваге, готовности до последнего защищать родную землю от врага» [37]. Думается, что не Гитлер, не вся его фашистская рать, оказавшись на необъятных просторах советской родины, не представляли, что их ожидает. Конечно, громадность территории, огромные расстояния, отсутствие благоустроенных дорог, другие природные и экономические трудности, непривычный климат, особенно когда не по нему одета армия, рассчитывавшая на молниеносную победу, все это так. Но даже не будь всего этого, результат был бы тем же. Этот фактор лишь облегчил борьбу с фашистами.

Вторым «внутренним» фактором, обусловившим победу в Великой Отечественной войне Советского Союза, являлось его государственное и общественное устройство. До войны СССР был единственной в мире страной с социалистическим укладом хозяйства. Его политическое устройство основывалось на однопартийной системе, которая к концу 30-х гг. превратилась в управленческую схему: вождь-партия-народ. Не надо думать, что по этой схеме жил только Советский Союз. По такой или подобной схеме в довоенные годы жила большая часть европейских стран, во главе которых стояли лица, у которых диктаторские замашки мало чем отличались от тех, что приписываются Сталину. Не говоря уже о Гитлере, этой вершине тоталитаризма, сюда можно причислить Муссолини (Италия), Франко (Испания), Хорти (Венгрия), Цанкова (Болгария), Маннергейма (Финляндия), Салазара (Португалия), Пилсудского (Польша), Антонеску (Румыния), Ульманиса (Латвия), Метаксаса (Греция), Сметона (Литва) и других. Стоящие во главе своих стран «вожди» были «безгрешными», требующие к себе подобающего внимания. Согласно этой схеме в послевоенные годы при жизни Сталина, ему отводилась главная роль в обеспечении победы советского народа в Великой Отечественной войне. А куда денешься. В те годы частенько звучало «…о Сталине мудром, родном и любимом, прекрасные песни слагает народ». Сам пел в институтском хоре. Кроме Сталина лавры победы доставались и его соратникам. Приведем одну лишь фразу из труда, изданного еще в те далекие годы, когда только что умер генералиссимус: «Мудрое руководство Центрального комитета партии, великого продолжателя дела Ленина И.В. Сталина и его соратников обеспечило сосредоточение всех сил народов СССР, всех материальных ресурсов страны для сокрушительного удара по врагу» [17, с. 509].

Спора нет, такова была система, все важнейшие вопросы, а тем более в военное время, не могли решаться без участия первого лица государства, тем более являвшегося в то время председателем Государственного комитета обороны. Его непререкаемое мнение в начальный период войны создавало катастрофические ситуации.

Еще накануне Сталиным был допущен ряд вопиющих ошибок, в числе которых нежелание верить в то, что Германия готовится напасть на СССР, что оно произойдет летом 1941 г., что датой нападения станет 22 июня. Уже в первые месяцы войны эти просчеты, как говорилось ранее, стоили жизни миллионам советских людей. Но Сталин умел быстро учиться, хорошо разбирался в людях и имел много других обязательных для военного времени качеств, таких, например, как твердость характера. Поэтому уже в первые месяцы старые кадры с опытом гражданской войны были отодвинуты на второй план, а туда, где решались судьбы страны, были направлены военачальники, позже ставшие прославленными маршалами (Г.К. Жуков, К.К. Рокоссовский и др.). Это же относится и к гражданским руководителям, среди которых А.Н. Косыгин, Н.А. Вознесенский, В.А. Малышев, М.В. Хруничев, Б.Л. Ванников и др.

После смерти вождя и развенчания «культа личности», чтобы освободить место для других, правильнее сказать, для другого, Сталин был исключен из главных победителей. О Сталине говорилось, что он, будучи председателем Государственного комитета обороны, имел немало заслуг, но они под влиянием культа личности преувеличивались, а заслуги К.Е. Ворошилова (*его Сталин освободил от должности наркома обороны после провала финской войны*, выделено нами), Н.С. Хрущева (*был членом военных советов фронтов и участвовал в принятии разных решений,* выделено нами) и других преуменьшались [3, с. 588]. Теперь вдохновителем и организатором победы стала коммунистическая партия [3, с. 586]. А после замены Н.С. Хрущева Л.И. Брежневым, стало необходимым поднять его роль, поскольку он во время войны был *высокопоставленным политработником, в чине полковника*. И вот в 1965 г. в работе по истории Великой Отечественной войны приводится обширный перечень не только командующих армиями, но и умудрились перечислить и членов их военных советов, среди нескольких десятков которых широко известным в стране был только Л.И. Брежнев [3, с. 591]. А сам Леонид Ильич, став к тому времени

генеральным секретарем КПСС, как сказано в 1995 г. в одном из номеров еженедельника «Аргументы и факты», очень хотел попасть в мемуары Г.К. Жукова. Беда была лишь в том, что Жуков писал только о тех людях, с которыми встречался лично. Л.И. Брежнева он за время войны не видел ни разу. И вот Жукову «предложили» вставить в текст мемуаров, что при обсуждении возможности расширения новороссийского плацдарма маршал заехал посоветоваться с начальником политотдела 18-й армии Л.И. Брежневым, но не застал его, поскольку тот «как раз находился на Малой земле, где шли тяжелейшие бои» [35].

Это все идеологические шуточки, скорее штучки. А по сути, главным было то, что независимо, от занимаемых постов, будь это председатель ГКО, командующий фронтом, член военного совета армии и т.д., все понимали, что ожидает страну в случае победы гитлеровской Германии, что и как надо делать, чтобы этого не произошло. А потому во время войны, даже ее начального периода, и в руководстве страны, и в большинстве в руководстве фронтами и армиями разброда, как это произошло в правящих кругах, например, Франции, не случилось. По словам Де Голля, в то время, т.е. когда фашистские войска наступали на Францию, неразбериха творилась в правящих кругах страны, как и в верховном командовании. К примеру, «…маршал Петен считал войну проигранной…» [4, с. 224]. В Советском Союзе, тем более при руководящей роли коммунистической партии, да еще при таком вожде, как Сталин, ни чего подобного не могло быть по определению. С началом наступления фашистских войск Красная армия действительно несла огромные потери, десятки, сотни тысяч военнослужащих попадали в плен, во многих штабах была неразбериха, нарушена связь с вышестоящим командованием, подвергались уничтожению военные объекты, населенные пункты и т.д. Но в то же время в СССР началась и притом достаточно результативно осуществляться перестройка всех структур на военный лад, пополняться личный состав армии, заменяться командующие и т.д.

Прежде всего началась эвакуация промышленных предприятий и вывоза продукции сельского хозяйства в тыловые районы страны. Мы уже говорили о проведенной в кратчайшие сроки масштабной эвакуации. Повторимся, с июля 1941 г. по август 1942 г. в тыл были перевезены 2 743 предприятия вместе с оборудованием, сырьем, другими материалами. Говоря об этом, понимаешь, что рабочими и служащими, которые эвакуировались вместе с производством, а также теми, кто это организовывал, уже в первые месяцы войны был совершен величайший подвиг. Объем эвакуации был настолько велик, что в июле 1941 г. для ее проведения была использована почти половина всего вагонного парка СССР.

Тогда же началась мобилизация пригодного к службе в армии населения. Уже в конце июня 1941 г. было принято решение о массовой мобилизации коммунистов и комсомольцев на фронт. К третьему месяцу войны, вместо ожидаемой немецким командованием прибавки на советской стороне не более 40 новых дивизий, на самом деле только летом 1941 г. на фронт прибыло 324 дивизии [38]. Несмотря на огромные потери Красной армии, в результате принимаемых мер, осуществлялось не только восполнение, но и ежегодное увеличение ее численности. Если в декабре 1941 г. личный состав действующих фронтов и флотов равнялся 4,2 млн человек, то в ноябре 1942 г. – уже 6,1 млн. В январе 1944 г. численность личного состава фронтов и флотов была близка к 6,2 млн человек, а в январе следующего победного года превысила 6,5 млн человек [3, с. 569].

Но успешность руководства страны в осуществлении оборонительных мер состояла не только в непрерывном пополнении численности войск, находящихся на фронте и быстром проведении столь масштабной эвакуации промышленного потенциала и трудовых ресурсов, часть которых перемещалась вместе с предприятиями, а другая, большая, мигрировала самостоятельно (только по железной дороге было перемещено в тыл свыше 10–12 млн человек), но и в быстром развертывании на новых местах производства военной продукции. Развертывание в тыловых районах, часто в мес-

тах, где не всегда были условия, соответствующие быстрому налаживанию производства, причем часто иного профиля, постепенно вело к росту сократившегося объема валовой продукции промышленности. Ее уровень относительно 1940 г. сократился в 1942 г. до 77%, но уже в 1943 г. увеличился до 90%, а в 1944 г. – до 104% [4, с. 559]. Это происходило в целом в промышленном производстве, тогда как в выпуске военной продукции ее рост начался уже с 1942 г. К ноябрю этого года в действующей армии уже насчитывалось свыше 78 тыс. орудий и минометов (без зенитных орудий), 7,3 тыс. танков, 4,5 тыс. боевых самолетов. Более того, со второго полугодия 1942 г. советская промышленность по большинству вооружений превысила Германию. К концу войны всех видов вооружения СССР производил больше, чем Германия. В целом с 1 июля 1941 г. по 30 июня 1945 г. в СССР было произведено 247,9 тыс. минометов, в Германии – 68 тыс., соответственно полевых орудий (75 мм и выше) – 97,8 и 44,8 тыс., танков и САУ – 95,1 и 53,8 тыс., боевых самолетов – 108 и 78,9 тыс. [3, с. 561]. Благодаря такому росту военного производства в СССР на заключительном этапе войны советская армия превосходила врага в вооружении и людской силе. Так, во время штурма Берлина у советских войск было 41,6 тыс. орудий и минометов, у немцев – 10,4 тыс., соответственно танков и САУ – 6,3 и 1,5 тыс., самолетов – 7,5 и 3,3 тыс. [12, с. 386].

Как бы не относиться к Советскому Союзу с его социально-экономическим строем и применявшимся методам управления, особенно жестким во время войны, к той партии, которая была «руководящей и организующей силой», а также к руководству страны и ее вождю Сталину с его тоталитарной сущностью, тем не менее, придется, хотим мы того или нет, признать, что все это явилось важнейшим фактором победы советского народа в Великой Отечественной войне. Но вся эта система, со всеми перечисленными ее атрибутами, оказалась бы неспособной победить (тому пример фашистская Германия с еще более жестокими методами организации и управления к тому же с человеконенавистнической идеологией) без того народа,

который жил 75–80 лет назад на просторах советской страны. Несмотря на то, что советский народ не очень богато жил, скорее даже бедно, тем не менее, преобладающее большинство людей любили свою родину и готовы были даже ценой своей жизни защитить ее.

По нашему твердому (глубокому, искреннему) убеждению, решающим фактором победы над фашистскими ордами в Великой Отечественной войне являлся советский народ с массовым проявлением им самоотверженных, героических поступков, что во многом связано с его традиционным менталитетом, а также с той системой духовных ценностей, основу которых в довоенные годы составляли коммунистические идеи. Многие верили во многое из этих идей. Менталитет, исторически присущий народам России и других союзных республик, всегда проявлялся в их отношении к защите Отечества, в поступках, совершавшихся на поле боя. О менталитете русских (это собирательно говорится о населении, проживавшем в Российской империи, Советском Союзе) свидетельствует следующий исторический факт. В одном из сражений Семилетней войны, происходившем 25 августа 1758 г., прусская армия, руководимая выдающимся полководцем того времени королем Фридрихом II, наступала на русскую армию, оставшуюся без сбежавшего с поля боя командующего. Об этом сражении один из современников писал так: «Русские дрались, как львы. Целые ряды их ложились на месте; другие тотчас выступали вперед, оспаривая у пруссаков каждый шаг. Ни один солдат не сдавался и боролся до тех пор, пока падал мертвый на землю...» [36]. Фридрих II был удивлен тем, как сражались русские, и тогда же произнес знаменитую фразу: «Русского мало убить. Русского надо еще и повалить» [36].

О духовных ценностях советского человека, влиявших на его отношение к войне, можно сказать следующее. Рядовые и командиры Красной армии, в т. ч. разведчики, часто, перед тем как идти в бой (в тыл врага), писали заявления о том, чтобы их приняли в коммунистическую партию, хотя знали отношение гитлеровцев к комиссарам и вообще коммунистам. Это явление было массовым.

В годы войны было принято 5 млн человек в кандидаты и 3,5 млн – в члены партии, а всего 8,5 млн человек [12, с. 391]. Для характеристики влияния того (менталитета) и другого (духовных ценностей) приведем, нет, не примеры героизма советского народа, хотя они и были массовыми, а представим те формы массового проявления героизма, о которых и в годы войны и еще долго после нее, в Советском Союзе знал и млад, и стар. Прежде всего известно множество случаев, а их наверняка было намного больше, когда советские воины ценой своей жизни спасали от неминуемой смерти своих товарищей. Это и броски с гранатами под вражеский танк, когда не было другой возможности его остановить. Сюда же относятся, кстати, многие известные случаи, когда красноармейцы своим телом закрывали амбразуры дзотов, из которых велась стрельба по наступающим. Первым это сделал еще в декабре 1941 г. сержант В.В. Васильковский во время битвы под Москвой. Наиболее известным стал аналогичный подвиг, совершенный рядовым Александром Матросовым в феврале 1943 г. Сюда же можно отнести и самопожертвование моряков-подводников, которые после того как их товарищи покидали тонущую лодку через торпедный аппарат, оставались на ней и умирали от удушья. Порой случалось, обычно у партизан, разведчиков и некоторых др., когда их обнаруживал враг, они отступали на болота, в заросли леса и т. д., оставляя нескольких человек прикрывать отход. Оставшиеся понимали, что они погибнут, что часто и бывало. А вот поступок, нет не поступок, а величайший подвиг, совершенный старшим сержантом артиллерии Николаем Сиротиным. Во время Смоленского сражения он остался около Варшавского шоссе вдвоем с командиром прикрывать отход полка. По шоссе шла как на парад фашистская колонна. У Н. Сиротина и его командира было одно сто сорока миллиметровое орудие. Командир после ранения ушел в тыл, а сержант остался один прикрывать полк. Он сумел подбить 11 танков, 7 бронемашин и уничтожить 57 солдат и офицеров. Погибшего сержанта немцы похоронили с почестями с целью воспитания своих солдат.

К другим явлениям самопожертвования относятся такие, когда летчики подбитого врагом самолета вместо того, чтобы спасаться, бросали свой самолет на вражеские укрепления, колонны бронетехники и т.д. Наиболее известен, а таких случаев было множество, подвиг капитана Н.Ф. Гастелло, который вместе со своим экипажем (еще 3 человека) направил горящий бомбардировщик на механизированную колонну немцев. Многие летчики, после того как у них заканчивался боекомплект или их самолет был поврежден, шли на таран с вражеским самолетом, не думая о том, погибнут они или останутся живыми. Первые воздушные тараны относятся к самому началу войны. Уже 22 июня 1941 г. воздушный таран был совершен старшим лейтенантом И.И. Ивановым. Подобных таранов в первый день войны было несколько [3, с. 60]. Часто военнослужащие, да и партизаны, даже имея возможность остаться в живых, тем не менее, ценой своей жизни, стремились нанести наибольший урон врагу, подрывая себя вместе с фашистами, приближавшими к ним. К тем случаям, когда забывая о своей жизни и думая лишь об уничтожении фашистов, также относятся атаки моряков. Они, раздевшись до тельняшек независимо от погоды, надев бескозырки и идя во весь рост на врага, нагоняли на него неподдельный страх. Немцы больше всего боялись этих отчаянных атак моряков. Можно еще добавить, что многие раненые, не дождавшись выздоровления, убегали из госпиталей на фронт, чтобы сражаться с фашистами. Известен подвиг летчика А.П. Маресьева, который после ампутации двух ног, добился разрешения летать и продолжал сбивать немецкие самолеты (сбил 7 самолетов), в меньшей мере офицера В.С. Петрова, потерявшего обе руки и после госпиталя, продолжавшего до конца войны воевать, командуя различными артиллерийскими подразделениями. К сказанному следует добавить и *это очень важно для нашего современного общества, что дети руководителей государства, военачальников всех уровней со всеми остальными участвовали в защите Отечества и гибли наряду с ними.* Так, погиб сын у А.И. Микояна, Н.С. Хрущева, М.В. Фрунзе, руководителя компартии Испании Д. Ибаррури и даже сын И.В. Сталина и т.д.

В советской стране фашисты столкнулись с тем, что свою родину защищали не только мужчины, но и женщины и дети. Назовем для примера одну из многочисленных летчиц Героя Советского Союза Лилию Литвяк, сбившею 15 вражеских самолетов. А сколько среди женщин было отличных снайперов, уже не говоря, что они на своих плечах, рискуя жизнью, вынесли с поля боя сотни и сотни тысяч раненых бойцов и командиров. Были среди них танкисты, разведчицы, пулеметчицы, связисты и т.д. Вообще численность женщин среди военнослужащих составляла 0,5 млн человек. Воевали и подростки. Их героизм также исчислялся тысячами. Четверо ребят были удостоены звания Героя Советского Союза (Леня Голиков, Марат Казей, Валя Котик и Зина Портнова). Героизм советских людей: женщин, подростков, солдат, матросов, летчиков и т.д. – все это не отдельные случаи, а массовые явления и проявлялись они многократно и при обороне того или иного населенного пункта, и в наступлении на вражеские позиции.

Говоря о массовом героизме, нужно начать с подвига гарнизона Брестской крепости. Кучка красноармейцев с командирами с первого дня войны целый месяц без воды, продовольствия, недостатка боеприпасов отражала атаки фашистов, которые применяли различные средства вплоть до выжигания огнеметами, защитников, скрывавшихся в подвалах. Из этих подвалов стрельба была слышна до августа, т.е. 1,5–2 месяца с момента нападения. К таким же явлениям можно отнести героическую защиту «дома Павлова» в Сталинграде; подвиг красноармейцев, прибывшей на фронт из Казахстана наспех сформированной дивизии генерала Панфилова, которые вместе с курсантским полком семь дней сдерживали фашистские танки на подступах к Волоколамску; продолжавшуюся два месяца и больше оборону Киева, Одессы, Смоленска и т.д. Так, Смоленск – обычный город центральной России, оказавшись на пути продвижения вражеских войск на Москву, задержал их своей мужественной обороной на два месяца. Франция и та не продержалась столько, капитулировав на 44 день от начала немецкого наступления. Еще больше, пять ме-

сяцев, длилась оборона Севастополя, а кровопролитные бои под Москвой и Сталинградом закончились полным разгромом немецко-фашистских армий. И конечно, нельзя не назвать оборону блокадного Ленинграда, длившуюся 900 дней и не допустившую врага в город. Во многом эти подвиги совершались не только красноармейцами и командирами, но и гражданским населением, многие из которых стали партизанами, пошли в ополчение, вели подпольную деятельность. Считается, что в народном ополчении было около 2 млн человек. Участники ополчения, подпольщики, просто гражданское население гибло десятками, сотнями тысяч человек. Так, в битве за Сталинград погибло 40 тыс. мирных жителей, а в блокадном Ленинграде от голода, артобстрелов и бомбежек, как уже говорилось, погибло, по разным оценка, до 1,5–2,3 млн человек.

К сказанному добавим такое особенное для России явление, как партизанская война. Партизанская война с врагом для России – историческое явление, но его масштабы в Великую Отечественную войну не сравнимы даже со временами Наполеона, армию которого сильно потрепали русские партизаны. Считается, что только в 1941–1944 гг. на территории Советского Союза действовало примерно 6 тыс. партизанских отрядов и соединений. Общая численность партизан и подпольщиков оценивается в один млн человек [26]. Согласно другому источнику, общее количество участвовавших в партизанском движении в то или иное время составляло от 400 до 500 тыс. человек [27]. Наконец, по еще одному источнику, партизан было около 2 млн [16]. Среди партизан были гражданские лица и военнослужащие, в силу тех или иных причин оставшиеся на оккупированной территории, были мужчины и женщины, дети и старики. Добавим, что многие пленные, бежавшие из немецких концлагерей, присоединялись к движению сопротивления и партизанским отрядам Франции, Польши, Италии, ЧССР, Бельгии и т.д. В это же время в тыловых районах Советского Союза гражданское население, включая женщин и детей, живущие на голодном пайке, работали, отдавая все силы для удовлетворения нужд фронта, не

думая об отдыхе и других благах. Лозунг был общий для всех: «Все для фронта, все для победы!». Трудящиеся собирали также средства в помощь фронту. Так, с декабря 1942 г. по апрель 1943 г. было собрано в Фонд Красной армии более 7 млрд руб. К примеру, саратовский колхозник Ф. Головатый отдал свои личные сбережения на строительство двух самолетов. И он был не единственным. На фронтах было много народных танков и самолетов. Кроме этого, собирали вещи (платочки, кисеты для махорки, теплое белье и т.д.), продукты и пр.

Советский народ, несмотря на вероломное нападение врага, с чем связаны огромные потери военнослужащих и гражданского населения в первые же дни войны, более того, несмотря на победоносное продвижение вражеских механизированных колонн в сторону Москвы и Ленинграда, не был сломлен, более того, народ верил, что враг будет разбит, победа будет за нами. Удивительно, но даже в Великобритании понимали, что исход войны будет зависеть не только и не столько от силы наступавших фашистских войск, сколько от того, на кого они напали. Так, уже 30 июня 1941 г., т.е. спустя неделю после нападения Германии на Советский Союз, в редакционной статье английской газеты Time «Сколько продержится Россия?» было сказано: «Вопрос о том, станет ли битва за Россию самой важной битвой в истории человечества, решают не немецкие солдаты. Ответ на него зависит от русских» [35]. Как бы отвечая английской газете, чуть позже заговорили и немецкие генералы. Вот что говорит генерал-полковник Г. Гудериан: «Русский солдат всегда отличался особым упорством, твердостью характера и большой неприхотливостью» [11, с. 133]. Ему вторит генерал пехоты Типпельскирх: «Части и соединения русских войск продолжали стойко сражаться даже в самом отчаянном положении» [11, с. 74]. А вот мнение генерал-полковника фон Клейста: «Русские с самого начала показали себя как первоклассные воины, и наши успехи в первые месяцы войны объяснялись просто лучшей подготовкой. Обретя боевой опыт, они стали первоклассными солдатами. Они сражались с исключительным

упорством, имели поразительную выносливость...» [18. с. 165]. Далее Владимир Мединский, автор предыдущего источника, цитирует слова из дневника генерала Гальдера: «Следует отметить упорство отдельных русских соединений в бою. Имели место случаи, когда гарнизоны дотов взрывали себя вместе с дотами, не желая сдаваться в плен». «Своеобразие страны и своеобразие характера русских, – отмечает фельдмаршал Браухич, – придает кампании особую специфику. Первый серьезный противник» [18, с. 167]. Ну и наконец, еще одно замечание генерала Ф. Гальдера: «Сведения с фронта подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего человека» [32]. И далее он осознает, что способ ведения боевых действий и боевой дух противника (советских людей) совсем не похожи на те, с которыми немцы встречались в предыдущих «молниеносных войнах», изумивших весь мир. Все эти и подобные высказывания, это лишь позднее осознание того, во что ввязались прославленные гитлеровские генералы со своим непобедимым войском. К сожалению, история ничему не учит, особенно тех, кто затевает войны. Немецкий генерал Гудериан, познавший на собственном опыте уроки русской истории, пишет, что Карл XII вначале разгромил Петра I, а потом все закончилось полным поражением шведов. Победоносный марш Наполеона с армией в 617 тыс. человек в Россию с взятием Москвы, хотя ему противостояла вначале лишь трехсоттысячная армия русских, окончился полным фиаско. Добавим, что тоже самое постигло и Гитлера. Он, имея превосходство во всем, включая и фактор внезапности, вначале добился выдающихся успехов – через 3 месяца после нападения немецкие войска стояли под Москвой (на всю кампанию отводилось 4 месяца). А чем закончил фюрер? Самоубийством в собственном бункере в Берлине. Такая вот поучительна история государства Российского.

Источники

1. Василевский А.М. Дело всей жизни. М. Изд-во политической литературы, 1973.

2. Великая Отечественная война (историография): Сборник обзоров. М.: ИНИОН РАН, 1995.

3. Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945. М., 1965.

4. Вторая мировая война. В воспоминаниях. М.: Изд-во политической литературы, 1990.

5. Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995.

6. Вторая мировая война / Пер. с нем. М., 1997.

7. Гареев М. Социально-политическое значение и цена Победы // Международная жизнь. 1994. № 9.

8. Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование / Под ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 1993.

9. Гуркин В.В. О людских потерях на советско-германском фронте в 1941–1945 гг. // Новая и новейшая история. 1992. № 3.

10. URL: http://1543.su/VIVOVOCO/VV/PAPERS/HISTORY/DEAD.HTM.

11. Дембицкий Н.П. Судьба пленных. Война и общество, 1941–1945. Кн. 2. М.: Наука, 2004. URL: http://scepsis.net/library/id_1250.html.

12. Итоги Второй мировой войны: Сб. статей / Пер. с нем. М., 1957.

13. История СССР. Эпоха социализма. 3-е изд. М.: Высшая школа, 1974.

14. Кардашов В. Рокоссовский. М.: Молодая гвардия, 1980.

15. Клаузевиц К. О войне. М.: Изд. корпорация «ЛОГОС»; НАУКА, 1994.

16. Кривошеев Г.Ф., Андроников В.М., Буриков П.Д., Гуркин В.В. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., 2010.

17. Людские потери СССР в Великой Отечественной войне. СПб., 1995.

18. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. III. Социализм. М.: Госполитиздат, 1956.

19. Мединский В. Война. Мифы СССР. 1939–1945. М.: Олма, 2011.

20. Народонаселение стран мира: Справочник / Под ред. проф. Б.Ц. Урланиса. М.: Статистика, 1974.

21. Полян П. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе, и их репатриация. М., 1996.

22. Роковые решения / Пер. с англ. М.: Воениздат, 1958.

23. Рыбаковский Л. Политический террор. 1937–1938 гг. М.: Экон-Информ, 2013.

24. Рыбаковский Л.Л. Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне. М.: Каталог, 2001.

25. Харенберг Б. Хроника человечества. 2-изд., доп. М.: Слово/Slovo, 2000.

26. Эрлихман В. Потери народонаселения в XX веке: Справочник. М.: Русская панорама, 2004.
27. URL: https://annasheliya.ru/personalii/partizanskoe-dvizhenie-1941-1945-kratko.html (дата обращения: 28.11.2019).
28. URL: https://clck.ru/LwiQS (дата обращения: 28.11.2019).
29. URL: https://dedugan530.livejournal.com/109282.html (дата обращения: 28.11.2019).
30. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/76426/%D0%92%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B9 (дата обращения: 30.11.2019).
31. URL: https://history.wikireading.ru/371716 (дата обращения: 01.12.2019).
32. URL: https://topwar.ru/1706-lend-liz-mify-i-realnost.html (дата обращения: 02.12.2019).
33. URL: https://clck.ru/MsdL8 (дата обращения: 10.12.2019).
34. URL: https//vseonauke.com/119458773339409052/poteri-ssha-vo-vto-rojmirovoj-voine (дата обращения: 06.09.2019).
35. URL: https://yandex.ru/search/?text=%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B4-%D0%BB%D0%B8%D0%B7&lr=213 (дата обращения: 03.12.2019).
36. URL: https://aif.ru/archive/1643912 (дата обращения: 11.12.2019).
37. URL: https://pikabu.ru/story/zagadki_tsorndorfskoy_batalii_russkogo_malo_ubit_russkogo_nado_eshche_i_povalit_4834833 (дата обращения: 13.12.2019).
38. URL: https://russian7.ru/post/chto-bylo-s-pogodoy-v-konce-1941-goda-vovrem/ (дата обращения: 09.12.2019).
39. URL: https://clck.ru/VXfz (дата обращения: 10.12.2019).
40. URL: https://clck.ru/DJ7M2 (дата обращения: 13.12.2019).
41. URL: https://historical-fact.livejournal.com/84793.html (дата обращения: 13.12.2019).
42. URL: http://www.imha.ru/1144523759-svodnaja-tablica-poter-vpervojj.Html (дата обращения: 29.12.2019)
43. URL: https://zen.yandex.ru/media/vatnikstan/vzgliad-russkih-emigrantov-naden-pobedy-5cd2f8e5dc10c300b3396f4c.

Вместо заключения

Минуло три четверти столетия как закончилась Великая Отечественная война. И величайшая победа, одержанная Советским Союзом в этой войне, и цена этой победы воспринимаются абсолютным большинством народа России как горестные и радостные события нашей не столь уж давней истории. Незнание истории порождает мифы и легенды. Но и хорошее знание истории при соответствующей мотивации способно породить немыслимые вымыслы и домыслы. Несколько таких фальсификаций (русская история – полоса сплошных фальсификаций) с разной степенью интенсивности уже многие десятилетия пульсируют вокруг итогов Великой Отечественной войны.

Начнем с наиболее раннего и особенно зловредного измышления о нашей истории. О нем говорилось во второй главе первого раздела. Здесь лишь повторим суть этого измышления. Она состоит в том, что Советский Союз якобы готовился напасть на Германию, поэтому Гитлер 22 июня 1941 г. был вынужден предупредить действия сверхмощной и готовой к нападению Красной армии и нанести превентивный удар. Этот пропагандистский маневр был ничем иным, как нацистским оправданием плана «Барбаросса». Заметьте, это пишет не российский, а западногерманский профессор Бианка Пиетров-Энкер в фундаментальном труде немецких военных историков. Далее он добавляет, что это была не упреждающая акция, а идеологически мотивированная и заранее спланированная истребительная война против СССР. «...В документальных источниках нет никаких намеков на то, что это решение Гитлера следует рассматривать как якобы реакцию на советскую политику летом 1940 г.» [1, с. 455].

Разновидностью этого гитлеровского вымысла явились высказывания о том, что виновником Второй мировой войны являются как Германия, так и Советский Союз. Они появились в США после известного выступления У. Черчилля в 1946 г., открывшего эру холодной войны. В этом утверждении явно нарушена логика, так как Вторая мировая война началась задолго до нападения Германии на СССР. Но причем тут логика, если речь идет о политике. Нацистский миф, слегка модернизированный американскими советологами времен холодной войны, чуть позже воскрешает предавший свою родину офицер-разведчик Резун (печатался под псевдонимом Суворов). Мало того, но в 2000 г. этот Резун появляется на канале НТВ в программе господина Киселева и вещает все о том же, что СССР собирался напасть на Германию, а Гитлер это лишь упредил. Его аргументы сводятся к тому, что в западные военные округа Советский Союз завез сапоги, а это признак готовящегося наступления (вроде в обмотках нельзя наступать, кстати, они в ряде случаев даже удобнее сапог). К тому же и войска были передвинуты на новые границы. Но это в порядке вещей, т.к. с присоединением территорий Западной Украины и Белоруссии границы изменились, что потребовало передислокацию войск. Добавим, что нет необходимости говорить о том, что СССР был не готов не только к нападению, но и к обороне, что он еще не пережил шок от финской кампании, что армия еще нуждалась в перевооружении и т. д.

Не было бы смысла дальше останавливаться на измышлениях этого предателя родины. К тому же немецкие военные историки раскрыли абсурдность измышления, которого придерживаются не только американские политики и политологи, но и господа «резуны». И вдруг российский доктор наук, которого академик Г.В. Осипов называет «самым неутомимым профессиональным фальсификатором», не кто иной, как Б. Соколов, заявляет, что после публикации книги В. Суворова (то бишь Резуна) стало очевидным, что советское нападение на Германию готовилось одновременно с операцией «Барбаросса» [2, 1991]. Как бы в унисон с этим откровением

Б. Соколова в Польше стали официально пропагандироваться домыслы о том, что в развязывании Второй мировой войны виноваты и Германия, и Советский Союз. Одним из таких выпадов было обвинение СССР в равной с Третьим рейхом ответственности в развязывании Второй мировой войны, опубликованное совсем недавно в статье посла Польши в ФРГ. Привлекая внимание к этой версии, полякам легче скрыть свои агрессивные действия во времена Мюнхенского сговора, в результате которого Гитлер позволил Польше прихватить косок территории Чехословакии (св. 800 тыс. кв. км). Вообще-то, как ни прискорбно осознавать, но западногерманская историография оказалась намного правдивее и честнее некоторых наших отечественных «специалистов» по Великой Отечественной войне, не говоря уже о польской политической элите.

Другой домысел заключается в утверждении, что в потерях советского народа в равной мере повинны Сталин и Гитлер. Причем Сталин, по словам небезызвестного Зб. Бжезинского (американца польского происхождения), был большим убийцей, чем Гитлер. Бесспорно, на совести Сталина несколько миллионов загубленных жизней в результате репрессий и вызванного, прежде всего, коллективизацией голода. Он, несомненно, повинен и во многих жертвах, связанных с войной. Но ведь не будь войны – не было бы и жертв. Проводить знак равенства между Гитлером и Сталиным, это уравнивать в злодеяниях жертву и агрессора. Видимо наступит время, когда в отечественной науке и, что важно, в публицистике объективно воздадут за содеянное и Гитлеру, и Сталину. Но сегодня приходится апеллировать опять же к немецким ученым, которые считают недостойным проводить параллели между «Архипелагом ГУЛАГ» и Аушвицем [1]. В ряд с Аушвицем следует добавить Освенцим, Майданек, Бухенвальд и сотни других фабрик убийства людей. Одно дело безжалостное, но все же избирательное отношение к собственным гражданам, другое – идеологически мотивированное уничтожение неугодных народов (6 млн евреев, свыше 30 млн славян и т.д.). Историк А. Соколов (не путать с Б. Соколовым), иронизируя

над теми, кто пытается поставить знак равенства между Гитлером и Сталиным, приводит квинтэссенцию этих аргументов: Сталин будто бы добился победы над Гитлером, потому что прибегал «к так называемой "дисциплине страха" – штрафбатам, заградительным отрядам и прочим мерам подобного свойства» [3]. Те, кто утверждают, что Сталин такой же, как и Гитлер, еще и вменяют Сталину, что якобы это он привел Гитлера к власти, заключил с ним позорные секретные протоколы и многое другое. Опровержение этих и других подобных измышлений аргументированно дается в монографии В. Мединского. Приведем из его работы лишь одну фразу. *«Режим Сталина был репрессивным, но режим Гитлера – человеконенавистническим. Разве можно ставить их рядом?»* – вопрошает Патриарх Кирилл. С этим «нормальный человек, знающий и любящий свою родину, – не может не согласиться» [4, с. 6].

Третий домысел, который особенно активно в настоящее время продвигают западные политики и политологи, сводится к умалению роли Советского Союза в победе над гитлеровской Германией и, наоборот, в доказательстве того, что заслуга в этом принадлежит США и Великобритании. Еще раз процитируем место из статьи А.К. Соколова: «В трудах о Второй мировой войне, изданных и до сих пор выходящих в Англии и США, вопрос о роли Восточного фронта, как правило, замалчивается. В лучшем случае уделяется внимание Сталинградской битве, поставкам по ленд-лизу и северным конвоям. …термин "Великая Отечественная война" был вообще исключен из зарубежной историографии» [3]. Как вели себя союзники и какова была их действительная роль в разгроме фашистской Германии, показано в третьей главе третьего раздела. Здесь приведем лишь несколько фрагментов о том, как они ведут себя в настоящее время. Вот один из вопиющих фактов. В начале июня 2019 г. на торжества по случаю 75-летия высадки англо-американских войск в Нормандии и открытия второго фронта умышленно не пригласили представителей Советского Союза А зачем приглашать? Ведь больше не ожидается катастрофы войск союзников вследствие их

окружения, как это было под Арденнами, и не надо просить Советский Союз о помощи. А вот еще одно замечание В. Мединского. Он в мае 2010 г. проезжал недалеко от Ниццы мимо памятника героям Второй мировой войны. У постамента развевается три флага стран-победительниц: французский, американский и английский. Добавим, что США к 75-тилетию Победы во Второй мировой войне выпустили монету, на обороте которой флаги США, Великобритании и Франции (СССР также нет). Нет необходимости дальше приводить подобные грязные, иначе их не назовешь, поступки бывших участников антигитлеровской коалиции. Просто сошлемся на Зб. Бжезинского. Кому как не ему можно верить в этом вопросе, как никак был советником по национальной безопасности президента Джимми Картера, одним из ведущих идеологов внешней политики США и всегда оставался непримиримым недругом Советского Союза да и России. Вот его мнение о том, какая страна сыграла решающую роль в войне с гитлеровской Германией. Зб. Бжезинским сказано буквально следующее: «Парадоксально, что разгром нацистской Германии повысил международный статус Америки, хотя она и не сыграла решающей роли в победе над гитлеризмом» [5]. *Заслуга достижения этой победы должна быть признана за сталинским Советским Союзом, одиозным соперником Гитлера* (выделено нами).

Четвертый, уже не домысел, а злой умысел, относится к тому, что ныне политические элиты стран, которые освобождал Советский Союз от гитлеровской оккупации и где покоятся останки погибших советских солдат и командиров (примерно миллион человек), пытаются их представить как оккупантов. Более того, либо напрямую, либо потворствуют сносу памятников воинам-освободителям, включая и монументы тех, кто командовал советскими войсками. Естественно, что среди этих стран – Польша и прибалтийские государства, кстати, ставшие самостоятельными благодаря Октябрьской революции. К этим странам подключилась и Украина, как будто бы она не была частью Советского Союза. Более того, Европарламент разрешил сносить памятники воинам-освободителям. Что там памятни-

ки. В Украине и прибалтийских странах ныне героями становятся бывшие нацисты, бандеровцы и другие пособники нацизма. В их честь переименовываются названия улиц и площадей. Если их не остановить, то снова появятся и Бабий Яр, и Освенцим. С этими странами все понятно. Они внутренне всегда были такими по отношению к России. Но не понятно, как в их числе оказалась Чехия, куда в самом конце войны на помощь восставшего народа Праги срочно были переброшены советские войска под командованием маршала Конева, где погибли советские военнослужащие, по сути, уже после победы. И уж совсем удивляет Болгария, которую русские войска дважды освобождали и в конце XIX, и в середине XX века. Эта страна, будучи во время Второй мировой войны в гитлеровском блоке, всячески помогала Германии, пока та побеждала, а затем после прихода советских войск вступила в антигитлеровскую коалицию. После победы многие десятилетия оставаясь с Советским Союзом лучшими друзьями, вдруг стала осуществлять то же самое, что уже давно делали государства Балтии.

Принижение, а то и полное отрицание роли СССР в победе на гитлеровской Германией; представление Советского Союза агрессором, ответственным за развязывание Второй мировой войны; навязывание мировой общественности фальшивки о том, что в прибалтийских странах был оккупационный режим (хорош режим, при котором создавалась современная экономика, новые предприятия, дороги, порты и т.д., причем за счет средств других республик, прежде всего РСФСР), – все эти домыслы навряд ли удастся когда-либо преодолеть. Да и надо ли тратить силы и средства на это? Надо просто помнить, что уже сто лет (от времен интервенции до современных санкций) отношение к советским людям, народу России было отнюдь не дружественным. Не надо думать, что оно изменится в ближайшие, нет, не годы, десятилетия. России надо просто научиться избегать ситуаций, когда она всегда оказывается после мировых катаклизмов в худшем положении, чем другие страны. Возьмем ту же Вторую мировую войну. Она окончилась и уже через

10–20 лет побежденные страны (Германия и Япония) стали жить много богаче и лучше, чем страна победитель – Советский Союз. Мы не говорим здесь о США, которые и в Первую и особенно во Вторую мировую войну смогли извлечь наибольшую выгоду. Великобритания тоже не очень пострадала, т.к. всегда в своих внешнеполитических действиях руководствуется принципом, сформулированным еще в середине XIX века премьер-министром Пальмерстоном, который сказал, что у Великобритании нет вечных союзников и у нее нет постоянных врагов; вечны и постоянны только наши интересы. Наш долг – защищать эти интересы.

Россия также имеет свои собственные интересы, надо лишь научиться именно эти интересы защищать, думая на шаг, что там на шаг, на километр вперед. Россия – самодостаточная страна, обладающая всем необходимым, чтобы защитить свои интересы. Для этого только надо, чтобы российский народ жил в соответствии с теми условиями, которыми обладает страна. Природные ресурсы и возможности экономического развития позволяют этого достичь. Наш народ за свою родину всегда мог постоять, даже ценой собственной жизни. Нужно лишь, чтобы родина ценила свой народ, а народ ценил свою жизнь.

Источники

1. Вторая мировая война. Пер. с немецкого. М., 1997
2. Соколов Б. Цена Победы. Великая Отечественная. Неизвестное об известном. М.
3. Соколов А.К., Эпопея минувшей войны. // «Русская история». № 3-4, 2010
4. Мединский Владимир. Война. Мифы СССР. 1939–1945. Олма. Медиа групп. М.2011
5. [https://sprashivalka.com/q/1035899644, обр. 28.03.2020].

Оглавление

Предисловие 5

Раздел 1.
ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА: ПРЕДПОСЫЛКИ, СПЕЦИФИКА, ПЕРИОДИЗАЦИЯ 7

Глава 1. Войны в истории человечества и их апофеоз – Вторая мировая война 7

Глава 2. Укрепление обороноспособности Советского Союза в предвоенные годы и начало войны 33

Глава 3. Великая отечественная война, ее особенности, периодизация и результаты 61

Источники 94

Раздел 2.
ЛЮДСКИЕ ПОТЕРИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И РОССИИ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 97

Глава 1. Оценки людских потерь СССР в советский период 97

Глава 2. Определение людских потерь Советского Союза балансовым методом и их оценки в постсоветские годы 119

Глава 3. Оценка людских потерь России в Великой Отечественной войне 147

Источники 171

Раздел 3.
ПРИЧИНЫ ГРОМАДНЫХ ПОТЕРЬ СОВЕТСКОГО НАРОДА И ФАКТОРЫ ЕГО ПОБЕДЫ В ВОЙНЕ 1941–1945 гг. 175

Глава 1. Людские потери во Второй мировой войне и доля в них Советского Союза 175

Глава 2. Причины столь масштабных людских потерь Советского Союза в Великой Отечественной войне 191

Глава 3. Факторы победы Советского Союза в Великой Отечественной войне 210

Источники 241

Вместо заключения 243

Об авторе 251

Об авторе

Автор монографии – Рыбаковский Леонид Леонидович – родился в г. Спасске Приморского края. Среднюю школу окончил в 1949 г. в поселке, расположенном недалеко от Владивостока (станция Угольная). В 1953 г. окончил Куйбышевский плановый институт (ныне Самарский государственный экономический университет). С осени 1959 г. стал работать в научных учреждениях АН СССР, позже РАН, сперва в Сахалинском КНИИ СО АН СССР, затем в Хабаровском КНИИ СО АН СССР и после переезда в Москву, в социологическом учреждении академии наук (Институт социологических исследований АН СССР – Институт социально-политических исследований РАН). В 1963 г. защитил кандидатскую диссертацию по «Экономике труда», в 1969 г. – докторскую по «Экономике районов и размещению производительных сил». В 1977 г. присвоено звание профессора по специальности «экономика народонаселения и демография». Л.Л. Рыбаковским опубликовано 12 авторских монографий, в т.ч. в десятые годы XXI века: «Политический террор. 1937–1938 гг.» (М.: Экон-Информ, 2013. 15,5 л.), «20 лет депопуляции в России» (М.: Экон-Информ, 2014. 14,5 л.), «История и теория миграции населения», книга первая. Мировые миграции: исторические фрагменты и их детерминанты (М.: Экон-Информ, 2016. 13,25 л.), «История и теория миграции населения», книга вторая. Миграция населения: явление, понятие, детерминанты (М.: Экон-Информ, 2017. 14,75 л.) и «История и теория миграции населения», книга третья. Теория трех стадий миграционного процесса (М.: Экон-Информ, 2019. 13,75 л.). Три последние книги издательством «ЮРАЙТ» под названием «Миграция населения» изданы в качестве учебного пособия для вузов (М.: ЮРАЙТ, 2019, 37,24 л.) Кроме авторских книг также опубликовано свыше 20 монографий коллективных и в соавторстве.

Научное издание

ЛЕОНИД РЫБАКОВСКИЙ

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ.
ОСОБЕННОСТИ. ЛЮДСКИЕ ПОТЕРИ.
ФАКТОРЫ ПОБЕДЫ

Подписано в печать 30.04.2020 г. Формат 60x90 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,75. Заказ 3182. Тираж 500 экз.

Отпечатано ООО «Издательство «Экон-Информ»
129329, Москва, ул. Кольская, д. 7, стр. 2. Тел. (499) 180-9407
www.ekon-inform.ru; e-mail: eep@yandex.ru